

КАЙЛА СТОУН

НАДВИГАЮЩИЙСЯ
ШТОРМ

ПОСЛЕДНЕЕ УБЕЖИЩЕ #1

Захват круизного лайнера. Появление смертельного вируса. Судьба человечества висит на волоске...

В недалеком будущем, опустошенном голодом и болезнями, Соединенные Штаты балансируют на грани краха.

Когда террористы захватывают роскошный круизный лайнер, богатая Амелия Блэк вынуждена скрываться вместе с Габриэлем Риверой, загадочным незнакомцем и обладателем опасного секрета. Он — ее единственная надежда — если она сможет ему доверять.

Несмотря на непреодолимые различия — и на убийц, охотящихся за ними, — пара должна заключить неожиданный союз, чтобы выжить. Когда границы между врагами и союзниками стираются, они обнаруживают новую страшную угрозу: биооружие мирового масштаба, спрятанное на корабле.

То, что начинается как один ужасающий инцидент, вскоре перерастает в гонку за спасение человечества от вымирания...

Кайла Стоун
Надвигающийся шторм
Серия: Последнее убежище-1

Перевод: MonaBurumba

Вычитка: MonaBurumba

Русификация обложки: Хексаны

Переведено специально для группы: vk.com/monaburumba

Уиллоу

Трудно поверить, что всего несколько часов назад «Гранд Вояджер» представлял собой сверкающую жемчужину из мрамора и стекла, великолепное, мерцающее обещание, настолько реальное, что казалось, его можно подержать в руках. Это был корабль, способный исполнить любое роскошное желание, заставляющий поверить в реальность каждой вашей мечты.

Но все оказалось ложью. Это уже не мечта, а кошмар. А вместе с кошмаром пришел ужас, крики и бегство, оружие и кровь, красивые тела, замершие, как безвольные куклы. За считанные минуты весь мир разлетелся на куски.

Теперь некуда бежать. Негде спрятаться.

В животе семнадцатилетней Уиллоу Бахагари застыл ужас. На лбу выступили бисеринки пота. Ткань платья неприятно липла к коже.

Она присела за стойку кофейного бара в коридоре десятой палубы круизного лайнера «Гранд Вояджер». Повсюду зловеще поблескивали разбитые витрины, осколки стекла усеивали пол. Перед ней простирался коридор, безмолвный и пустой, если не считать трупов.

Уиллоу напряглась, пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук в грохоте и шуме шторма.

Снова послышались голоса. Два или три, откуда-то из конца коридора. Они искали выживших. И они направлялись в ее сторону. Она не знала, кто они и что им нужно.

Знала только, если ее найдут, она умрет.

Но она не могла умереть. Пока не могла. Ее семья все еще где-то там, в ловушке на корабле. Она нужна своему младшему брату Бенджи. Он остался один из-за нее, из-за того, что она сделала. Она должна все исправить. Посреди всего этого хаоса никто, кроме нее, не мог его спасти. Она не могла умереть. Уиллоу отказывалась умирать.

Раздался далекий раскат грома. Волны ударили о борт корабля. Пол накренился, и она покачнулась, осколки стекла вонзились в ее голые ноги. Уиллоу втянула воздух. Она старалась не обращать внимания на боль и страх. Она должна собраться с мыслями.

Ей нужно оружие. Она подобрала большой осколок стекла, подняла платье и обернула кусок ткани вокруг нижней половины, сделав жалкую, почти бесполезную рукоятку.

Снова прогремел гром, и молния пронзила ночное небо в окнах на другой стороне коридора. Дождь хлестал по стеклу. Откуда-то сверху раздался ужасный треск выстрелов.

Голоса становились все громче. Они настигнут ее через тридцать секунд, а может, и раньше.

Сердце забило быстрее. «Прячься!» Но бежать некуда. Она загнана в угол. В ловушке. Здесь имелся только мини-холодильник и шкафы для хранения.

Уиллоу тихонько заглянула в один, вздрогнув от скрипа петель. Он оказался полон хлама. Второй тоже. Но в третьем шкафу под раковиной хранились только промышленный галлон мыла, бутылка универсального чистящего средства, упаковка губок и несколько сложенных полотенец для рук. Возможно, ей хватит места.

Осторожно она открыла дверь. Дрожащими пальцами отбросила в сторону принадлежности и проскользнула внутрь шкафа. Уиллоу просунула голову под трубы и чашу раковины и протиснулась внутрь.

Дверь не закрывалась до конца.

Черт бы побрал эти отцовские гены. Ее мышцы болели в знак протеста, пока она скручивала себя в самую маленькую, самую узкую фигуру из возможных. Внутри шкафа царили темнота и сырость, воздух застоялся. Между краем шкафа и дверцей оставалось два дюйма свободного пространства.

Хруст ботинок о стекло.

Она не успела. Пот струйками стекал по ее шее. Уиллоу крепко сжала рукой осколок стекла, чувствуя боль в области большого и указательного пальцев.

Тяжелые шаги гулко отдавались от стенки кофейного бара, направляясь прямо к ней. Тень упала на узкую щель приоткрытой двери. Уиллоу разглядела черные брюки, ножны для ножа и рацию, пристегнутую к поясу. Она смогла рассмотреть ткань его брюк, потертый, истрепанный уголок большого кармана.

Кран над ее головой включился. Вода хлынула по трубе, прижатой к ее щеке. Уиллоу не двигалась. Она не дышала.

Мгновение тянулось, каждая секунда доставляла мучительные страдания. Он знает. Он знал, что она там, в шкафу. Он уже нацеливал винтовку, в секунде от того, чтобы распахнуть дверь...

Она сжала осколок стекла. Каждый мускул в ее теле напрягся. Она не могла умереть здесь. Только не так, не трусливо как животное. Она не нашла свою семью. Она не спасла своего брата. Она не искупила свои грехи.

Уиллоу разжала дрожащие руки, вытирая пот с глаз. Ждать. Ждать.

Что бы ни случилось, она будет готова. У нее просто нет выбора.

Уиллоу

Восьмью днями раньше...

Уиллоу следовало бы считать себя одной из самых счастливых девушек на свете. Ее окружали роскошь и экстравагантность, о которых она могла только мечтать. Но вместо восторга, как у ее тринадцатилетней сестры Зии, или восхищения, что испытывал ее младший брат Бенджи, она чувствовала лишь унылую пустоту.

Великолепие «Гранд Вояджера» казалось почти нереальным по сравнению со бедностью и лишениями, к которым она привыкла. Повсюду сверкал мрамор, искрились хрусталь и стекло. Стеклянные лифты парили в десятиэтажном атриуме. Изогнутая парадная лестница, полностью построенная из стекла, поднималась на второй и третий балконы. Лучи солнечного света проникали сквозь прозрачный куполообразный потолок, заставляя каждую поверхность переливаться, подобно бриллиантам.

Ее восьмилетний брат склонился над мраморным фонтаном с колоннами в центре атриума. Они с Зией подставляли пальцы под струи воды, вырывающиеся из рта позолоченных русалок.

— Можно мы это попробуем? Пожалуйста? — Бенджи взволнованно указал на голографический экран над Центром экскурсий. Там рекламировались все возможные развлечения на борту: катание на воздушных лыжах, 4D-сноурклинг и приключения на личной подводной лодке. Появилось изображение маленького мальчика, сидящего на гладкой спине модифицированной косатки. Если верить рекламе, косатки подверглись генетической модификации, чтобы быть тупыми и послушными, безопасными для развлечения всей семьи.

— Мне жаль, сынок. — Их мать была невысокого роста, как и Уиллоу, как впрочем большинство филиппинских *titas*, или тетушек в ее семье. Ее темные волосы были подстрижены в четкий, угловатый боб. Она улыбнулась, но улыбка не достигла ее усталых глаз. — В приз входит только сам корабль. В этот раз мы не сможем принять участие в платных развлечениях.

«В этот раз». Как будто когда-нибудь будет другой раз. Семья Уиллоу оказалась на этом шикарном лайнере только потому, что ее мать, по сути, выиграла в лотерею. Раз в год все кандидаты на звание «сотрудник месяца» бросали свои имена в шляпу. В этом году выиграла Марисоль Бахагари.

Мама Уиллоу работала в «Вояджер Энтерпрайзис» помощником директора по хозяйственным вопросам и отсылала домой все, что зарабатывала. Последние пять лет Уиллоу вместе с братом и сестрой жили со своей бабушкой Лолой в тесной двухкомнатной квартире в Ньюарке, штат Нью-Джерси, видя маму лишь несколько месяцев в году.

— Чем сначала займемся? — восторженный голос Зии ворвался в ее мысли. Зия была жизнерадостной во всем. Бирюзовая стрижка-пикси подчеркивала ее лицо в форме сердца, глаза казались огромными от волнения.

Зия уставилась на голограмму карты корабля, которую вызвала, дважды нажав на браслет.

— Криотерапия в снежной комнате? Тапас во вращающемся ресторане со стеклянным полом? Зона пониженной гравитации? Плавающие капсулы для сна в спа-салоне

«Позолоченный коралл»?

— Мы сделаем столько, сколько сможем, я обещаю. — Мама сунула руку в карман и вытащила красный браслет персонала. — Я пойду проверю, все ли в порядке в Службе хозяйственного обслуживания.

Уиллоу закатила глаза.

— Разве ты не должна отдыхать?

— Это займет всего минуту, честно. — Мама помахала рукой, проходя через неприметную дверь «Только для экипажа и уполномоченного персонала». Зия и Бенджи повернулись к Уиллоу, их лица сияли от нетерпения.

Бенджи схватил ее за руку.

— Мы можем пойти поплавать? Пожалуйста, эйт? — Он использовал обращение к ней как к старшей сестре, только когда действительно чего-то хотел.

— Ох, хорошо. Давайте осуществим хотя бы одну из наших идей. — Она позволила своим брату и сестре провести ее через пещерный атриум и королевский променад, по нескольким лестницам, украшенным бесценными произведениями искусства, и по мраморным коридорам, уже запруженным красивыми, изысканными аристократами.

Свет лился через массивные окна от пола до потолка. Каждая поверхность сверкала. Полы до блеска отполированы, потолки украшены филигранной бронзовой отделкой и хрустальными люстрами.

Уиллоу увидела свое измученное отражение в стекле. Темные круги обрамляли ее глаза. Она выглядела такой же измученной, как и мама. Нужно расслабиться. Она должна веселиться. Не просто веселиться, а наслаждаться жизнью. Но она не могла.

Уиллоу последовала за Зией через стеклянные двойные двери, которые открывались и закрывались с тихим шипением. Она прикрыла глаза от резкого солнца. Палуба из тикового дерева, казалось, продолжалась вечно: ряды и ряды шезлонгов были расставлены вокруг массивного джакузи в форме лагуны и еще большего бассейна. На верхней палубе в кабинках с развевающимися на ветру тканевыми занавесками располагались боты для массажа с руками-щупальцами, похожими на осьминога.

Им навстречу, наклонив головы, шли двое мужчин. Они двигались так быстро, что Уиллоу пришлось схватить Бенджи за руку и оттащить его с дороги.

— Смотри, куда идешь, — прошипел один из мужчин, глядя на нее. Его брови были нахмурены, челюсть сжата, глаза темные и яростные.

Инстинктивно Уиллоу отступила назад, почувствовав внезапное беспокойство.

— Простите?

Мужчина оскалился и продолжил идти. Его товарищ вообще не взглянул на нее. Тот первый посмотрел на нее почти... с ненавистью. Она задрожала, хотя стоял жаркий сентябрьский день.

— Смотри! — Бенджи указал на огромную прозрачную трубу, закручивающуюся спиралью над ними и перекидывающуюся через край корабля. Волны плескались в ней, когда кто-то проплывал мимо на водяной доске. Такая футуристическая конструкция сочетала в себе ленивую реку, волновой серфинг и эпическую горку. — Я собираюсь сразить эту штуку!

— Сначала спасательный жилет. — Уиллоу указала на корзину, наполненную гладкими надувными жилетами.

Бенджи фыркнул и потер нос.

— Ни за что. Никто из других детей их не носит.

Она понизила голос.

— Эти дети не такие, как ты. Они члены сельских клубов и вступают в команды по плаванию, когда им исполняется четыре года. Ты не умеешь плавать.

Бенджи посмотрел на них. Он ненавидел, когда его в чем-то обделяли. Это часто случалось из-за его астмы. И из-за денег. Все всегда сводилось к деньгам.

Уиллоу тоже не умела плавать. Но разве это может быть трудно? Она опустилась на колени перед братом и прижалась лбом к его лбу, как делала с тех пор, когда он был маленьким и боялся темноты.

— Я научу тебя, обещаю. Но пока, если ты хочешь победить это чудовище, — она указала на массивную трубу, кружившую над ними, — должен надеть жилет.

— Договорились! — Мгновенно успокоившись, Бенджи стянул с себя одежду и понесся по палубе. Он надел спасательный жилет и бросился в глубокую часть бассейна, обдав брызгами всех, кто находился в пределах досягаемости.

Обслуживающий робот-слуга подобрал выброшенную одежду Бенджи и аккуратно сложил ее на пустом шезлонге. Несколько других человекоподобных ботов расправили подушки и принесли свежие полотенца. Они проносились между рядами шезлонгов, разнося на подносах фруктовые напитки.

Зия разделась до ярко-бирюзового купальника. Она была такой же невысокой, как и Уиллоу, ее рост едва достигал пяти футов, но отличалась стройностью там, где Уиллоу имела плотное телосложение. Проклятье генов ее отца — «широкая кость», как любила повторять мама.

Зия распыляла крем от загара на свою смуглую кожу.

— Ты в порядке? Ты странно себя ведешь.

Уиллоу напряглась. Зия всегда чувствовала ее настроение, даже когда ей хотелось, чтобы сестра ничего не замечала.

— Все хорошо, — ответила она слишком резко. Как Уиллоу могла объяснить, что чувствует вину за то, что наслаждается этой роскошью, а затем стыдится, что вообще чувствует вину. Она должна отрываться по полной. Именно сейчас, прямо здесь, наступил лучший момент в ее жизни. А она все портила. — Я в порядке.

Зия изучала ее, морща нос.

— Уверена?

Даже если бы и хотела получить удовольствие, она все равно снова застряла в роли няньки. Уиллоу прогнала очередной укол вины.

— Я уверена. Почему бы тебе не насладиться этой сумасшедшей горкой вместе с Бенджи?

Зия нахмурилась, но подчинилась и рысью побежала к Бенджи. Уиллоу опустилась на шезлонг, гелевая подушка подстроилась под ее тело, и она надвинула на глаза свои дешевые солнцезащитные очки. Будь она сейчас дома, то работала бы ежедневно после уроков, чтобы оплатить счета. Она совмещала учебу со сменами в качестве садовника в компании, занимающейся ландшафтным дизайном. Невысокого роста и плотного телосложения, она обладала силой. Она подстригала живые изгороди, выдергивала сорняки, рубила ветки и таскала сорокафунтовые мешки с мульчей и удобрениями наравне с лучшими из работников.

Работу могли выполнять и роботы, но человеческий труд обходился дешевле, по крайней мере, в ландшафтном дизайне. Поскольку большинство рабочих мест в сфере

обслуживания перешли к ботам, это оказалось самым подходящим вариантом, если только вы не были миллионером, который мог позволить себе колледж. Такова жизнь.

Уиллоу хотела продать их выигрышные билеты, но мама настаивала, что это вызовет недовольство ее работодателей. «Зато у нас могут остаться славные воспоминания, милая», — убеждала она.

Что по мнению Уиллоу полная чушь. Воспоминания не могли утолить отчаянную боль в животе, тревогу, которая никак не утихала.

Она посмотрела через бассейн на кафе «Тайдс Тапас», где гости заказывали еду по меню, вмонтированному в гладкую поверхность столов. Сервисные боты доставляли тарелки с гамбургерами, фаршированными грибами и миниатюрными стопками свежих фруктов.

Уиллоу вдыхала пикантные, аппетитные ароматы. Каждый кусочек был настоящим, а не тем готовым дерьмом, которое и выглядит и на вкус как картонная коробка. Если бы здесь оказалась ее лучшая подруга Рианна, она бы съела все, что представлено в меню. Когда в последний раз Уиллоу ела настоящий гамбургер? Она не могла вспомнить.

Подбежал Бенджи.

— Мы отплываем! Идем смотреть!

Уиллоу вздохнула и позволила брату протащить ее по палубе. Из-за боязни высоты она держалась на безопасном расстоянии от стеклянных перил. Над головой кружили чайки. Под ними мерцал залив, поблескивал возвышающийся белый корпус «Гранд Вояджера». За Манхэттенским терминалом сверкающий силуэт взмывал в чистое голубое небо.

Все казалось идеальным — пока она не взглянула вниз, на погрузочные доки. Трап закрыли. Десятки охранных ботов патрулировали несколько зон, отделенных старинными ограждениями из колючей проволоки. Вооруженная охрана, одетая в черное боевое снаряжение, дежурила у потрескивающего плазменного забора.

За оградой собралась толпа, потрясая кулаками и поднимая вверх таблички и голопроекции, находящиеся слишком далеко, чтобы их прочесть. Над головами протестующих проносились беспилотные летательные аппараты, в качестве безмолвного, но грозного предупреждения.

Когда транспорт доставил семью Уиллоу к терминалу, несколько человек яростно стучали в окна машины, выкрикивая проклятия, пока дюжина полицейских ботов не оттолкнула их с громкими предупреждениями и тактическими перцовыми баллончиками. Уиллоу тогда чуть не стошнило.

Она понимала их гнев. Она и сама его чувствовала. Еды и работы не хватало. Вторая Великая депрессия затянулась более чем на десятилетие. На фоне такого голода и безнадежности безвкусная, грандиозная экстравагантность «Гранд Вояджера» выглядела просто вульгарно.

Этот четырнадцатидневный круиз обещал незабываемое путешествие, эксцентричное исполнение всех роскошных желаний и мечтаний, которые только можно себе представить. Но только для элиты, только для тех, кто достаточно богат и влиятелен, чтобы не обращать внимание на страдания всех остальных.

Ей не место на этом корабле. Ее место среди возмущенной толпы внизу — истощенной и измотанной, как и ее мама, поглощенной заботами и вечно находящейся в режиме выживания.

Для Уиллоу «Гранд Вояджер» стал лишь мечтой, которая ускользнет от нее, напоминанием обо всем, чего у нее не было и никогда не будет.

Габриэль

Двадцатиднолетний Габриэль Рамос Ривера шел за тележкой на воздушной подушке с последними чемоданами. Внешне он выглядел идеально — высокий и красивый пуэрториканец с очаровательной улыбкой. Белая форма охранника подчеркивала его широкие, мускулистые плечи. Публика видела то, что хотела видеть: харизматичного корабельного служащего, всегда готового прийти на помощь.

Они не знали, что скрывалось в глубине его сердца: едва сдерживаемый гнев, взрывная ненависть, которая только и ждала, чтобы вырваться наружу. Габриэль стиснул челюсти. Скоро. Скоро правда станет известна всему миру. Скоро это стеклянное чудовище рухнет, этот декадентский символ жадности и коррупции будет поставлен на колени.

Он отвез тележку из прачечной под палубой в океанариум, строительство которого все еще продолжалось; повсюду валялись лестницы, банки с краской и брезент. Художник, нанятый для написания фрески с подводным морским пейзажем, заболел, поэтому в помещении океанариума было тихо, темно и пусто. Идеальное место.

Габриэль направил тележку на воздушной подушке в средний ряд сидений зрительного зала, где стояли недавно установленные плюшевые кресла, все еще покрытые полиэтиленом. Он сгрузил содержимое чемоданов в картонные коробки без этикеток и придвинул их к стене под лестницей. Никто и не подумает смотреть что там.

Габриэль захлопнул крышку над рядами сверкающих штурмовых винтовок и импульсных пистолетов. После нескольких месяцев подготовки и планирования все практически готово.

По узким коридорам и металлическим лестницам Габриэль пробирался к выходу. Вдоль потолков тянулись толстые жилы оголенных кабелей, освещение резко мерцало. Переход из нижней палубы в основные пассажирские помещения подобен выходу из подземелья в рай. Если бы только этот рай был настоящим, а не сверкающим фасадом, скрывающим под собой гниль.

Его наставник, Симеон Пагнини, ждал Габриэля на восьмой палубе у входа в «Коралловый сад», который располагался между галереей плазменного искусства и дизайнерскими бутиками с фотолюминесцентной и умной одеждой. На высоте четырех этажей над ними сквозь прозрачную крышу струились лучи солнечного света.

— Готово? — В свои сорок с лишним лет Симеон производил впечатление любимого дядюшки с его пухлыми щеками, слегка покатым подбородком и приветливым выражением лица. Редко кто обращал внимание на темный блеск в его глазах, жесткую, тонкогубую улыбку.

— Припасы надежно спрятаны.

— Отлично. А номера комнат, которые я просил?

Габриэль достал из кармана сложенный лист бумаги и протянул его Симеону. Бумага никогда не оставляла цифровых следов.

— Что еще от меня требуется?

— Пойдем со мной, — велел Симеон, жестом указывая в сторону сада. Слегка затененные декоративные кусты имели форму различных кораллов — от пурпурных вееров до элхорна и губок. Между высокими растениями пролегала дорожка, инкрустированная

переливающейся мозаичной плиткой.

Они прогуливались мимо мужчин, одетых в дорогие рубашки и чиносы, и гламурных женщин, чьи мерцающие платья облегли их стройные загорелые ноги.

— Хорошо одетые личинки, не находишь? — мрачно усмехнулся Симеон.

Внутри Габриэля что-то дернулось, дрожь ненависти билась в такт его пульсу.

— Шикарные одежды их не спасут. Что я еще могу сделать?

— Я рад, что ты так горишь желанием.

— Конечно. Я сделаю все. Ты знаешь это. — Габриэль знал Симеона уже много лет. Старый друг отца, Симеон принял на себя заботу о нем, когда отец Габриэля умер шесть лет назад. Он проявил к нему интерес, убедившись, что холодная, равнодушная тетя Габриэля действительно заботится о нем и его младшем брате Мике. Именно Симеон оплатил годы специализированного обучения и тренировок, научил его взламывать правительственные серверы, стрелять и драться.

— Глава службы безопасности, Джерико, может стать проблемой, — отметил Симеон. — Проследи за нашей целью, выясни его расписание, узнай, когда телохранитель занят чем-то другим. Ты можешь понадобиться нам для решения отдельных задач по слежке за охраной, на случай, если у нас возникнут проблемы.

— Считаю, что все сделано. — Они вышли из «Кораллового сада» и прошли мимо итальянского бистро. Робот возился у недавно освободившегося столика, складывая тарелки, почти наполовину заполненные настоящим лингвини карбонара и карамелизированной перепелкой.

Желудок Габриэля скрутило от отвращения. Так много выброшенной еды, каждая тарелка стоила триста долларов или больше. Эти богатые ублюдки просто выбрасывали все, что им не нравилось. Или же обжоры заказывали по два-три блюда за раз, съедая лишь часть. Одной только едой на этом столе можно прокормить семью целую неделю. Он сжал руки в кулаки.

— Дай мне еще задание. Я справлюсь.

— Давай используем твое красивое лицо с пользой, — решил Симеон. — Возможно, ты сможешь выудить из его дочери ценную информацию.

Габриэль помрачнел.

— Ты же не всерьез.

— Это может быть полезно.

Габриэль привык унижаться перед кривляющейся элитой, потворствовать их любым прихотям и желаниям, на его лице всегда сияла притворная улыбка. В этом состояла его работа в качестве сотрудника службы безопасности корабля. Но дочь Деклана Блэка? Блэк был сенатором от Нью-Йорка, владельцем компании «БиоГен Индастриз» и председателем коррумпированной и могущественной Коалиции Единства. Он олицетворял собой алчную корпоративную жадность и правительственные злоупотребления. Именно его Габриэль должен уничтожить. Внутри него зажглась горячая искра ярости.

— Зачем? Для какой цели это может быть нужно?

— Мы не всегда видим доску целиком, перед тем как начать играть. Чем больше у нас фигур, тем сильнее позиция. Когда придут наши друзья, мы постараемся быть во всеоружии.

Габриэль скрипнул зубами.

— Мне необязательно нянчиться с какой-то богатой сучкой. Я здесь для миссии. Чтобы на самом деле что-то сделать.

— Я прошу тебя довериться мне еще раз. — Голос Симеона звучал твердо и властно. Он ожидал повиновения. — Ты доверяешь мне?

Симеон никогда не подводил Габриэля, никогда не лгал ему и не разочаровывал. Симеон дал ему цель, привел в дело. Габриэль доверял Симеону свою жизнь.

— Конечно.

Симеон выдержал паузу, повернувшись лицом к Габриэлю. Положив руку на плечо Габриэля, он произнес:

— Помни, почему ты здесь. Помни свою причину.

Габриэль никогда не забывал, ни на минуту, ни на один день. Его ненависть всегда оставалась с ним, его гнев напоминал живой провод, искрящийся и опасный.

— Не позволяй себе заблуждаться, — предупредил Симеон. — Красивый фасад — это их оружие, их маскировка. Помни, кто эти люди. Помни, что они сделали.

Габриэль помнил.

Скоро они все заплатят.

***

Там, снаружи, на прогулочной дорожке пятой палубы, небо было ясным, море — синим и колышущимся как шелк.

На такой высоте, на таком корабле, в такой яркий, чистый день, как сегодня, Габриэль мог почти поверить, что мир прекрасен и совершенен. Он почти поверил, что уродство его дома всего лишь дурной сон, кошмар, от которого можно проснуться.

Почти.

Мимо Габриэля пронесся робот.

— Извините, — произнес он, вырубивая на прогулочную дорожку. Сервисный бот выглядел до жути реалистично: кожа без пор, сделанная из силикона, синтетические волосы и металлические феррожидкости обеспечивали плавные, человекоподобные движения. Очень скоро эти металлические головы займут все должности на корабле. Они уже украли половину рабочих мест в штатах.

Габриэль стиснул зубы и вытеснил мрачные мысли из головы. Ему оставалось лишь немного потерпеть. Скоро.

Он помахал своему младшему брату, который, прислонившись к стеклянным перилам, его ждал. Они ходили на дорожку по крайней мере два раза в неделю. Большинство людей бегали на виртуальных дорожках на седьмой палубе, но им обоим больше нравилась реальность, чем технологии. И это было их время, чтобы встретиться и наверстать упущенное. Чаще всего они виделись в комнате отдыха экипажа, но это совсем не то же самое.

— Я писал тебе, — проворчал Мика, поправляя очки.

— Извини. Слишком задержался с Терезой Веласкес в океанариуме. — Девушка всегда служила легким оправданием, и Мика верил в него без колебаний.

— Может там есть какой-то волшебный афродизиак, о котором я не знаю?

Габриэль усмехнулся.

— Это коммерческая тайна.

Мика закатил глаза. У них с Габриэлем были одинаковые темные вьющиеся волосы, полные губы и бронзовая кожа, но если Габриэль отличался резкостью и энергичностью, то Мика был мягким и чувствительным.

Габриэль указал подбородком на потрепанную мягкую обложку в руках Мики. Брат оставался единственным человеком, из всех знакомых Габриэля, кто все еще читал книги, которые можно держать в руках.

— Что читаешь на этот раз?

— «Сердце тьмы» Джозефа Конрада.

— Ты вообще берешь что-нибудь веселое и легкомысленное?

Мика пожал плечами.

— Ну, могло быть и хуже. У меня ещё есть «Моби Дик».

Габриэль засмеялся.

— Ладно, ты выиграл. Как работа?

— Все так же. Хорошо. — Мика не любил жаловаться. Он был добродушным и уравновешенным, из тех, кто приветствует хорошее и старается не думать о плохом.

Когда они шли, навстречу им, грациозная, как лебедь, выплыла девушка в цветастом саронге, в правой руке у нее болтался маленький футляр со скрипкой. Девушка была красива, с тонкими чертами лица, молочно-белой кожей и длинными белокурыми волосами, колыхавшимися до пояса.

Габриэль ее узнал. Амелия Блэк. Дочь председателя Коалиции.

— Надеюсь, у вас будет замечательный день, — обратился к ней Габриэль, отбросив неприязнь и сверкнув своей фирменной улыбкой с ямочкой на левой щеке, которую, казалось, обожали все девушки. У него никогда не возникало трудностей с противоположным полом. Но ему было на это плевать. Он не мог себе позволить никаких увлечений.

Она на секунду растерялась, под синими солнцезащитными очками застыло холодно-сдержанное выражение.

— Да, спасибо.

Прежде чем он успел пошутить или сделать комплимент, она элегантно прошла мимо него и ускользнула.

Габриэль провел рукой по бородке на лице, наблюдая, как Амелия скрылась в одной из боковых дверей. Он боролся с нахлынувшей на него обидой. Она его задание. Если Симеон хотел от него именно этого, он приложит все усилия, независимо от того, видит конечную цель или нет. Он должен найти способ втереться в доверие, и поскорее.

— Будь осторожен с красивыми людьми, брат. Они не то, чем кажутся.

— Поэтому они бессильны сопротивляться тебе?

Губы Габриэля искривились в полуулыбке.

— Не все, к сожалению.

Мика рассмеялся без намека на обиду или ревность. Он был предан брату до глубины души. Мимо прогуливалась индийская пара, их шумные девочки-близнецы бежали чуть впереди. Габриэль кивнул им и помахал рукой.

— Габриэль, — нерешительно проговорил Мика, его голос стал серьезным. — Сегодня днем мне показалось, что я видел — Симеона Пагнини в качестве пассажира?

Плечи Габриэля напряглись. Он ускорил шаг.

— Я говорил тебе, что у него есть связи в высших кругах.

Мика поспешил за ним.

— Я знаю, но он никогда не казался человеком, которому нравится что-то подобное, с такими людьми...

— Ты ничего о нем не знаешь.

Его брат никогда не любил Симеона. Обычно покладистый, Мика пришел в ярость, когда два года назад Симеон пригласил только Габриэля в свою эксклюзивную ассоциацию «Новые Патриоты». Это единственное, из-за чего они с братом поссорились.

Лучше бы Мика вообще не видел Симеона. Девять месяцев назад, когда Симеон помог протащить заявление Мики, Габриэль не знал о планах Симеона. Он никогда бы не пустил брата на корабль.

Но теперь уже слишком поздно. Их планы начали осуществляться, до окончательной реализации оставались считанные дни. Всего несколько дней, чтобы все изменить.

— Но...

Габриэль резко повернулся к брату.

— Здесь не о чем говорить. Он на корабле. И что?

Мика уставился на него, в его глазах отразились обида и растерянность. Они молча ждали, пока мимо пробежала пара средних лет в одинаковой черно-лимонной спортивной одежде.

Габриэль потеревил свою бородку и вздохнул. Мика не понимал, что требуется от Габриэля. Брат всегда старался быть хорошим, а не делать то, что необходимо, чтобы исправить ошибки мира. Лучше пока держать его в неведении. Долг Габриэля — обеспечивать безопасность младшего брата. Он делал это с тех пор, как они были детьми. Он отогнал раздражение. Его брат был для него всем.

— Прости меня. Просто я сейчас на взводе.

— Нет проблем, — заверил Мика. Габриэль знал, что так оно и есть. Мика простил бы ему все.

Он постарался, придать своему голосу легкость и беспечность.

— Ты всегда слишком много беспокоишься.

— Ага. Ладно. — Брови Мики все еще оставались слегка нахмуренными. Но он скоро успокоится.

— Только мы? — «Только мы. Ты и я». Эту фразу они использовали с детства, когда по очереди дежурили у больничной койки мамы, проверяя, по-прежнему ли она дышит. И еще позже, когда их убитый горем, наркозависимый отец больше не мог подняться с дивана, чтобы побросать мяч на заднем дворе или приготовить завтрак перед школой. И еще позже, когда в буквальном смысле остались только они.

Они присматривали друг за другом.

Мика улыбнулся.

— Всегда.

Амелия

Для восемнадцатилетней Амелии Блэк роскошь «Гранд Вояджера» не представляла ничего нового. Она привыкла к богатству и пышности. Что никогда не менялось, так это давление, ожидание, тревога, постоянно скребущие в животе. Люди видели только красоту и гламур, иллюзию идеальной жизни. Они не замечали трещин и того, что скрывалось под ними.

Амелия стояла рядом с матерью, прихорашиваясь перед зеркалом в их представительском номере, готовясь к ужину за капитанским столом. Позади них ее шестнадцатилетний брат Сайлас угрюмо растянулся на диване цвета слоновой кости, свесив босые ноги через мягкий подлокотник.

Ее отец, Деклан Блэк, распахнул стеклянные двери веранды и вошел в апартаменты. Она заметила, как он нахмурил брови, как сгорбились его плечи. Судя по всему, разговор, который он только что закончил, прошел не очень хорошо. Она напряглась.

— С кем ты беседовал?

— Просто подтверждаю последние детали Закона о безопасности и защите. Не о чем беспокоиться твоей хорошенькой головке. — Деклан снял платиновый наушник, изогнутый вокруг правого уха, и сунул его в карман смокинга. Присутствие отца всегда носило царственный и властный характер, он притягивал к себе всю энергию в любой комнате, в которую входил. Его темно-каштановые волосы и окладистая борода отливали серебром, а его магнетические глаза цвета железа казались темными и задумчивыми.

Деклан Блэк был основателем и генеральным директором «БиоГен Технолоджис», а также председателем Коалиции Единства, конгломерата мощных биотехнологических, коммуникационных и оборонных корпораций, которые консультировали правительство по всем вопросам, связанным со здоровьем, процветанием и безопасностью нации.

Деклан окинул взглядом жену и дочь, сужая глаза в поисках недостатков. У Амелии все сжалось внутри, когда она разглаживала платье, мерцающие нити ткани переливались при каждом движении. Она выпрямилась во весь рост, заставив себя улыбнуться. Неважно, насколько идеально они выглядели. Всегда находилось что-то не то.

— Только не жемчуг. — Деклан перебирал ожерелья, серьги и браслеты, разбросанные по туалетному столику. Он отодвинул вазу со свежими орхидеями, доставленную утром их личным дворецким, и взял в руки ожерелье из белого золота с бенитоитом в полтора карата в ореоле бриллиантов. — Синий вот ее цвет.

Амелия смотрела на себя в зеркало, пока отец заменял жемчужное ожерелье на бенитоитовое. Он как всегда прав. Драгоценности сверкали у горла, подчеркивая ледяную синеву ее глаз.

Деклан повернулся к жене.

— Элиза, распусти волосы. Эта прическа тебя старит.

Ее мать вздрогнула. Она была наполовину португалка, красивая и элегантная — от скульптурных скул и дугообразных бровей до безупречной осанки. Она послушно распустила свои русые локоны. Мама всегда делала то, что хотел Деклан. Они все делали.

Амелия оглянулась на Сайласа. Он бесстрастно смотрел на них, его взгляд был ровным и ничего не выражал. Когда они были помладше, он высовывал язык или корчил гримасы,

если обстановка становилась напряженной. Теперь нет.

Голова раскалывалась от боли в затылке. Амелия сотни раз переносила подобные политические ужины, очаровывая правительственных чиновников, сенаторов и представителей, судей и руководителей компаний, несколько раз даже вице-президента Слоан. Она никогда не говорила «нет». И всегда делала то, что от нее ожидали, даже когда ей это не нравилось.

Посмотрев в зеркало, Амелия сосредоточилась на комнате позади себя. Номер «Инфинити» представлял собой самую экстравагантную каюту на корабле, с самыми современными капсулами для сна, мраморными полами с подогревом и изящной парящей мебелью. Но больше всего ей нравились стеклянные стены от пола до потолка. Стекло высотой десять футов и шириной во всю каюту создавало впечатление, что сам океан находится на кончиках ее пальцев. Небо за окном окрасилось в оттенки индиго.

— Ты в порядке? — Мать заглянула ей в глаза. — Голова не кружится? Покалывание или онемение где-нибудь? Дать тебе таблетку? У меня есть несколько в сумочке.

Амелия тербила свой браслет, сжимая платиновый шарм-скрипку между пальцами. Бриллиантовый браслет отец купил ей на тринадцатый день рождения. Может быть, хоть в этот раз она сможет поболеть.

— Ну, я...

— Ты принимаешь лекарства по инструкции? — перебил Деклан.

Амелия кивнула. У нее не случалось приступов уже больше года, но ее мать все равно постоянно беспокоилась.

— Амелия в порядке.

— Она могла подхватить грипп, — заметила ее мать. — Лихорадка ухудшает состояние...

— Она выглядит так, как будто у нее грипп?

— Но волны, — добавила мама. — Морская болезнь может вызвать еще один приступ и...

Деклан пренебрежительно поднял руку.

— Прошлый год был аномалией. Ее дозировку скорректировали. Неужели ты сомневаешься в моих возможностях? Считаешь, что допущена ошибка?

Элиза моргнула, прижав руку к горлу.

— Конечно, нет. Я...

— Тогда вопрос закрыт. — Смартфлекс Деклана мигнул. Он провел пальцем по платиновой полоске, и появилась цифровая надпись. Отец прочитал сообщение и нахмурился. — Включи свое обаяние с сенатором Лопесом сегодня вечером, Амелия. Настрой его на позитивный лад. Я объявлю о его поддержке на Саммите процветания через семь дней. С его сторонниками у нас будут голоса, которые нужны.

Деклан Блэк был самым богатым и влиятельным бизнесменом в стране. Он прославился благодаря своему методу лечения рака, который на неопределенное время останавливал рост раковых клеток, а его новая универсальная вакцина против гриппа обещала уничтожить последний штамм гриппа летучих мышей, свирепствующий в стране. На прошлой неделе, в Национальный день здоровья, компания «БиоГен» успешно сделала бесплатную прививку более чем сорока миллионам граждан в широко разрекламированном проявлении доброй воли.

Но этого недостаточно. Деклан Блэк всегда стремился к большей власти.

Как глава Коалиции Единства, он выступил инициатором Закона о безопасности и защите, согласно которому здоровье и безопасность всех граждан должны отслеживаться с помощью микрочипов радиочастотной идентификации, вживленных под кожу правого запястья — микрочипы, конечно же, производила и распространяла компания «БиоГен». Закон обсуждался несколько месяцев, но в итоге прошел через Палату представителей. Лопес был одним из последних противников в Сенате, хотя общественность все еще не пришла к единому мнению. Окончательное голосование планировалось на конец сентября — через три недели. Ее отец всецело отдавался этому делу.

От попыток уследить за политическими махинациями отца у нее разболелась голова.

— Мне действительно нехорошо, — пролепетала Амелия. — Могу я остаться...?

Деклан смотрел на нее жесткими, непоколебимыми глазами. Его взгляд всегда заставлял ее волноваться. Как будто он смотрел прямо сквозь нее, видел каждый пульсирующий орган, ее уязвимое, трепещущее сердце. Она это ненавидела.

— Только не говори, что ты собираешься притвориться больной. Твоя мать относится к тебе так, будто ты сделана из стекла. Это правда?

Амелия молчала. Во рту пересохло, стук сердца отдавался в ушах. Так происходило всякий раз, когда она делала что-то не так. Всякий раз, когда он заставлял ее чувствовать себя маленькой и глупой.

Отец сделал шаг ближе, возвышаясь над ней.

— Ты ответственный член этой семьи или нет?

Ее щеки покраснели.

— Да, но...

— Деклан... — начала ее мать. Но он поднял руку и заставил Элизу замолчать.

— Мистер и миссис Блэк, я обнаруживаю увеличение показателей стресса, — ровным женским голосом произнес комнатный искусственный интеллект. — Каким образом я могу обеспечить вам больший комфорт? Могу я предложить...

— Активировать режим конфиденциальности, — прорычал Деклан. В комнате воцарилась тишина. Система не отслеживала биостатистику — температуру тела, уровень потоотделения или частоту сердечных сокращений — и не взаимодействовала с обитателями комнаты в режиме конфиденциальности.

Деклан снова повернулся к Амелии.

— Я оплатил самый дорогостоящий круиз в мире, с персоналом из сотни человек, который будет удовлетворять все твои прихоти и желания, верно?

Она открыла рот, но слова застряли у нее в горле.

— Отвечай, девочка, — потребовал Деклан. — Я задал тебе простой вопрос.

Но с ее отцом не бывает простых вопросов. Никогда. И он был недоволен. Его глаза смотрели жестко, кожа вокруг рта натянулась. Плечи отведены назад, ноги расставлены. Ей не стоило задавать ему вопросы, когда он и так на взводе. Следовало бы это знать. Она и знала.

— Я благодарна...

— Ты благодарна.

Амелия замерла. Тревога сковала ее живот. Она понятия не имела, что должна сейчас сказать. Все, что она сделает или произнесет, будет неправильным.

Тишина тянулась невыносимо долго.

Сайлас поднялся с дивана.

— Я давно собирался тебе сказать. Я ушел из команды.

Деклан обернулся к нему.

— Прости?

Амелия облокотилась на трюмо, испытывая облегчение и чувство вины.

— Я ушел, — вызывающе повторил Сайлас. У него было худое, волчье лицо и дымчато-серые глаза их отца. Он потирал желтоватый синяк под правым глазом — боевой шрам от другой драки.

— Я, наверное, ослышался.

Сайлас дерзко пожал плечами.

— Ты прекрасно меня слышал.

— Хочешь сказать, что ты больше не играешь в хоккей на воздушных подушках в первом дивизионе? — Голос Деклана стал холодным. — Ушел из спорта, благодаря которому тебя готовы принять в дюжину университетов?

Сайлас стоял во весь рост, уперев кулаки в бока. Он держался напряженно, весь кипел энергией. Как будто ждал этого разговора. Как будто хотел их противостояния. Как будто суровые слова отца его даже не волновали.

— Кто сказал, что я пойду в колледж?

Деклан сделал шаг к нему, его лицо потемнело от ярости.

— Ни один мой сын...

Кто-то постучал в дверь номера.

— Мы вас ждем, мистер Блэк, — сообщил Эд Джерико, глава службы безопасности ее отца. Высокий, мускулистый нигериец замешкался в дверях. — Все готовы, сэр?

— Почти, Джерико, — бодро ответила ее мать, мгновенно придя в себя. Ее взгляд метнулся к скрипичному футляру, который он держал в руках. — Спасибо. Амелия с нетерпением ждет вечера, чтобы поиграть.

Напряжение на лице Деклана исчезло, маска, которую он носил для всех остальных, вернулась на место. Он в мгновение ока превратился из человека с холодной злобой во взгляде в общительного харизматичного мужчину. Отец широко улыбнулся, подойдя к своему начальнику охраны.

— Джерико! Как ты переживаешь качку?

Джерико работал телохранителем Деклана последние шесть лет. Его чисто выбритое, угловатое лицо сочеталось с широкими плечами и уверенной походкой. Он был приветлив, но отстранен, всегда профессионален и деловит — именно такой, каким его хотел видеть Деклан.

— Хорошо, сэр. — Нахмурился Джерико.

— Почему такое вытянутое лицо?

— Я бы лучше чувствовал себя с оружием, сэр. — Он был в плохом настроении с тех пор, как они поднялись на борт, когда охрана корабля заставила его сдать на хранение дрон-наблюдатель и не разрешила носить пистолет, пристегнутый к поясу. Вместо этого они заставили Джерико хранить его в сейфе в кабинете начальника охраны корабля.

— Никто не имеет права носить оружие на судне под иностранным флагом вне юрисдикции США. — Деклан похлопал его по плечу. — Расслабься. Ты напугаешь гостей.

Джерико нахмурился еще больше.

— Даже с частными агентами безопасности на этом корабле не хватает персонала. Если что-то случится...

— Вот почему ты здесь. Кроме того, это наши люди. А теперь расслабься. И это приказ. — Деклан поправил свои золотые запонки и повернулся к Сайласу, в его глазах мелькнул слабый огонек презрения. — Не трудись приходить на ужин.

Джерико последовал за Декланом и Элизой в коридор.

Амелия проверила себя в зеркале. Лицо. Волосы. Ногти. Осанка. Платье. Порядок. Она сделала глубокий, спокойный вдох и нацепила на лицо улыбку. И вот она здесь. Девушка, которую желал видеть ее отец.

Она взяла свой клатч с тумбочки и посмотрела на брата.

— Сайлас...

Сайлас посмотрел на нее в ответ, ухмылка играла в уголках его рта.

— Иди. Ты же не хочешь разочаровать нашего дорогого папочку.

Амелия хотела поблагодарить брата за то, что он сделал, отведя от нее гнев отца. Но его лицо оставалось замкнутым, рот искривился в презрении. Она знала в каком он настроении. Сейчас не время.

Она оставила Сайласа в покое, как и следовало. Амелия прекрасно справлялась с ролью хорошей дочери.

Мика

Если бы девятнадцатилетний Мика Рамос Ривера знал, чем закончится этот день, он поступил бы совсем по-другому. Он считал себя хорошим человеком. Много работал, старался поступать правильно и любил своего брата. Всегда верил, что все будет хорошо, если он будет поступать правильно по отношению к людям. Он ошибался.

Мика взвалил огромный поднос на плечо и поспешил из жаркого, звенящего камбуза через распашные двойные двери в столовую «Оазис». Уклонившись от очередного официанта, идущего ему на встречу с полным подносом посуды, он направился к капитанскому столу на центральном помосте.

— Ваш суп-пюре из сладкого картофеля, мисс Блэк. — Мика расставил горячие тарелки перед гостями и снял серебряные крышки. Белая льняная скатерть украсила круглый стол, на котором красовалась центральная композиция из свежих орхидей.

— Спасибо, — с легкой улыбкой поблагодарила Амелия Блэк, подняв голову.

Он наклонился и поправил очки, испытывая смущение. Она интриговала его своей светящейся фарфоровой кожей, бровями и ресницами, похожими на кроличий мех. Ее лицо было прекрасным, но сдержанным, а глаза — отстраненными.

— Не за что. — Официанты в смокингах, белых перчатках и с латунными табличками с именами суетились по всему залу. С трехуровневого потолка свисали десятки хрустальных люстр, ослепительных как бриллианты. По обе стороны обеденного зала из окон от пола до потолка открывались захватывающие виды. Но именно к Амелии Блэк притягивался его взгляд.

Мика заставил себя перейти к следующему гостю, снял крышку, чтобы открыть глазированного медом лосося с соусом из цитрусов и авокадо — авокадо считался деликатесом даже на «Гранд Вояджере». Почувствовав урчание в желудке, Мика отвел глаза. Он не пробовал авокадо уже более четырех лет.

Капитан Йоханнес Либенберг прикоснулся ложкой к своему бокалу с вином. Это был рассудительный южноафриканец в возрасте около пятидесяти лет, всерьез относившийся к обязанности развлекать почетных гостей.

— Мы гордимся высокими традициями качества, которые так великолепно представляет это замечательное судно. Для нас большая честь принимать Саммит Процветания уже шестой год подряд.

— Позволю себе дополнить ваш тост. — Отец Амелии, Деклан Блэк, поднял свой бокал. — Всеобщая вакцина против гриппа — это только начало, друзья мои. Мы празднуем успех инициативы Национального дня здоровья. Хотя она не смогла присутствовать здесь, мы с вице-президентом Слоан посвятили этому начинанию несколько месяцев работы. Сегодня мы побеждаем грипп, и в то же время сосредоточились на борьбе с внутренним терроризмом с помощью Закона о безопасности и защите. Мы не успокоимся, пока каждый гражданин не окажется в безопасности. Это наш моральный долг.

— Да, да, — поднимая бокалы, поддержали присутствующие гости.

— Позови метрдотеля. — Блэк щелкнул пальцами в сторону Мики, хотя тот стоял всего в футе от него. — И сомелье. Нам нужно еще «Шато Ле Пин».

— Конечно, сэр. — Мика опустил подбородок и поспешил прочь, борясь со вспышкой

негодования. Выпить вина на девяносто тысяч долларов за одну ночь даже для «Гранд Вояджера» слишком экстравагантно. Сколько семей могли бы прокормиться на эти деньги неделями, месяцами?

Мгновение спустя струнный квартет объявил перерыв. Амелия Блэк поднялась на помост, спина прямая, платье сверкает, смычок в одной руке, скрипка зажата под подбородком.

— К вашему удовольствию, — объявил метрдотель, хлопая в ладоши, — дочь Деклана Блэка и будущая виртуозная скрипачка.

Мика замер прислушиваясь. Амелия провела смычком по струнам. Первые изысканные ноты поплыли по воздуху, проносясь над ним, вокруг него, сквозь него. Мелодия звучала чувственно, томно и проникновенно. Он узнал ее, но не помнил композитора — возможно, Дворжак или Чайковский. Его мама всегда наслаждалась классической музыкой на заднем плане, когда он читал ей в больнице. Музыка вызывала те же волнующие ощущения, что и при чтении Томаса, Плата или Каммингса — бурлящие эмоции, глубокие, мощные и волнующие.

Напряжение в челюсти и вокруг глаз Амелии ослабевало по мере того, как она играла. Она закрыла глаза, потерявшись в гармонии своего искусства, ее пальцы двигались с прекрасной плавностью и грацией. Когда последняя нота затихла, наступил момент полной тишины.

— Это моя девочка! — захолопал в ладони Деклан Блэк, вскочив на ноги, его лицо сияло от гордости.

Зал разразился громом аплодисментов. Амелия открыла глаза, моргая, словно выходя из транса. Мика глубоко вздохнул, сбрасывая оцепенения вместе с ней.

Она отвесила небольшой поклон и сошла с помоста. Через мгновение шум в столовой вернулся к своему обычному уровню. Струнный квартет занял свои места, музыка стала лишь фоном для звона и стука столового серебра и гула разговоров.

Мика вынырнул из задумчивости и занялся остальными своими обязанностями, подавая дымящиеся тарелки с едой и изысканные десерты, которые ему не разрешалось есть. Но, несмотря на все это, глубокие, звучные ноты по-прежнему вибрировали в его костях.

***

Позже тем же вечером, после того как Мика закончил обслуживать вторую очередь, он вернулся на камбуз, чтобы взять белье и столовое серебро для сервировки столов. В камбузе стояла жара и шум, кругом было полно пара, стали и звенящей посуды.

— Ривера! — Пожилой официант-индеец помахал ему рукой и жестом указал на лифт в задней части камбуза. — У нас закончились тканевые салфетки. Не хочешь и их захватить?

— Без проблем. — Более опытные официанты всегда поручали ему дополнительные обязанности, но Мика не возражал. Он упорно трудился, чтобы заработать себе на пропитание. Каюта, которую он делил под палубой с тремя другими парнями, была тесной, часы долгими, работа — семь дней в неделю. Ему повезло, что богатые все еще ценили человеческое отношение, а не ботов, захвативших индустрию обслуживания.

Мика миновал конвейер, доставляющий грязные кастрюли и сковородки в посудомоечные машины промышленных размеров, и спустился на служебном лифте под палубу. Здесь, внизу, глухо ревели корабельные двигатели. Воняло рассолом и

отбеливателем. Море билось о корпус судна. У Мики всегда возникала клаустрофобия, словно двести тысяч тонн металла над ним могли в любой момент смяться и обрушиться на его голову.

В прачечной было влажно и душно. Невысокий, коренастый мужчина азиатского происхождения руководил двумя другими рабочими, разгружавшими поддон с пятидесятифунтовыми мешками стирального порошка. Несколько мешков стояли открытыми.

— Можно мне получить партию льняных салфеток, пожалуйста? — спросил Мика, перекрикивая ровный гул машин.

Мужчина выпрямился и быстро зашагал к поддону. На его бейдже значилось: «Лю Вэй Чжан». На голове у него красовалась желтая бандана, а на волосах выступили бисеринки пота.

— Конечно. Ву, помоги ему.

Но тут Мика кое-что заметил. Что-то белое, квадратное и завернутое в пленку выглядывало из голубого порошка. Он сдвинул очки на переносицу.

— Что это?

— Ничего. Сюда, я помогу тебе. — Чжан жестом указал налево, где в желтой металлической клетке лежали сложенные полотенца, простыни и столовое белье. — Иди сюда.

Мика шагнул к мешку и сдвинул в сторону порошкообразное моющее средство. Упаковки таблеток. Наркотики. Он узнал их. Его желудок сжался.

— Ты перевозишь «Шелк».

Чжан нахмурился.

— Говори тише.

Все логично. Наркоторговля представляла собой огромный бизнес на любом виде международного транспорта, даже на роскошных круизных лайнерах. Учитывая, как мало платили экипажу, лишние несколько тысяч за поездку служили достаточным стимулом, чтобы не обращать внимания на происходящее.

Но все равно, это неправильно. Серенафин — «Шелк» — худший из синтетических наркотиков. Его собственный отец подсел на него. Пока это его не убило. Новая волна гнева захлестнула Мику.

— Ты же знаешь, что я не могу этого допустить.

— И что ты собираешься делать?

— Я должен сообщить Шнайдеру. — Франц Шнайдер был главным офицером безопасности корабля, немцем лет сорока, который всегда курил сигары в баре экипажа.

Чжан фыркнул.

— Думаешь, он еще не в курсе?

— Я тебе не верю.

— Поговори с ним сам. Ему хорошо платят, это все, что я знаю. Может, он и тебя подключит.

— Я не хочу быть втянутым в это. — Мика подумал о своем отце, из которого медленно высасывались жизненные силы, когда он день за днем, месяц за месяцем сидел, сгорбившись на диване. Его ребра становились все более заметными, впадины на щеках углублялись, пока он не уподобился живому скелету. Пока не стал им. — Я пойду выше. Я дойду до капитана, если понадобится.

Чжан недоверчиво покачал головой. Он подошел ближе и ткнул пальцем в латунную табличку с именем на груди Мики. Его кольнуло опасение. Однако Мика и не думал бояться.

— Твое имя. — Дыхание Чжана пахло чем-то кислым и слегка чесночным. — Ривера. Твой брат ведь из команды охраны?

Мика ничего не ответил.

Чжан прочитал ответ на его лице. И улыбнулся.

— Делай то, что должен делать. Ты сообщишь о наркотиках, и твой брат загремит вместе с нами. За такое количество килограммов, я думаю, дадут тридцать лет. Может быть, он выйдет вовремя, чтобы встретиться с твоими внуками.

Мика застыл на месте. Он смотрел, как два бота подают простыни в челюсти машины, которая автоматически сжимала и складывала белье. Казалось, что огромная рука сдавливает его горло. Он с трудом обрел голос.

— О чем ты говоришь?

— О твоём брате. Он... как бы это сказать? Он сильно замазан, амиго.

В его голове промелькнуло воспоминание о брате. Габриэль учил его кататься на хверборде, когда ему было семь, а Габриэлю — девять. Габриэль хватал его за руку, пытаясь удержать, когда доска шаталась как маятник. Габриэль всегда держался позади него, обеспечивая безопасность.

Внутри него зародилось сомнение. Не Габриэль. Это не может быть Габриэль.

Чжан усмехнулся.

— Ну и что ты теперь будешь делать?

Мика хотел ударить Чжана по лицу. Вместо этого он с силой прикусил внутреннюю сторону щеки, чтобы пустить кровь.

— Просто дай мне салфетки.

— Спроси его, — посоветовал Чжан, его глаза блестели. — Он сам тебе расскажет.

Трещина сомнения ширилась.

Амелия

Амелия наклеила на лицо улыбку и повернулась к сенатору Лопесу.

— Я читала вашу статью в «Таймс» в прошлом месяце о критической нехватке воды в западных штатах. Написано превосходно.

Глаза сенатора засияли.

— Спасибо, моя дорогая. — Это был красивый шестидесятилетний американец мексиканского происхождения, стройный и подтянутый, с густыми бровями и седыми волосами, зачесанными со лба назад. — Еще одна катастрофа в дополнение к наводнениям на побережье, увяданию урожая в кукурузном поясе, а теперь еще и эта ужасная вспышка гриппа.

Амелия потеряла скрипичный шарм на своем браслете.

— Слава богу, что есть универсальная вакцина «БиоГена».

Он выразительно поднял брови.

— Если она настолько эффективна, как заявлено.

— Уверена, что это так, — проговорила она, наблюдая за тем, как ее отец приветствует своих коллег, других членов Коалиции Единства и нескольких VIP-гостей за соседними столиками в обеденном зале «Оазис». Он всегда находил время для светской беседы, шутил, восхищался голограммами внуков и одаривал комплиментами. Деклан Блэк знал, как очаровать тех людей, которых считал ценными, знал, как заставить их есть у него из рук.

— Ваша вера в отца достойна восхищения, — отметил Лопес.

Деклан вернулся к столу, и официант в белых перчатках поспешил к нему, чтобы с шумом выдвинуть его стул.

— Надеюсь, у всех сегодня день удался на славу, — провозгласил Деклан.

Все за столом вежливо захихикали. Хотя главной звездой вечера должен был стать капитан, гости расположились вокруг отца Амелии. Среди них выделялся Тайлер Хорн, основатель «Виталичип Технолоджис», одной из дочерних компаний ее отца, где планировалось производить и распространять «Виталичип» после принятия закона. Хорну было немного за двадцать, светлые волосы, уложенные в идеальную прическу, ухоженная щетина и развязность, соответствующая его огромному эго.

Брэдли Маркс, грузный гуру международного банковского дела, потягивал третий бокал вина. Амелия узнала Омара Фергюсона, еще одного сенатора, и генерального директора компании «Йетс Фармасьютикалс» Мередит Джексон-Купер, но остальные имена и звания ускользали из ее памяти, как вода сквозь пальцы.

Обычно она могла вспомнить всех. Она просто устала. Амелия выпрямилась на своем месте и разгладила салфетку на коленях. Воздух в зале был прохладным, и по ее рукам побежали мурашки. Ей нужно сосредоточиться. Отец ожидал от нее демонстрации красоты, обаяния и остроумия. Она еще раз улыбнулась Лопесу.

— Еще вина?

— Ваш отец — очень занятой человек, — тихо проронил сенатор. — Амбициозный мужчина.

— Вы имеете в виду Закон о безопасности и защите, полагаю. — Шел уже четвертый вечер круиза, а Амелии все не удавалось закончить с любезностями, до этого момента. Ее

отец хотел объявить о его поддержке этого закона на Саммите Процветания через три дня. А до голосования в конгрессе оставалось меньше недели. Времени у нее практически нет.

Сенатор отхлебнул вина. Морщины, обрамляющие его рот, углубились.

— Я не совсем понимаю, как меня уговорили присутствовать. Боюсь, я уже старый человек и довольно закостенел, хотя ваш отец хочет убедить меня в обратном.

— Вы не думаете, что «Виталичип» поможет спасти сотни тысяч жизней? — спросила Амелия. — Он легко определяет наличие повышенного уровня антител в крови и распознает маркеры более тридцати заболеваний. Простое, неинвазивное сканирование на контрольно-пропускных пунктах в каждом городе позволит быстро выявить заразных людей и свести к минимуму распространение болезней.

— Это значительное преимущество, я согласен. Но хотя «Виталичип» может рекламироваться как устройство для спасения жизни населения, он гораздо больше, чем заявлено в рекламе. Граждане не хотят, чтобы каждый их шаг отслеживался.

— Но биоидентификация мешает террористам взламывать смартафлекс и пересекать границы штатов и городов, чтобы избежать поимки, — мягко возразила Амелия. Хотя чип планировалось имплантировать на нижнюю часть запястья, он будет соединен беспроводной связью с нейронным процессором, встроенным в основание мозга. Его невозможно взломать или вырезать без предупреждения властей. — Мой отец говорит, что шестьдесят пять процентов американцев поддерживают предложенный закон.

Сенатор Лопес проглотил остатки вина.

— А остальные — нет. Включая президента Моргана.

— Возможно, вам стоит быть осторожнее с людьми, которых вы поддерживаете, сенатор Лопес, — заметил Деклан с другого конца стола, в его голосе прозвучали острые, как сталь, нотки.

Амелия вздрогнула. Она и не подозревала, что он прислушивается к разговору. За столом воцарилась тишина.

Ее отец наклонился вперед в своем кресле.

— Президент слаб. Он ничего не сделал, чтобы ликвидировать палаточные городки, возникающие у каждого контрольно-пропускного пункта штата и города, принося с собой болезни и насилие.

Сенатор Лопес поднял брови.

— Уверен, вы не возлагаете вину за эпидемию летучего гриппа на бедняков?

— Болезни распространяются в грязных, антисанитарных, зараженных условиях, в которых они предпочитают жить. — Ее отец все еще улыбался, но улыбка стала жестче, его губы растянулись, а между бровями появилась глубокая складка. Он ненавидел инакомыслие, особенно в подобной обстановке, особенно со стороны сенатора Лопеса, политика, которого отец презирал, но хотел иметь в своем кармане. — Президент Морган вредит нашим интересам своей политикой, направленной против безопасности государственной границы, и своим постоянным запретом на вооружение беспилотников.

Дебаты о вооруженных дронах продолжались, кажется, целую вечность. Некоторые люди взламывали своих дронов-охранников, и все равно оснащали их оружием. Она знала, что отец приказал Джерико добавить некоторые специальные функции. «Мы защитим своих, несмотря ни на что», — говорил он.

— Этот президент не сделал ничего, чтобы уничтожить внутренних террористов, этих так называемых революционеров, — добавил Деклан. — Мы находимся в шаге от

переломного момента — из-за очередного теракта или эпидемии.

— Я не думаю...

Деклан фыркнул, прервав Лопеса.

— Люди уважают силу. Всегда уважали и всегда будут уважать. Единство через силу — ключ к восстановлению нашей страны.

Лопес вздернул подбородок.

— Я верю, что американцы все еще ценят свою свободу, во всяком случае, те свободы, которые у них остались.

Амелия беспокойно теребила свой браслет. Все шло не слишком хорошо. Как ее отец мог ожидать, что такой человек, как сенатор Лопес, изменит свои убеждения? Это просто невыполнимая задача. И все же, так или иначе, это будет ее вина. Казалось, отец ожидает от нее того, чего никто не может достичь, просто чтобы в случае провала было на кого свалить вину.

Деклан скривил губы, едва сдерживая усмешку.

— Все хорошее требует определенных жертв. Порядочным, законопослушным гражданам нечего бояться чипов биоидентификации или вооруженных беспилотников. Только тем, кто хочет уничтожить все, за что мы стоим. Террористам, не желающим ценить то, что дала им их страна, — только им стоит бояться.

— Политика Моргана ничего не делает для предотвращения терроризма. Вместо этого, только за последние два года у нас произошло семь терактов. Девятьсот убитых во время взрывов в Гарварде. Шестьсот пятьдесят, когда взорвалась столица штата Иллинойс, и еще одиннадцать сотен погибли в последовавших за этим беспорядках. Семь тысяч убитых во время скоординированных терактов на стадионах в Фоксборо и Лэндовере. Нужно продолжать? Европа расколота. Большая часть Южной Америки переживает разруху, их странами правят банды и террористы. Но Россия и Китай остаются сильными. Почему? Потому что они правят железным кулаком. Именно эта власть защищает граждан.

Лицо Лопеса вытянулось, когда он оглядел стол.

— Что вы предлагаете?

Деклан изогнул брови.

— Только одно. Если конгресс окажется таким же слабовольным, как и президент, кто-то другой вступит в дело и обеспечит безопасность, которую требуют граждане.

— Наша страна теперь свободна только по названию? — спросил Лопес, слегка повысив голос. Амелия в ужасе уставилась на него. Каждое его слово только еще больше злило отца.

— Это не по-американски, — хмуро заявил Брэдли Маркс.

Лопес поставил свой бокал с вином так сильно, что несколько алых капель брызнули на белую льняную скатерть.

— Верить в свободу — это по-американски.

— И у нас есть свобода! — заявил ее отец, его лицо помрачнело. — Но что такое свобода посреди страха и хаоса? США должны быть оплотом силы. Тяжелые времена требуют более жестких мер. Мы должны снова сделать нашу страну безопасной, убежищем в умирающем мире. Только тогда люди будут по-настоящему свободными.

— Боюсь, у нас с вами разные определения свободы, — жестко отметил сенатор.

За столом воцарилось напряженное молчание. Деклан сжал ножку своего бокала с вином. Отец, должно быть, невероятно напряжен. Он никогда не говорил так — по крайней

мере, не на людях.

В ушах Амелии нарастал глухой рев. Она прочистила горло, положив руку на предплечье сенатора.

— Сенатор, вы без сомнения заботитесь о своих избирателях. Я уверена, они благодарны вам за отстаивание их интересов.

— Давайте за это выпьем, — громко объявила ее мать, поднимая свой бокал. — Мы все работаем на благо народа. В конце концов, именно с этой целью и проводится Национальный день здоровья. А теперь, кто хочет вкусных закусок из прошутто и дыни?

Вернулся официант, тот самый, который обслуживал их последние четыре вечера. Он был красив, с темными волнистыми волосами, бронзовой кожей и мальчишеским лицом. Он застенчиво улыбнулся ей, затем перешел на сторону ее отца.

— Могу я принять ваш заказ, сэр?

— Мне охлажденную слабосоленую икру. — Деклан наклонил голову в сторону Амелии. — Ей — хвост голубого омара, с карамелизованным маслом.

Она даже не любила омара. Рев в ее ушах усилился. Амелию всю обдало жаром. Ей нужен воздух. Она схватила свой клатч и отодвинула стул.

— Пожалуйста, извините меня.

— Амелия? Ты в порядке? — заволновалась мать.

Но она не ответила. Амелия не могла. Она поспешила через главные двери «Оазиса» и нырнула в небольшой альков. Открыла клатч и схватила одну из сигарет, лежавших рядом с ее автоинъекторами. Ее эпи-ручки, как она пыталась думать о них. На самом деле это были не эпи-ручки, и не от аллергии. Отец велел ей называть их так, чтобы ни у кого не возникало вопросов.

Она постучала дрожащими пальцами по сигарете, пока та не зажглась сама.

— В помещении курить запрещено.

Амелия рывком подняла голову. Офицер безопасности, она узнала его, он входил в дополнительную группу, следившую за Декланом и несколькими другими высокопоставленными клиентами по всему кораблю.

Он прислонился к стене, скрестив руки. Он был высок и хорошо сложен. Даже в его белой офицерской форме Амелия видела широту плеч, мускулы рук и груди. Кожа у него была бронзового цвета, а прямые черные брови и отросшая борода придавали ему серьезный, задумчивый вид.

— Они неканцерогенные, — уточнила она.

— Это то, что тебе говорят?

Она пожала плечами.

— В любом случае, это не имеет значения.

— Почему? Потому что у твоего отца есть лекарство от рака? — В том, как он это сказал, чувствовалось что-то враждебное.

Она вздрогнула.

— Нет, конечно, нет.

Тень пересекла его лицо.

— Я не это имел в виду. Попробуем начать сначала. Я Габриэль Ривера.

— Амелия.

— Приятно познакомиться, Амелия. — Он кивнул на ее сигарету. — Раковые они или нет, но курить здесь все равно нельзя.

Она махнула рукой, смутившись.

— Ох. Прошу прощения. Я просто потушу...

— Можешь курить снаружи. Есть место за углом на палубе, вне видимости окон «Оазиса». Могу показать.

Она заколебалась, потом кивнула. Ей нужен свежий воздух.

— Спасибо.

Амелия прошла за ним через стеклянные двери на правый борт шестой палубы. Ветерок потянул ее французскую косу, вырвав несколько прядей волос, которые теперь развевались вокруг лица. Под ногами гудел двигатель. Она вдохнула соленый воздух. За корабельными огнями вода казалась черной как смола.

— Ты в порядке?

Она потрогала свою щеку.

— Я всегда бледная.

— Поэтому твои руки дрожат?

Она крепко сжала сигарету, кожа на лице запылала.

— Просто там жарко, вот и все.

На мгновение воцарилась тишина. Амелия старалась не думать о том, как отец отреагирует на сегодняшнее фиаско. Сенатор Лопес никогда не поддержит Закон о безопасности и защите Коалиции Единства. Напряжение этого вечера словно груз кирпичей давило ей на грудь.

Габриэль прислонился к стеклянным перилам, повернувшись к Амелии лицом.

— Знаешь, когда у меня плохой день, я всегда прихожу сюда и просто расслабляюсь на некоторое время.

— А я не могу налюбоваться океаном, мне кажется, что он простирается до бесконечности. — Даже произнося эти слова, Амелия задавалась вопросом, почему рассказывает ему так много. — Он затягивает тебя в свои глубины.

Он кивнул.

— Да, я это понимаю. Как твоя музыка.

Она подняла голову, их глаза встретились. Для успокоения Амелия затянулась сигаретой. Его пристальный взгляд нервировал.

— Я слышал, как ты играешь, — пояснил Габриэль, усмехаясь. — Неплохо, но я уверен, что ты это и так знаешь.

Она нахмурила брови.

— Это комплимент? Не могу понять.

— Ты знаешь, что да. — Он провел рукой по волосам. — Как тебе нравится «Гранд Вояджер»? Есть какое-нибудь место, которое хотелось бы увидеть? Закулисье в «Галакси Лаунж»? Капитанский мостик?

— Я уже бывала на мостике. С отцом.

Его губы скривились.

— Конечно. Как я мог забыть? У тебя есть доступ ко всему, что ты хочешь, и когда хочешь.

Ее желудок слегка скрутило. Казалось, он тонко издевается над ней, а может, и не очень тонко.

— Я должна вернуться внутрь.

— Правда желаешь вернуться?

Амелия не ответила, только выдохнула струйку искусственного дыма. Ветерок подхватил его и унес в пространство, окружавшее их маленькую лодку на просторах бескрайнего, пустынного океана.

— В конце концов, это твой отпуск. Разве ты не должна делать только то, что хочешь?

Она фыркнула.

— Хотела бы я.

Габриэль сделал еще один шаг ближе. От него пахло сочетанием чего-то мускусного и мужского, кедром или сосной, глубоким и диким лесом.

— Я серьезно. Тебе явно стоит немного развлечься. Пойдем со мной.

Она повернулась к нему лицом, пораженная такой бесцеремонностью.

— Прости?

Он улыбнулся, его глаза стали еще темнее.

— Пойдем со мной. Я покажу тебе корабль, его внутреннюю работу, его «начинку». То, что ты не увидишь во время официальной экскурсии.

Ей следовало вернуться внутрь и очаровывать душных, скучных политиков и руководителей компаний, как Амелия всегда делала. Она не владела ситуацией в этом разговоре. Она не могла его понять. Казалось, Габриэль колеблется между дружелюбием и легкой враждебностью. Это заставляло ее нервничать. Он заставлял ее нервничать.

И все же он был невероятно красив. Амелия не могла этого отрицать. Она не могла не заметить трепета в животе, когда почувствовала на себе его взгляд. Она облизнула губы.

— Я на самом деле должна идти.

— Будет весело. И я буду джентльменом, обещаю.

Она сделала шаг от перил, подальше от него. Корабль покачнулся, и Амелия поборолла волну головокружения.

— Разве нет какого-то правила, что экипаж и пассажиры не должны вступать в отношения друг с другом?

Габриэль усмехнувшись приподнял бровь.

— Это то, что ты хочешь сделать? Вступить в отношения?

Амелия покраснела. На секунду она представила, каково это. Удрать, бросить вызов отцу. Как он будет взбешен, когда поймет, что его единственная дочь, его драгоценность, не вернется на почетный ужин. Что она посмела его послушаться.

— Прости, я правда не могу.

Она глубоко вздохнула, взяв себя в руки. Она не могла делать все, что хотела. Ей нужно постараться выложиться по максимуму. Стать лучше.

Амелия вытеснила из головы Габриэля Риверу и его темные, задумчивые глаза и направилась внутрь, возвращаясь к своим обязанностям.

Уиллоу

Уиллоу прикрыла глаза рукой и наблюдала за Бенджи и Зией, резвящимися в бассейне. В чистом безоблачном небе ярко светило солнце, но при этом дул прохладный ветерок.

Она прогулялась по палубе, чтобы отвлечься от шумных детей, а затем ввела пароль в смартфон, который ей одолжила мама. Он был старым, потертым и простым, совсем не похожим на великолепные смартфоны, что носили все остальные. Представители элиты могли похвастаться тонкими браслетами из дымчатой платины, мерцающего розового золота или серебряной филигранны, окаймленной крошечными рубинами. Их гаджеты выглядели как дизайнерские украшения, пока не активировались цифровые наклейки или голопорты. Но в смартфоне ее мамы хотя бы имелся голо-порт, в отличие от ее собственного.

Последние пять дней Уиллоу все время хотела позвонить своей лучшей подруге Рианне. Она провела пальцем по аватарке Рианны, и через мгновение появилось ее голо. Обычно Рианна сияла и кипела энергией, но сейчас ее смуглая кожа выглядела увядшей, глаза — стеклянными, а косы — растрепанными и неухоженными.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты уже помолвлена с богатым плейбоем-генеральным директором, — пробурчала Рианна.

— Нет, черт возьми. Они все заносчивые придурки.

— Это их упущение. — Рианна кашлянула и поплотнее натянула на плечи розовое одеяло в горошек.

— Ты в порядке?

— У меня этот армагедонский грипп летучих мышей, от которого СМИ сходят с ума. Эта штука жутко неприятная.

Уиллоу нахмурилась.

— Не похоже, что у тебя слишком сильный жар.

— Забавно, что ты так говоришь. На самом деле мне ужасно, ужасно жарко. У тебя когда-нибудь температура поднималась до сорока?

— Серьезно? Разве ты не должна быть в больнице?

Рианна хмыкнула.

— Они сейчас вроде как переполнены.

— Что значит «переполнены»?

Рианна отмахнулась.

— Здесь все больны. А ты знаешь, как эти чертовы пограничные посты не пускают тебя в соседний город без медицинской справки. Мы застряли здесь. Несколько дней это была просто дурацкая простуда, которая никак не проходила. А потом бац. Вчера я проснулась с ощущением, что меня перемололи в блендере. Не рекомендую.

Уиллоу почувствовала укол вины. Вот она пила шампанское каждый день, а Рианна выблевывала свои кишки.

— Мне очень жаль. Ты хотя бы справились с тем тестом по физике?

Рианна кашлянула.

— Они вчера закрыли все школы в Ньюарке.

— Seriously?

— Добровольный карантин или что-то в этом роде. Хотя не очень-то похоже на добровольный.

По позвоночнику Уиллоу пробежала нервная дрожь. Она не обратила внимания. Каждый год школы закрывались на несколько дней или недель из-за гриппа или другой новой болезни, но никогда в таком количестве. И не все одновременно. Странно.

Она нажала на левый верхний угол смарффлекса, и на главной странице появилось лицо Рианны, а внизу под сплетнями знаменитостей, почти постоянными погодными рекордами и последними новостями о заражении сои, распространяющемся по южным штатам, проползли заголовки различных новостных сайтов: «Вице-президент Слоан заявляет, что опасения по поводу эпидемии раздуты», — гласил один заголовок. В другом говорилось: «Всеобщая вакцина против гриппа объявлена успешной».

— В новостях пишут, что ситуация улучшается. Много обреченности и уныния из-за пустяков.

Рианна фыркнула.

— Я сейчас выблюю на тебя всю эту обреченность и уныние, сучка.

— Я тоже тебя люблю. Разве ты не получила бесплатный укол?

— Бесполезные пять часов стояния в очереди, как по мне. Бессмысленный рекламный трюк.

— Наверное, ты уже заразилась.

— Похоже. — Лицо Рианны приобрело еще более нездоровый оттенок. Она несколько раз сглотнула. — А если серьезно, то у нас с унитазом свидание. Иди поцелуй за меня горячего богатого парня, ладно?

Уиллоу отключилась, ощущая нехватку Рианны как физическую боль в груди. Рианна была забавной, непочтительной и всегда готова на риск. Этот круиз в корне изменился бы, находишься здесь ее лучшая подруга. С любым человеком ее возраста, который не смотрел бы на Уиллоу как на изгоя или заразную болезнь, стало бы лучше.

Шел уже пятый день круиза. Все только и делали, что ели, пили, загорали и развлекались в бассейнах, казино и спа. Но Уиллоу не участвовала ни в одном из этих занятий. Она снова застряла, наблюдая за своими братом и сестрой.

Вместо того чтобы отдыхать, ее мама работала, даже надела свою дурацкую униформу уборщицы. Очевидно, сервисные боты подверглись хакерской атаке. Шутка какого-то анархиста. Уиллоу могла только представить, как возмущалась богатая элита, когда ей не пополняли запасы воды в бутылках за восемьдесят долларов или не клали на кровать идеально сложенное полотенце в форме лебедя.

Глядя усталыми глазами, мама стиснула ее руки, и извиняясь проговорила:

— Бенджи может пойти в детскую зону на четырнадцатой палубе, чтобы дать тебе передышку, но Зия слишком большая. И все же твоя сестра еще недостаточно взрослая, чтобы оставаться одной, ты понимаешь?

— Ладно, как скажешь, — стараясь не надуться, ответила Уиллоу.

— Пожалуйста, Уиллоу. Ты — эйт. Они — твоя ответственность. Позаботься о брате и сестре. Сделай это для меня, хорошо?

Уиллоу устала быть старшей сестрой, устала от постоянной ответственности. Она уже провела последние четыре дня в роли терпеливой няньки: сводила Зию и Бенджи в игровой центр «Мир экстрима», умудрилась не замерзнуть до смерти в снежной комнате и скользила по комнате с низкой гравитацией, где они глотали плавающие шары лимонада. А еще она

часами плескалась в бассейне, обучая Бенджи плавать без спасательного жилета.

На полсекунды она позволила себе подумать, что эта поездка может быть так же удивительна, как и рекламировалось. Но даже это казалось слишком хорошо, чтобы быть правдой. Она чувствовала себя виноватой за это, но ничего не могла с собой поделать.

Уиллоу смотрела на океан, простиравшийся во все стороны, на бескрайние просторы глубокого синего цвета. Как прекрасно. И спокойно. По крайней мере, на корабле нет беспилотников, дурацких пограничных постов и раздражающей голорекламы, как в городе, постоянно сканирующей сетчатку глаза и требующей внимания: «Уиллоу, попробуй образец *Desire*, нашей новой формулы с феромонами, которая гарантированно заставит твоего парня бла-бла-бла для тебя». Или: «Наш новый *Allure* имеет весь вкус настоящей, выращенной в почве пищи без калорий, так что ты наконец сможешь сбросить эти пятнадцать фунтов, Уиллоу!» Как будто только калории — причина, по которой ни один нормальный человек больше не может есть чизбургеры.

Она вздохнула, повернулась обратно к бассейну и своим бесконечным обязанностям — и наткнулась на большую, тяжелую фигуру.

— Ой, простите! — Она попятилась назад и посмотрела вверх. И вверх. Над ней возвышался гигант. Он был высоченным, по крайней мере, метр восемьдесят три, может быть, метр восемьдесят четыре, и он обладал крупным телом. — Я не...

— Увидела меня? — спросил он язвительно, протягивая руку. — А меня обычно так трудно не заметить. Я Финн Эллингтон-Флетчер.

Уиллоу пожала массивную руку Финна. Он был молод, вероятно, ее ровесник, с гладкой орехово-коричневой кожей, ямочками на щеках и щелью в слегка кривых зубах.

— Приятно познакомиться. — Она разгладила свой сарафан на животе, желто-подсолнечный, который позаимствовала у Рианны. Этот корабль и эта одежда заставляли ее чувствовать себя кем-то другим. Она хотела быть кем-то другим, хотя бы на один чертов день. — Я... Гвинет. Мои родители таскают нас на эту штуку каждый год.

Финн удивленно приподнял брови.

— Забавно, но я не помню тебя, Гвинет.

Она улыбнулась шире. Уиллоу не ожидала, что он окажется постоянным пассажиром, а значит, сыном представителя элиты. Точнее, это делало его самого элитой. Скорее, она приняла бы его за члена экипажа, не находящегося на службе, или кого-то в этом роде. Но как говорится, заварил кашу, так не жалея масла.

— Я сильно изменилась. Может, дело в волосах.

Он кивнул.

— Наверное. Откуда ты?

— Нью-Джерси. Авалон. — Она назвала самый причудливый район, который только могла вспомнить. — Но мы проводим лето в Хэмптоне.

Ничего лучше она придумать не смогла. Рианна бы уже сочинила полную предысторию и убедила его, что она южная дебютантка, собирающаяся на свой первый бал. Но она не Рианна. И Рианны здесь нет.

— А ты?

— Мой папа — биотехнолог в компании «БиоГен». Я живу с мамой в Вирджинии. Они в разводе. Но по-прежнему провожу много времени с папой. Мы каждый год посещаем Саммит процветания.

— Круто. И как... тебе весело?

Он пожал своими массивными плечами.

— А что может не нравиться? Признаться, в том, что меня сторонятся более обеспеченные и социально продвинутые сверстники, есть свои плюсы. Можно довольно близко познакомиться с книгами в здешней замечательной библиотеке.

Уиллоу рассмеялась прежде, чем смогла остановить себя. Возможно, это прозвучало грубо, но Финн не выглядел обиженным.

— Почему тебя сторонятся?

Он показал рукой на себя.

— Слишком большой. Слишком громкий. Слишком много всего. Может быть, я недостаточно утончен для их вкусов? Кто знает.

— Их потеря, — серьезно произнесла Уиллоу.

Финн снова улыбнулся, показав щель между зубами.

— Я люблю играть в пинг-понг. Но победа, как ни странно, не приносит мне такого удовольствия, когда я играю сам с собой. Беготня за мячиком буквально по всей площадке быстро теряет свою привлекательность.

— Я никогда не играла в пинг-понг.

— Это не самый элитный вид спорта, верно? — уныло произнес Финн. — Слишком много пота.

Она подняла подбородок.

— Я не боюсь вспотеть.

— Отлично. Может быть, я смогу научить тебя как-нибудь.

По ее шее поползло тепло. Ей нравился этот парень. Он смотрел на нее так, словно она настоящий человек, а не паразит.

— Да, можно попробовать.

— Как насчет сейчас?

И тут Бенджи позвал ее по имени, умоляя посмотреть на его новый пушечный прыжок. От разочарования у нее все забурлило в животе.

— Прости, — стиснув зубы, сказала Уиллоу. — Может быть, в другой раз.

Обычная история ее жизни.

Мика

Мика встал перед братом, плечи напряжены, голос звучит хрипло.

— Мне нужно с тобой поговорить.

Габриэль наколол на вилку стручковую фасоль и помахал ею перед собой.

— Помнишь, мама всегда заставляла нас есть овощи во время каждого приема пищи, даже на завтрак?

— Я искал тебя по всему кораблю.

Габриэль усмехнулся.

— Я все еще ем овощи, хотя ее больше нет рядом, чтобы меня заставлять. Глупо, да?

— Где ты был?

Габриэль неопределенно пожал плечами.

— Был занят.

Внутри Мики разгорался гнев. Он не позволит брату отмахнуться. Не сегодня. Он наконец загнал Габриэля в угол в офицерской столовой после того, как отработал свою смену. Ему пришлось обслуживать мужчин среднего возраста, страдающих от солнечных ожогов, и богатых женщин, охваченных восторгом от «выгодных сделок», которые они заключили с бедняками в шумных магазинах Гранд-Кея.

«Гранд Вояджер» только что вышел из своего второго порта, Гранд-Кей на Багамах. Шел пятый день, и они направлялись на Гранд-Терк, чтобы пополнить запасы провизии и предоставить девятистам элитным пассажирам на борту возможность взглянуть на лучшее, что может предложить Карибский бассейн. Но Мика не интересовался пляжами и пальмами.

Габриэль три дня упорно его избегал. Он не отвечал ни на сообщения, ни на сигнал смартфлекса. В груди Мики полыхала злость с тех пор, как он обнаружил наркотики. Он не мог больше ждать.

— Ты меня игнорируешь?

Габриэль одарил его ленивой улыбкой.

— Конечно, нет. Я работал.

— Мне нужно всего пять минут.

Габриэль откинулся назад, заложив руки за голову.

— Чего ты хочешь?

— Габриэль.

— Ох, ладно. — Габриэль отлепился от стула и последовал за Микой в коридор. Стены коридора покрывали бежевые плакаты с объявлениями и правилами техники безопасности, а голые полы и открытые трубы резко контрастировали с роскошью, царившей наверху. Но никого не волновало состояние помещений для экипажа.

Все лицо Мики покрылось испариной, уши горели. Он облизал губы.

— Я ходил в прачечную. И я видел наркотики.

Габриэль разгладил мелкую складку на своей форме охранника.

— Какие наркотики?

— Наркотики, которые ты провозишь на корабле.

— О чем ты говоришь?

Мику захлестнула новая волна гнева. Габриэль умел лгать. Всегда умел. Но Габриэль не

должен лгать ему. Он не должен был лгать своему собственному брату. Они поклялись.

— Чжан мне рассказал.

Габриэль прислонился к стене и скрестил руки на груди. Его лицо оставалось спокойным, а брови приподнялись в легком любопытстве.

— Чжан — кусок дерьма. Маленькая крыса, шныряющая в недрах корабля. Он ищет, кого бы обвинить. Я не имею никакого отношения ни к каким наркотикам. С чего бы это?

Мика отчаянно хотел поверить ему, но факты говорили об обратном. Они многое объясняли. Красивая одежда. Тихие разговоры. То, как лицо Габриэля застывало при каком-нибудь безобидном вопросе или замечании, и как он отгораживался от Мики без всякой причины.

— Тогда у тебя не будет проблем, когда я доложу об этом капитану.

— Ты должен соблюдать субординацию и докладывать главному офицеру безопасности Шнайдеру.

— Шнайдер в этом замешан. Но ты и сам это знаешь.

— Ничего такого я не знаю. Нарушение субординации противоречит правилам. Тебя привлекут к дисциплинарной ответственности — если просто не вышвырнут в следующем порту. — Но что-то изменилось в лице Габриэля, появился намек на беспокойство внутри глаз. Он не боялся Шнайдера. Он опасался капитана.

Мика прикусил внутреннюю сторону щеки, отгоняя дурноту. Он заставил свой голос звучать уверенно.

— Сегодня вечером я иду к капитану Либенбергу. Если ты чист, тебе не о чем беспокоиться.

Два члена экипажа проходили мимо. Мика посторонился, чтобы их пропустить.

Руки Габриэля сжались в кулаки. Флуоресцентные лампы высветили тени в глубине его глаз.

— Мика, подожди. Ты знаешь, сколько людей пострадает от этого? Я беспокоюсь об их благополучии. Уволят десяток человек, и что будут делать их семьи? Они будут голодать. Мика, эти парни просто пытаются заработать на жизнь. Ты знаешь, как это тяжело. Ты знаешь, каково это сейчас.

— Знаю. — Он помнил, как это было, как тяжело приходилось работать их родителям, чтобы просто хватало на электричество и еду на столе. Но даже в самые тяжелые времена мама никогда никому не причиняла вреда. Даже их отец, всегда такой злой и раздраженный, только принимал «Шелк», но никогда его не продавал. — Это нарушение закона.

Габриэль с раздражением выдохнул.

— Ты не понимаешь. Закон — это не что иное, как оружие, используемое элитой для угнетения остальных.

— Разве ты не помнишь папу? — Голос Мики надломился. Их отец, который так много работал, чтобы обеспечить свою семью. Он приходил домой после долгого дня и готовил ужин, чтобы мама могла отдохнуть. Он любил мастерить, вырезал деревянные поезда и человечков для Мики и Габриэля, когда они были маленькими. Он бывал вспыльчив, но никогда не поднимал руку на жену и детей.

Их отец не мог спокойно смотреть, как его жена умирает от рака, слабея и страдая с каждым днем. Беспомощная ярость захлестнула его изнутри, выжигала до тех пор, пока он, наконец, не обратился к «Шелку», чтобы заглушить свой гнев. Пока, все не закончилось.

— Я собираюсь сообщить об этом, с тобой или без тебя.

Мика повернулся и пошел прочь. Он молился, чтобы его брат промолчал, цепляясь за ниточку надежды, что ошибся, что каким-то образом Габриэль не замешан. Может быть, Чжан соврал. Может быть, это какая-то ошибка. Может быть, все будет так же как раньше, а брат останется его лучшим другом.

Он не успел пройти и пяти шагов, как Габриэль заговорил.

— Подожди.

Мика повернулся и встретился с ним взглядом.

— Если ты сдашь эти наркотики, то сдашь и меня.

Сердце Мики сжалось в груди. Все слова, которые он хотел сказать: «Почему? Как ты мог так поступить? Как ты мог солгать мне?» — застряли в его горле как репей. Он сглотнул.

— Я должен.

— Ты не должен ничего делать, брат. Я клянусь тебе, это для хорошего дела.

— Я должен, — повторил Мика, как будто забыл все остальные слова.

— Нет. Не должен. И не будешь. Это я. Ты знаешь меня. Я бы не стал заниматься этим, если бы не веская причина. Поверь мне.

— Поверить тебе? Ты перевозишь наркотики!

— Ты хороший человек, Мика. И за это я тебя люблю. Но мне нужно, чтобы ты поверил, что я тоже хороший человек.

Его брат был хорошим человеком. В глубине души Мика знал это. Габриэль мог быть вспыльчивым. В нем кипел гнев, как и в их отце. Он вступил в ряды «Новых Патриотов», постоянно выступая против коррумпированного правительства. Он часто ввязывался в драки в школе. И он отправил того мальчишку из парка в больницу все эти годы назад. Мика до сих пор содрогается при воспоминании, что Габриэль сделал из-за него, для него. Акт насилия, который Мика не мог оправдать. Но все же действия Габриэля всегда направлены на защиту чего-то или кого-то другого.

Но сейчас все по-другому. Все это не имело никакого смысла.

— Что происходит?

Взгляд Габриэля смягчился.

— Я бы сказал тебе, если бы мог. Это для хорошего дела, больше я ничего не могу рассказать.

— Это все равно не означает, что то, что ты делаешь, менее неправильно. Разве ты этого не видишь?

— Для тебя все просто. Кто-то может позволить себе видеть вещи только в черно-белом цвете. Но остальные так не могут.

— Правильное и неправильное вот что значит черное и белое. — Мама учила его поступать правильно, даже если это причиняло боль. «Будь хорошим, — всегда говорила она Мике, сжимая его руку. — Будь храбрым». Так она сказала ему тогда перед смертью в больнице. «У Бога такие планы на тебя, сын мой. Будь хорошим. Будь храбрым».

Рот Габриэля сжался.

— Ты прямо как мама, когда так говоришь.

— Габриэль...

— Так ты прикроешь меня или нет?

Мика колебался.

Габриэль не сводил с него испытующего взгляда.

— Только ты и я. Только мы.

— Всегда, — выдавил Мика, с трудом совладав с голосом.

— Видишь? Я знал, что ты сделаешь правильный выбор. Ты всегда так поступаешь.

Долгое мгновение никто из них не говорил. Мика смотрел на Габриэля, но не мог прочитать его, больше не мог. Если вообще когда-нибудь умел.

Габриэль потер затылок.

— Слушай. У меня полно работы. Я знаю, ты поступишь правильно.

— Что по-твоему значит «правильно», Габриэль?

— Правильно это доверять мне. И верить в высшее благо. — Он говорил с такой уверенностью, с такой убежденностью.

Но Мика не чувствовал ничего, кроме сомнений. Он стоял на краю зияющей дыры, готовый вот-вот упасть.

— Габриэль...

Но его брат уже закрылся, словно захлопнул за собой дверь. Мика смотрел, как он быстро идет по коридору и исчезает за углом. Габриэль вел себя так, будто ничего страшного не произошло, будто мир Мики не разлетелся на тысячу осколков.

Вопросы рвали его на части, острые как стекло. Как он мог предать собственного брата? Как он мог жить с самим собой, если не расскажет о наркотиках? Как ему жить, если он это сделает?

Мика ходил по кораблю как в оцепенении, улыбаясь по мелочам, приветствуя пассажиров, смеясь над шутками членов экипажа.

И все это время тайна тлела в его глазах, как горящий уголь.

На следующий вечер, закончив свою смену, Мика отправился на пляжную палубу. «Гранд Вояджер» отчалил от Очо-Риос несколько часов назад.

Дальше по палубе пары в изысканных вечерних платьях и смокингах готовились к фотосессии. Стены на шестой палубе у обеденного зала «Оазис» уже пестрели тысячами снимков, а ведь это только шестой день круиза.

Ветер хлестал волосы Мики по лицу и слепил глаза. Он стоял у стеклянных перил на палубе и смотрел на бескрайнее и бесконечное море. Океан простирался по обе стороны, насколько хватало глаз, горизонт уходил в темноту. Бледная полоска лунного света отражалась на воде. Вдалеке сверкали огни родственного круизного лайнера, словно упавшая с неба звезда.

Его окружало столько красоты, но внутри он чувствовал себя раздираемым пополам. Со вчерашнего дня Мика не разговаривал с братом. Прощальные слова Габриэля эхом отдавались в его голове. «Только ты и я. Только мы. Всегда».

Сомнения грызли его. Как он мог стоять в стороне и ничего не делать, пока токсичные, разрушающие жизнь наркотики добирались через океан и загрязняли его страну? И все же, как он мог сдать собственного брата? Габриэль был его домом, его компасом, его неизменной Полярной звездой.

Мика смотрел на воду, пока его зрение не затуманилось. В глубине груди прорастало семя ненависти. Он знал, что сделает. Как только с его губ слетело «Всегда», он уже знал.

Ничего. Он ничего не сделает.

И он уже ненавидел себя за это.

Габриэль

Габриэль стоял на стеклянном помосте тринадцатой палубы, испытывая тревогу и предвкушение. Сегодня шел седьмой день круиза. Приближалось долгожданное время. Наконец-то мир изменится.

Симеон прислонился к стеклу рядом с ним, вместе со своим первым помощником, Алексом Кейном, огромным белым парнем с короткой стрижкой, толстой, выпуклой шеей и телом, сложенным как бульдозер.

Они смотрели на террасу кафе «Воображариум», где пассажиры поглощали свои роскошные завтраки. Их тарелки изобиловали экзотическими свежими фруктами, и все они готовились к очередному ленивому дню обжорства и роскоши.

По правому борту солнце сияло белым шаром в голубом небе. Габриэль не боялся высоты, но все равно чувствовал странный дискомфорт, когда видел, как далеко под ногами сверкает океан. Он избегал смотреть вниз. Вместо этого проверил записи с камер видеонаблюдения на своем планшете. Все под контролем. Все в норме. Пока что.

— Наслаждаешься погожим деньком? — Кейн сжал свои мощные руки. Хотя они находились на одной стороне, Габриэль сразу невзлюбил Кейна, как только встретил его два года назад. Кейн источал злобу, получал удовольствие от причинения боли и не скрывал этого. Но Симеон доверял Кейну, а значит, Габриэль вынужден его терпеть.

— Кейн, — как можно сердечнее отозвался Габриэль.

Симеон махнул рукой, чтобы они замолчали, и поднес спутниковый телефон к уху.

— Что изменилось? — Долгая пауза. Его лицо потемнело. — Да, я понимаю. Я свяжусь с филиалом и договорюсь о месте встречи.

Когда он отключил телефон и повернулся к Габриэлю и Кейну, его лицо пылало от ярости.

— Что случилось? — спросил Габриэль.

— После того, как разберешься с «обезьяньим островом» и отключишь связь и корабельный локатор, у меня есть для тебя еще одно задание. Доставь девчонку Деклана Блэка в безопасное место, пока я не свяжусь с тобой.

— Зачем? Я хочу быть здесь, служить делу.

— Я сделаю это. — Кейн усмехнулся. — Я дам этой девке больше, чем она сможет вынести.

— Нет! — Габриэль ничего не чувствовал к Амелии Блэк. Ничего. Она лишь цель, часть его миссии и не более. И все же мысль, что кто-то вроде Кейна прикоснется к ней, заставила его кровь закипеть. — Держись от нее подальше.

Симеон бросил на Кейна предупреждающий взгляд.

— Ни в коем случае. Мы здесь не для этого.

Кейн громко рассмеялся.

— Значит, мы здесь ради романтики? Что за хрень, Симеон?

— Конечно, нет! — Габриэль проглотил слова, которые хотел сказать, но только ради Симеона. Ради дела. Он заставил свой голос оставаться спокойным. — Нам нужен ее отец, а не она.

Кейн бросил на него злобный взгляд.

— Думаешь, только потому, что у тебя смазливое личико, такая девица подпустит тебя к себе...

— Не груби, — отрезал Симеон.

Рот Кейна сжался в тонкую, бескровную линию.

— Зачем нам снова нужен этот сопляк?

— В чем твоя проблема? — поинтересовался Габриэль.

— У меня нет проблем. А у тебя, похоже, их много.

— Успокойтесь оба, пока не привлекли ненужного внимания. — Симеон поднял руку. — Роль Габриэля важна для дела, Кейн. А у тебя Габриэль нет причин рисковать, когда мы наняли для этой цели боевиков. Но твой пыл и патриотизм оценены по достоинству.

— Понятно, сэр. — Гэбриэль старался не выдать обиды. Он был таким же бойцом, как Симеон и Кейн. Он тренировался годами. Он силен. Он на все готов.

— А что насчет девчонки? — Верхняя губа Кейна скривилась. — Я мог бы устроить ей грандиозное развлечение в старой доброй капитанской каюте. Уверен, что не хочешь, чтобы я...

— Ты никогда не затыкаешься? — Габриэль сжал челюсти, пытаясь сдержать свой гнев и отвращение. Его поразила собственная бурная реакция. Он почувствовал легкую жалость к Амелии, что само по себе шокировало его. До нее он и представить себе не мог, что может испытывать к элите что-то кроме отвращения.

Симеон опустил руку на его плечо.

— Наша миссия изменилась. Теперь нам необходимо взять Блэка живым. У него есть важная информация — а он может не захотеть поделиться ей с нами.

Первоначально они планировали захватить корабль, потребовать миллиардный выкуп для поддержки грядущей войны, а затем расправиться с несколькими самыми бессердечными и коррумпированными руководителями и политиками Коалиции Единства — прежде всего с Декланом Блэком. Недвусмысленное предупреждение для тех, кто собирается украсть их права, и первый выстрел на поражение, заявление, которое весь мир услышит громко, и четко: вторая американская революция началась.

— Что ты имеешь в виду? Что изменилось?

— Всему свое время, мой верный друг. Сейчас мне нужно от тебя только повиновение. Время пришло. Наше время. Мир изменится завтра ночью.

— Завтра? Я думал, мы планировали...

— План изменился. «Гранд Вояджер» гарантированно вернется в США к этим выходным.

— Почему? — сплюнул Кейн через перила.

— Грипп, который похоже вовсе и не грипп. В подполье полно разговоров. Они называют это вирусом Гидры. Он продолжает появляться повсюду. Вирус заразен, вирулентен и смертелен. Умирает больше людей, чем сообщают СМИ. Сотни тысяч, если верить некоторым блоггерам. Мой источник только что это подтвердил. Она считает, что завтра вечером Белый дом сделает заявление. Американцам запретят все внутренние и международные поездки. Любой международный порт откажет нам к субботе, если не раньше.

Габриэль прислонился к стеклянным перилам, размышляя о происходящем. До него доходили слухи, но он полностью сосредоточился на задании, поэтому почти ничего не замечал.

— Что насчет...?

— «Новые Патриоты» в безопасности. Пока что. По слухам, сам президент может быть болен. Эта информация не разглашается. Рядовые граждане считают, что он проводит очередной отпуск за гольфом.

Кейн присвистнул.

Габриэль уже не в первый раз задумывался, откуда Симеон мог столько знать. В правительстве работали «Новые Патриоты», еще больше тех, кто сочувствовал их делу, верил в новый порядок, в новое правительство, готовое на деле служить народу. Но он не знал, сколько их было и насколько высоко они поднялись. Габриэль знал только членов местного отделения Симеона.

— Что касается нас, — продолжал Симеон, — нам нужно действовать, пока капитан не осознал серьезность положения «Гранд Вояджера» и не изменил курс. Мы должны достичь места встречи у берегов Пуэрто-Кортеса. И еще одно. Тропический шторм «Уайатт» движется прямо по нашему курсу. Обычно капитан обходит шторм стороной. Но мы должны уложиться в сроки, включая конечную точку сбора. Все слишком тщательно выверено, чтобы вносить коррективы сейчас.

— Мы направляемся прямо в ураган? — уточнил Кейн.

— Это просто шторм. С нами все будет в порядке. Остальные уже на позиции. Мы готовы нейтрализовать агентов секретной службы и частной охраны. Все идет по плану. Возникла небольшая заминка с одним из членов экипажа в прачечной, но с этим разобрались.

Габриэль перевел дыхание. Он не сказал Симеону, что Мика обнаружил наркотики. В любом случае это не имело значения. Наркотики служили лишь прикрытием. Мика не знал, что происходит, и он никогда не выдаст Габриэля. Миссия оставалась в безопасности.

Симеон повернулся к Габриэлю.

— Что с телохранителем председателя Коалиции?

— Джерико всегда с Блэком, за исключением ужинов за капитанским столом. Блэк, похоже, не хочет, чтобы он присутствовал на них. Джерико занимается в спортзале или проводит время с Сайласом.

— Превосходно. Ты будешь готов?

Габриэль расправил плечи.

— Да, сэр.

Симеон прижал кулак к сердцу. Габриэль и Кейн последовали его примеру.

— Во имя чести истинных патриотов и любви к стране.

— Во имя чести истинных патриотов и любви к стране — повторили Габриэль и Кейн. При этих словах по венам Габриэля пробежала дрожь. Он прошелся по стеклянному подиуму, проверяя и перепроверя записи с камер наблюдения. Прошлой ночью он скопировал несколько циклов нетронутого видео. Они готовы к взлому.

Завтра все изменится.

Амелия

— Сейчас мы официально находимся в середине круиза, — обратился к собравшимся Деклан Блэк. — Надеюсь, вам понравился шестой ежегодный Саммит процветания. — Он поднял свой бокал. — За «БиоГен», за Коалицию Единства, за здоровье и безопасность этой страны, и за наше блестящее будущее!

Все заплодировали.

Амелия стояла рядом с матерью в первых рядах, приглашенных на празднование Саммита процветания ее отца в Большом бальном зале, расположенном над мостиком, на высоте более тринадцати этажей над уровнем воды. Бальный зал медленно вращался, позволяя наслаждаться захватывающим панорамным видом. Со всех сторон из окон от пола до потолка открывалась бесконечная синева воды, бескрайний океан напоминал перевернутое небо.

Но даже посреди такого великолепия в зале чувствовалось напряжение. Амелия ощущала его как низкий электрический гул. Многие в толпе говорили тихим шепотом, их взгляды казались напряженными. Другие поглядывали то на Деклана, то на свои смартфончики. Слухи, что универсальная вакцина не работает, витали в воздухе. А сенатор Лопес, как назло, отсутствовал.

Амелия чувствовала себя измученной, опустошенной. Как будто во всем этом каким-то образом есть ее вина. Вокруг лилось шампанское, смех, разговоры и танцы. Большой бальный зал отличался изысканным оформлением, выдержанным в духе старого мира и исторической элегантности. Хрустальные люстры отражали свет от поблескивающих деревянных полов. Официанты в белых костюмах сновали среди гостей с подносами закусок и пузырящегося шампанского.

Но она не могла наслаждаться ничем из этого. Стыд грыз ее. Она потерпела неудачу с сенатором Лопесом. А вчера они с Сайласом снова поссорились. Амелия содрогнулась, вспомнив грубые слова, которые он бросил в ее адрес.

Она сделала все возможное, но все равно напортачила. С отцом. С Сайласом. Она до сих пор не понимала, как все могло так быстро разладиться. И не знала, как и что может сделать, чтобы все исправить. Каждый проходящий день затягивал узел тревоги в ее животе.

Амелия постаралась вытеснила эти мысли из головы и не спеша допила свой напиток, осматривая комнату. Джерико стоял рядом с несколькими другими сотрудниками службы безопасности, его лицо, как обычно, нахмурено. В нескольких метрах от него Габриэль Ривера болтал с другим сотрудником службы безопасности. Его темные вьющиеся волосы задевали воротник формы. Он на мгновение встретился с ней взглядом и улыбнулся.

Она отвела глаза, по щекам разлился жар. За последнюю неделю она видела его несколько раз. И все время он подходил поболтать, такой красивый и харизматичный, его взгляд был пристальным и немного обескураживающим. Амелия все время думала о его кривой ухмылке, о ямочке на левой щеке.

По затылку пробежала дрожь. Она почувствовала, что кто-то наблюдает за ней. И это не Габриэль Ривера. Она обернулась и внимательно осмотрела танцующие пары, группы разговаривающих и смеющихся людей, официантов.

Крупный корабельный офицер облокотился на стену. Амелия видела его раньше, он

наблюдал за ней из глубины джазовой гостиной, где она упражнялась на скрипке. У него было самодовольное, маслянистое лицо и глаза рептилии. Его взгляд скользил вверх и вниз по ее телу.

Он поймал ее взгляд и улыбнулся, медленно и похабно, оскалив рот. Она привыкла к определенному количеству взглядов. Но здесь все иначе. Она смирилась с тем, что ее внимательно изучают. И даже с тем, что за ней подглядывают. Но этот взгляд словно холодное лезвие вонзался ей между ребер, казалось, он вторгался в нее, раскрывал, выворачивал наизнанку. Ее желудок сжался. Этот тип не хотел ее, он хотел сделать ей больно.

Мать Амелии находилась в другом конце зала, прислонившись к покрытому льном столу с фирменным блюдом от кондитера: два лебедя в сахарной глазури, обращенные друг к другу, их съедобные шеи переплетены. Она болтала с Брэдли Марксом, гуру международного банковского дела, смеясь над одной из его ужасных шуток.

Амелия тосковала по Сайласу. Он бы знал, что делать. Но после их вчерашней ссоры на пляже в Очо-Риос он с ней не разговаривал. Она осталась одна.

Она заставила себя оглянуться. Офицер продолжал смотреть на нее блестящими, почти лишенными век черными глазами.

Тошнотворное, тягостное чувство охватило Амелию. Дрожащими пальцами она разгладила кремовое шифоновое платье. Оно мерцало тонким светом, нити микроволокон казались едва заметными. Ее окружали люди. Рядом полно охраны — Джерико и этот красивый офицер корабля, Габриэль Ривера. У нее нет причин бояться.

Солнце опускалось к горизонту, заливая вращающуюся комнату мягким золотистым светом. Снаружи небо пылало, вода окрасилась в медно-красный цвет.

Амелия заставила себя вернуться к своим обязанностям. Она порхала по комнате, восхваляя лидерские качества своего отца и воспевая дифирамбы генеральным директорам, финансовым воротилам, корпоративным спонсорам и сенаторам, с энтузиазмом смеясь над шутками, делая паузы, чтобы одарить комплиментами и принять их с трепещущими ресницами и покрасневшими щеками.

Она знала, как себя вести. Она была дочерью своего отца. Она играла в его игры годами. И так же долго Амелия их ненавидела. Но она не могла сказать «нет». Она никогда не могла сказать «нет».

Снова осмотрела бальный зал в поисках напугавшего ее мужчины, но не увидела его. Должно быть, он вышел. От мысли о его злобном взгляде у нее по коже поползли мурашки. Амелия задрожала. Она ведь в безопасности? Тогда почему ей все равно страшно?

Деклан Блэк прошествовал через зал и взял ее за руку. Его лицо застыло, рот сжался в тонкую линию.

— Пойдем со мной.

— Что случилось?

Он сдвинул ее локоть, ведя в фойе, прочь от вечеринки.

— Я планировал объявить о поддержке сенатора Лопеса сегодня вечером. Разве я не просил тебя настроить его на благоприятный лад?

У нее пересохло во рту. Фужер с шампанским потяжелел в руке. От света, отражающегося от хрустальных люстр, заболели глаза.

— Я пыталась. Ты его слышал. Он не...

— Ты пыталась? Это была простая просьба, Амелия. Ты на самом деле пыталась?

Она застыла, опустив руки по бокам.

— Прости, я старалась...

Он нахмурил брови, его стальной взгляд буравил ее лицо.

— Амелия, тебе нравится выставлять меня дураком?

Стук ее сердца гулко отдавался в ушах. Она едва слышала свои мысли. Она вообще едва могла думать.

— Нет! Конечно, нет.

— Значит, ты просто беспечна и безответственна?

— Я пыталась поговорить...

— Ты пыталась. — Его губы искривились в насмешке.

— Он уже все решил, как я могла...?

— Ты решила разыграть меня, так что ли?

Дыхание покинуло ее легкие.

— Папа...

— Вместо того чтобы очаровать сенатора Лопеса, ты настраиваешь его против меня? — Он возвышался над ней, его ноздри раздувались, на лице застыло презрение. — Ты пытаешься меня саботировать?

Амелия прижалась спиной к стене, увядая от его нападков, страх сделал ее маленькой и глупой.

— Я бы никогда...

Его взгляд потемнел.

— Ты всегда так меня разочаровываешь. И ты, и твой брат. Испорченные, неблагодарные маленькие...

— Прошу прощения, сэр. — Габриэль Ривера появился в дверях. — Вас спрашивает начальник вашей службы безопасности, Эд Джерико.

Маска опустилась на место, презрение исчезло с лица Деклана Блэка. Его выражение сменилось вежливой сдержанностью, когда он поправил запонки.

— Спасибо, что проинформировали меня. — Он вернулся в бальный зал, даже не взглянув на Амелию.

— Ты в порядке? — спросил Габриэль.

Она все еще дрожала.

— Прости, у него сильный стресс. А я все испортила...

— Я не подслушивал ваш разговор. Просто ты выглядишь несчастной.

Амелия покраснела и стала ожесточенно теревить свой браслет.

— Это был долгий день.

Он бросил на нее вопросительный взгляд.

— Может, тебе не стоит туда возвращаться?

— Я должна.

— Но хочешь ли ты этого?

Она устала на него, не в силах ответить.

— Какой смысл во всем этом, если ты несчастна? — Габриэль жестом указал на мраморные полы, хрустальные люстры. — Я не понимаю.

Амелия беспомощно пожала плечами. Как она могла объяснить? Если бы только она была умнее, талантливее. Если бы только она была красивой, очаровательной и достаточно совершенной, он бы изменил свое мнение. Ее отец решил бы, что она достойна его любви.

Глубокий, отвратительный стыд переполнял Амелию. Хотелось убежать, исчезнуть, провалиться под пол. Но то, чего она хотела, не имело значения, никогда не имело значения.

Габриэль наклонил голову и прищурился, изучая ее. Затем он усмехнулся, на его правой щеке появилась ямочка.

— Ты голодна? Давай я отведу тебя в офицерскую столовую. Ты сможешь увидеть, как едят остальные. Там есть отличные макароны с сыром. Я имею в виду, если ты любишь такие вещи.

Ее желудок сжался.

— Я не могу.

— Не достаточно шикарно для тебя?

— Нет, это... прости. — Она моргнула от слез, обжигающих ее веки. И расправила плечи. — Мне нужно идти.

Рот Амелии сложился в улыбку. Но это улыбка, раскалывающая ее изнутри, вот-вот рассыплется.

Габриэль

От предвкушения трепетала каждая клеточка тела Габриэля. Страна наконец-то должна измениться к лучшему. И это начнется сегодня. С них, с него.

Всю вторую половину восьмого дня он провел на «обезьяньем острове», расположенном на крыше над капитанским мостиком и большим бальным залом. Там находились радары, радиоантенны и спутники. Он отключил питание радиотелефонов УКВ и ВЧ и вывел из строя спутниковые беспроводные и коммуникационные системы.

Габриэль деактивировал Глобальную морскую систему связи при бедствии, которая в случае активации посылала сигналы на большие расстояния на ряд орбитальных спутников. Устройство спутникового слежения «ШипЛок» следовало размещать в скрытом месте, но в своей самонадеянности «Вояджер Энтерпрайзис» просто засунули эту штуку на «обезьяний остров» вместе со всем остальным.

Он не стал трогать оранжевые буйки с аварийным радиомаяком индикатора положения на крыльях мостика. Переместить их сейчас, на виду у команды, значит только вызвать подозрения. При падении в воду они автоматически активируются, и их положение будет ежечасно передаваться через спутник в штаб-квартиру Национального управления океанических и атмосферных исследований в Вашингтоне, округ Колумбия. Но у него будет достаточно времени, чтобы заняться этим позже.

Закончив дело, Габриэль связался с Симеоном.

— Отлично. — Голос Симеона потрескивал в рации. — Встретимся на двенадцатой палубе через пятнадцать минут. Пора.

Габриэль поспешил навстречу Симеону, который в это время ждал его вместе с Кейном и еще одним Новым Патриотом по имени Вера Холлис, худой белой женщиной средних лет с резкими чертами лица и русыми волосами, собранными в тугий пучок. Двое других мужчин, одетых в униформу экипажа, направляли тележку с бельем в тупик коридора.

— Наши товарищи в пути, — объявил Симеон. — Дэвисон и Эрнандес находятся снаружи машинного отделения, ожидая приказов. Остальные члены команды на местах и готовы.

— А наблюдение? — спросил Кейн.

— Все необходимые экраны видеонаблюдения готовы к дистанционной активации, — отозвался Габриэль, держа в руке планшет. Для взлома внутренней системы безопасности корабля требовалось два дополнительных уровня доступа, но он с легкостью проник в них.

— Запускай эту чертову штуку. — Кейн поправил свой бронежилет под формой.

Когда Симеон кивнул, Габриэль коснулся планшета. Восемь экранов системы наблюдения замерцали и активировали записанные циклы.

— Готово.

Симеон прижал правый кулак к сердцу. Остальные последовали его примеру. Габриэль почувствовал, как его собственное сердце бьется сквозь ткань кителя.

— Во имя чести истинных патриотов и любви к стране.

— Во имя чести истинных патриотов и любви к стране, — повторил он.

Вместе с остальными Патриотами он прошел по коридорам к центральному входу на мостик. Они остановились перед усиленной стальной дверью с надписью «Мост: Только для

уполномоченных лиц».

Двое мужчин в униформе экипажа прижались к правой стене, вне поля зрения камеры над дверью. Они сбросили слой полотенец с тележки для белья и достали три дозвуковые штурмовые винтовки.

Симеон и Холлис заняли позицию слева от двери, держа в руках пистолеты с глушителями. Обе группы натянули на лица черные маски.

Габриэль встал рядом с Кейном перед камерой и нажал на металлический звонок, утопленный в левой стене. Капитан и офицеры мостика входили внутрь через биосканер сетчатки глаза. Все остальные попадали туда по старинке.

Офицер мостика по ту сторону двери бросил взгляд на монитор системы видеонаблюдения и увидел только Кейна, офицера-радиста, и Габриэля, элегантно одетого в форму службы безопасности с черными погонами на плечах. В них не было ничего необычного.

«Усиленная сталь не может защитить от предательства». Сердце Габриэля дрогнуло при этой мысли. Это не предательство. Это правосудие. Справедливость для народа. Новая революционная война, начинающаяся сегодня. Уже сейчас.

Раздалось жужжание, дверь распахнулась.

И все произошло разом.

Уиллоу

— А можно сначала десерт? — спросил Бенджи с глупой ухмылкой на лице. На столе вокруг него лежала колода игральных карт, он собирался попрактиковаться в своем последнем фокусе, что-то о том, как заставить карту исчезнуть прямо из его рук. — И завтрак на обед!

— Только если в конце мы съедим брокколи, — пообещала мама.

— Не-ет. — Зия сморщила нос и поправила бретельку на облегающем аква-топе с фотолюминесцентными цветами, на покупку которого Уиллоу откладывала два месяца, чтобы подарить сестре на день рождения.

Они обедали в кафе «Воображариум». Ее живот вздулся и болел от того, что она запихивала в себя все подряд при каждом удобном случае, но это не мешало Уиллоу есть еще. За столиками сидели голодные пассажиры, только что вернувшиеся с береговых экскурсий. От всех пахло кремом для загара, морской солью и потом.

Они провели утро на местном пляже на Большом Каймане, исследуя магазины, набитые дешевой островной утварью и безделушками китайского производства. Это оказалось не так весело, как она ожидала. Портовая охрана раздавала всем высаживающимся респираторные маски.

— Просто мера предосторожности, — твердили они с широкими белоснежными улыбками. Очевидно, на Большом Каймане тоже куча людей заболела гриппом летучих мышей. Это вызывало тревогу. И напомнило Уиллоу о Рианне, больной и несчастной с тем же гриппом на родине.

Зия смахнула меню, встроенное в стол, и ввела их заказы.

— После обеда давайте снова устроим низкогравитационное караоке!

— Я пас. — Зия умела петь и танцевать. А вот Уиллоу обладала координацией слона на роликовых коньках, даже когда парила в воздухе. — Может, заглянем в спа-капсулы и вздремнем?

— Фу, отстой! — Бенджи повернул запястье, и пиковый туз в его руке исчез.

— Мне нужно работать после обеда, — сообщила мама. — Но я закончу до ужина, обещаю. Веселитесь, ребята.

Уиллоу заставила себя не закатить глаза. Она еще не сделала ничего из того, что хотела, а этот чертов круиз уже наполовину закончился.

— Можно мне взять твой смартафлекс? Я хочу проведать Рианну.

— Прости, у меня села батарейка. Но вот, возьми мой штатный браслет. — Мама пошарила в кармане, пока не вытащила красный браслет. — Неограниченный вай-фай на технической станции, одно из преимуществ работы!

Единственное преимущество. Но Уиллоу просто сказала:

— Спасибо.

— Это ключ доступа, — пояснила мама. — Он может открыть почти любую дверь на корабле.

— Ого. — Глаза Зии расширились.

— Не надо никаких идей, — предупредила мама, встретившись взглядом с Уиллоу. — Пожалуйста, не забывай об ответственности.

Уиллоу закатила глаза. Когда это она не была ответственной?

Обслуживающий бот принес им безалкогольную маргариту и охлажденные тарелки с лимонным пирогом, йогуртовой панна-коттой и шоколадными трюфелями ручной работы с гарниром из свежих фруктов. Бенджи запихивал в рот огромные куски настоящего арбуза, пока его щеки не надулись, как у бурундука. Розовый сок стекал по его подбородку.

Зия хихикнула. Бенджи соорудил ей глупую рожицу, а потом они оба расхохотались. Плечи Зии судорожно вздрагивали. Она закрыла рот руками, но слишком поздно. У нее вырвался задыхающийся, ослиный смех, как в детстве. Мама тоже засмеялась.

Уиллоу улыбнулась, но улыбка вышла натянутой, как будто не подходила ее лицу. Она вела себя как эгоистка, и знала это. Она любила свою семью; но как же не хотелось все время испытывать раздражение от их выходок.

Бодрый голос директора круиза зазвучал в динамиках корабля:

— Дамы и господа, я надеюсь, что вы прекрасно провели время, наслаждаясь сегодня Гранд Кайманом! Небольшое примечание с печальными новостями. В связи с непредвиденными обстоятельствами «Гранд Вояджер» не причалит в Белизе завтра утром, как планировалось раньше.

Пассажиры издали коллективный стон.

— Что случилось? — Зия сморщила нос.

Их мама пожала плечами.

— Я думаю, они пытаются избежать этого большого шторма, как его там. Они такие... переменчивые в эти дни. Такое иногда случается. Не о чем беспокоиться.

— Что значит «переменчивый»? — спросил Бенджи.

— Значит трудно планировать. Но мы все равно можем получить массу удовольствия.

— Я рада, что мы здесь, — заявила Зия.

Мама улыбнулась так широко, что ее глаза сощурились.

— Я тоже, милая. Я тоже. — Мама выглядела такой расслабленной, потягивая маргариту. Довольной и умиротворенной. Такой Уиллоу не видела ее очень давно. Это радовало и печалило ее одновременно.

Она положила в рот шоколадно-малиновый трюфель и уставилась на океан, сверкающий, как отполированная сталь. Такая красота, что у нее защемило сердце. С каждым прошедшим днем ее сердце болело все сильнее.

Очень скоро все это исчезнет. И она уже никогда не сможет вернуть это время.

Габриэль

Дверь на капитанский мостик распахнулась. Один из Патриотов бросил Габриэлю винтовку, вбегая внутрь.

— Не двигаться! — закричала Холлис.

Габриэль мельком взглянул на панорамные окна, опоясывающие помещение. Длинная прямоугольная консоль изобиловала цифровыми картами, показаниями о местоположении и спутниковыми снимками, парящими над гладкой поверхностью. Он бывал на мостике десятки раз. Но никогда так.

Время, казалось, замедлилось. Все звуки исчезли, кроме шума крови в ушах. Два офицера мостика, офицер безопасности и рулевой повернулись к ним. Капитан стоял у центра консоли перед штурвалом.

— Не двигаться! — Холлис снова закричала на рулевого, британца, который схватился за кнопку оповещения, как только увидел оружие. Габриэль бросился к центральной консоли, не колеблясь ни секунды.

Холлис тоже не стала медлить. Она дважды быстро выстрелила, продырявив грудь рулевого. Он упал на пол, красные пятна, как чернила, расползлись по его рубашке.

Звук рикошета прозвучал громче, чем ожидал Габриэль. Глушители не могли подавить весь шум от огнестрельного оружия, в отличие от импульсного. Но сквозь стальную дверь и толстые стены их все равно не услышат.

Оставшиеся офицеры растерянно уставились на упавшее тело. Габриэль смотрел вместе с ними, борясь с поднимающейся в горле кислотой. Винтовка безвольно повисла у него на боку.

Симеон стремительно подошел к капитану Йоханнесу Либенбергу и прижал пистолет к его голове.

— Если никто не сделает ничего глупого, вы все останетесь живы. Этот бой не с вами. Вы поняли?

Холлис поворачивалась, направляя пистолет на каждого из офицеров, пока они не кивнули. Второй помощник, привлекательная афроамериканка с короткими волосами, застыла рядом с капитаном. Третий помощник капитана стоял на полпути между консолью и наружной дверью в левое крыло. Его била дрожь, на лбу выступили капельки пота.

— Вам не уйти от ответственности, — прорычал капитан Либенберг.

— О, но мы уже это сделали. — Голос Симеона звучал ровно, но Габриэль уловил в его словах порыв. Должно быть, адреналин бьет через него так же, как через его собственные вены, наполняя бешеной энергией. Сердце Габриэля гулко билось о ребра.

— Все оказалось проще, чем угнать грузовик. — Холлис рассмеялась, ее глаза блестели. — В море нет правоохранительных органов. Нет беспилотников. Это как украсть конфету у ребенка. У богатого, осыпанного золотом ребенка.

Габриэль посмотрел направо, где мониторы наблюдения отражали картинку в комнате безопасности — большой прозрачный экран, транслирующий изображения в четырех квадрантах, с десятисекундными интервалами переключаясь на различные коридоры и внешние зоны корабля. Ни одна деталь не выглядела неуместной, хотя он знал, что в ту же секунду в радио- и машинное отделения ворвались товарищи по борьбе за свободу. Экраны

ничего не показывали.

— Все к стене, — приказал Симеон. — Дэвисон и Эрнандес, свяжите их.

— Зачем вы это делаете? — Голос третьего помощника дрожал. Он был средних лет, с короткими светлыми волосами и резким украинским акцентом, оттененным страхом. — Вы пираты? Из одного из этих синдикатов? Вы...

Симеон улыбнулся ему.

— Вы читаете ежедневные отчеты из Центра сообщений о пиратстве Морского бюро. Скажите мне — что вам следует делать сейчас?

Мужчина облизал губы, его глаза чуть не закатились назад от ужаса.

— Если пираты захватят ваш корабль, не сопротивляйтесь. Им нужны деньги и выкуп. Делайте то, что говорят, и они оставят вас в покое. Пусть компания беспокоится о потерях.

— Именно так. Теперь сядь, протяни руки и заткнись. «Вояджер Энтерпрайзис» заплатит вам. У них есть страховка на случай захвата заложников. Просто сообщите нам, что...

— Вы не пират, — прервал Симеона капитан, в его голосе звучала едва сдерживаемая ярость. — Это не южная часть Красного моря и не побережье Сомали.

— Сэр, я настоятельно прошу вас замолчать, — проговорил Симеон.

— Вы американцы! — Капитан Либенберг посмотрел на Кейна и Габриэля, единственных мужчин, не имеющих масок. — Вы оба служите этому кораблю уже несколько месяцев, если не лет. Вы предатели!

— Заткнись, черт возьми! — рявкнул Кейн.

— Вы террористы!

Симеон ударил прикладом своего пистолета по голове капитана.

— Я сказал, хватит!

Голова Либенберга откинулась в сторону. Струйка крови потекла по его лбу и загустела в левой брови.

— Что бы вы ни хотели, от меня вы этого не получите.

Кейн стоял, расставив ноги, и наблюдал за заложниками, пока Холлис связывала им руки стяжками.

— Если он не заткнет свой мерзкий рот, я заставлю его это сделать.

Второй помощник все еще стояла рядом с капитаном, на ее лице застыла мрачная улыбка. Ее никто не трогал.

Габриэль начал поднимать пистолет, но Холлис покачала головой.

— Это измена! Вы убийцы! — Капитан Либенберг посмотрел прямо на Габриэля. — Все и каждый из вас — убийцы и террористы!

Габриэль вздрогнул. Его свободная рука сжалась в кулак.

— Последнее предупреждение! — Кейн развернул оружие и направил его на капитана.

Капитан вызывающе вздернул подбородок.

— Я позабочусь о том, чтобы ты получил смертельную иглу, даже если это будет последнее, что я сделаю.

— Нет, приятель, — улыбнулся Кейн, яростно скаля зубы. — Ничего ты уже не сделаешь.

И он нажал на спусковой крючок.

Уиллоу

— Эй, Гвинет!

Зия ткнула Уиллоу локтем в бок.

— Этот парень называет тебя Гвинет?

Уиллоу покраснела.

— Просто не мешай, — прошипела она Зии и развернулась посреди прогулочной дорожки.

Финн направлялся к ней, дико размахивая руками с идиотской ухмылкой на лице, едва не сбив группу пожилых, ухоженных дам, болтающих и поглощающих обезжиренный желатин в центре главного коридора. Он казался еще больше, чем она помнила.

— Привет, Финн. — Она заправила волосы за уши и попыталась изысканно улыбнуться. — Это моя сестра, Моник.

— Моник? — в недоумении пробормотала Зия. Уиллоу ущипнула ее за руку, подавая более сильный знак. Она не собиралась позволять своей сестре разрушить и это.

Финн пожал руку Зии, обхватив ее ладонь по самое запястье.

— Приятно познакомиться, Моник.

— Взаимно, — смогла вымолвить Зия, настороженно сморщив нос.

— Эм, мы направляемся в библиотеку ненадолго. — Уиллоу прочистила горло, делая вид, что ей все равно. После обеда мама отвела Бенджи в детскую зону, а сама отправилась по делам. А Уиллоу снова осталась с Зией. — Я имею в виду, ты можешь присоединиться, если...

— С удовольствием, — отозвался Финн, шагая рядом с ней. Зия следовала за ними, сердито хмурясь.

Библиотека представляла собой нечто среднее между техническим центром и стеллажами, заполненными старыми книгами в кожаных переплетах. На табличке у двери говорилось, что все они либо копии с автографами, либо оригинальные первые издания.

Уиллоу села в эргономичное кресло и провела браслетом по датчику, встроенному в гладкий черный стол. Перед ней появился дисплей навигационной панели.

— Добро пожаловать, Уиллоу, — с плавным британским акцентом произнес компьютер.

Она вздрогнула, но Финн в это время находился в библиотечной секции с Зией, совершенно ничего не замечая.

Она уставилась на дисплей. Никаких видео от Рианны. Ничего. Даже текста нет.

Уиллоу: *Ты там?*

Мгновение ничего не происходило, затем появилось лицо Рианны. Но это была ее аватарка, сохраненный gif-ролик, на котором она отрывается перед камерой, глаза яркие, на лице огромная глупая ухмылка.

Рианна: *Привет. Давно не виделась.*

Уиллоу: *Почему ты не ведешь прямую трансляцию?*

Рианна: *Поверь мне. Ты не захочешь это видеть.*

Уиллоу: *Что происходит? Ты там еще жива?*

Рианна: *Когда-то это звучало забавно.*

Уиллоу: Ты в порядке?

Рианна: Не совсем.

Уиллоу: Ты в больнице?

Рианна: Неа. Больницы переполнены. Рядом с ними вооруженная охрана, которая отгоняет людей.

Уиллоу: Что?

Рианна: Не только в Ньюарке. Но и везде. Ты была мне хорошей подругой, даже когда все складывалось непросто. Спасибо за это.

Уиллоу сглотнула. Почему Рианна вела себя так странно? И почему не хочет, чтобы Уиллоу ее видела?

Уиллоу: Теперь ты меня пугаешь.

Никакого ответа.

Уиллоу: Алло? Ты здесь?

Ничего. Пульс гулко отдавался в горле. Она занервничала.

Уиллоу: Рианна?

Все еще ничего.

— Обновить, — попросила она. Но ничего не изменилось. Голография лица Рианны застыла, едва заметно мерцая по краям. Уиллоу провела пальцем по проекции. По-прежнему ничего.

— Не работает, — пробормотала она. — Я не могу подключиться.

Финн подошел и просканировал свой браслет на другом датчике стола. Ничего. Он расстегнул смартфлекс, похожий на толстую кожаную манжету, и расправил его.

— Активировать «Скиттлз».

Она выразительно подняла брови.

— «Скиттлз»?

— Имя моей первой домашней золотой рыбки. Вот такой я сентиментальный. Что я могу сказать? — Финн сосредоточился на цифровой надписи. Но его смартфлекс оставался таким же неподвижным и безмолвным, как и компьютер. — Может, спутник вышел из строя. У берегов Гондураса сильный шторм.

— Ураган? — Лицо Зии озабоченно сморщилось.

— Просто обычный тропический шторм. Они назвали его «Уайатт» или что-то вроде того.

Уиллоу уставилась на застывшее лицо Рианны.

— Боже, какое глупое название.

— Вот и я так думаю. Если они хотят, чтобы люди испугались и эвакуировались из-за какого-то чудовищного шторма, то хотя бы дайте ему жуткое название. — Финн одарил ее однобокой ухмылкой, обнажив щель между зубами. — Это оскорбление, когда люди так переживают из-за какого-то «Уайатта».

Она рассмеялась, но смех получился резким и слишком высоким. Рианна просто играла в одну из своих игр. Подруга чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы написать сообщение, так что, должно быть, ей становится лучше. Если бы дурацкий интернет не отключился, Рианна бы высмеяла Уиллоу за то, что она поддалась на истерику СМИ о «мраке и унынии».

— Нам просто придется перейти к старым и архаичным формам развлечений. — Финн озорно усмехнулся. — Не желаешь сыграть в зажигательный мини-гольф?

Уиллоу одернула платье.

— В этом?

— Отговорки, отговорки.

Она снова покраснела.

— Почему бы и нет?

Финн усмехнулся, обнажив восхитительную щель между передними зубами.

— Не совсем громкое одобрение, но я принимаю его.

Зия засияла.

— Можно мне с вами?

— Ничего страшного, если она... — начал Финн.

Уиллоу покачала головой. Разочарование и негодование бурлили в ней. Ей надоело быть нянькой. Она не хотела, чтобы Зия крутилась рядом, портя все, когда она наконец-то обрела друга.

— Почему бы тебе не остаться здесь? Почитай настоящую книгу или что-нибудь еще. Мы встретимся позже.

— Я не должна...

Уиллоу набросилась на нее.

— Серьезно, хватит! Ты не ребенок. Перестань вести себя как младенец.

Лицо Зии побледнело.

— Но...

— В кои-то веки я буду делать то, что хочу! И если это отстойная игра в мини-гольф, то так тому и быть.

— Эй! — с наигранным возмущением воскликнул Финн.

— Без обид.

— Не принимается. Ты оскорбила почтенную игру в мини-гольф.

Зия угрюмо захлопнула книгу, со страниц посыпалась пыль.

— Почему я не могу пойти с тобой?

Уиллоу отказывалась чувствовать вину. Зии тринадцать лет, а она все еще вела себя как маленький ребенок. В ее возрасте Уиллоу помогала бабушке готовить тапсилог и нилаганг бака, драила туалеты, стирала все вещи и при этом не отставала в учебе. Зии нужно повзрослеть, черт возьми.

— Потому что я все время с тобой!

Зия опустила обратно в кресло. Она сделала такие большие печальные глаза, как будто собиралась заплакать.

— Но...

— Просто прекрати это! Разве ты не понимаешь? Я не хочу, чтобы ты торчала рядом!

Уиллоу пожалела об этих словах, как только произнесла. Но это чистая правда. Зия переживет это. Все навалилось на Уиллоу — раздражение на брата и сестру, досада на маму, беспокойство из-за Рианны, душераздирающее разочарование от всей своей дурацкой жизни.

Все это слишком. Ей нужно сбежать. Ей нужно хоть немного развлечься, иначе ее голова просто взорвется. Она поспешила выйти из библиотеки, чтобы не видеть обиду на лице сестры.

Уиллоу шла рядом с Финном, стараясь не шататься на каблуках. Еще один подарок от Рианны, и она не привыкла их носить. Ремешки больно натирали кожу.

Они прошли мимо десятков людей, сидящих на белых сиденьях перед иллюминаторами

корабля, разглядывающих свои смартфлекссы, постукивая по экрану, трясая запястьями и прижимая их к ушам, как будто громкость недостаточно увеличена. Видимо, связь нарушена по всему кораблю.

— Ты нравишься своей сестре, — заметил Финн. — Это круто.

Она сделала глубокий вдох, заставляя себя успокоиться, расслабиться. Сейчас ее время.

— Она — заноза в заднице.

— Вы обычно не ладите?

— Это сложно. У тебя есть братья и сестры?

— Я единственный ребенок.

— Повезло.

— На самом деле это довольно одиноко. Не рекомендую.

Они поднялись по лестнице на пляжную палубу и прошли через стеклянные двери. Снаружи небо стало серо-стальным. Ветер хлестал ее платье по бедрам и трепал волосы.

— Не представляешь, что бы я отдала, чтобы меня оставили в покое, чтобы просто пожить, не думая о них все время.

— Думаю, ты бы скоро начала скучать.

Она сдержала свое разочарование. Это не вина Финна. И даже Зия не виновата. Это ее мама всегда убегала, чтобы угодить своему боссу, оставляя Уиллоу с братом и сестрой. Она загладит свою вину перед Зией позже.

— Я знаю, знаю. Ты говоришь мне, что за чужим забором трава всегда зеленее.

— Ты ведь знаешь, где трава зеленее всего, верно? — Он выразительно сдвинул брови. — Над септиком.

Уиллоу фыркнула.

— Дай этой жемчужине мудрости немного впитаться.

— Я понимаю твою точку зрения. Но все-таки не согласна. Ты никогда не делил ванную с моей сестрой. — Она поморщилась от своей ошибки. У богатых детей имелись собственные ванны комнаты больше, чем в ее квартире. Они никогда ничего не делили.

Но Финн, казалось, ничего не заметил. Он подошел к стеклянным перилам.

— Иди посмотри на эти волны!

— Я останусь здесь, спасибо.

— Что? Почему?

Уиллоу сглотнула.

— Я не люблю высоту. Там около четырнадцати этажей прямо вниз. Эти стеклянные перила слишком низкие и хлипкие. Как они могут не представлять угрозу безопасности? Я имею в виду, что сильный порыв ветра может столкнуть тебя вниз.

— Не меня. — Финн согнул руки, одарив ее глупой ухмылкой. — Я слишком сильный и мужественный.

— Я не имела в виду тебя, конечно. Я бы никогда такого не подумала. — Здесь, наверху, она почувствовала себя легче, наконец-то свободнее. Впервые Уиллоу и правда ощутила себя на отдыхе. Она улыбнулась, счастливее, чем когда-либо за последние дни, недели, может быть, месяцы. — Мы будем играть в эту игру или как?

Габриэль

Габриэль устался на обмякшее тело капитана, и у него свело живот.

— Тебе не следовало это делать.

— Он до чертиков меня достал. — Кейн сверкнул на него глазами. — У тебя проблемы?

— Ни у кого нет проблем, — холодно ответил Симеон. — До тех пор, пока мы придерживаемся плана.

— Это тоже входило в план? — Габриэль жестом указал на мертвого капитана, повысив голос. Ему стало трудно дышать. В комнате не хватало кислорода. Он столько месяцев представлял себе эту сцену, но ни о чем подобном и речи не шло. — Он ничего не сделал. Он не...

— Успокойся, сынок. В каждой войне есть сопутствующие жертвы. К сожалению, капитан давно выбрал свою сторону.

— Разве он нам не нужен? — спросила Холлис.

— Все, что вам требовалось от него, могу сделать я. — Второй помощник тщетно пыталась стереть несколько красных пятен на своем кителе. — Айша Уолш, к вашим услугам.

Кейн перекинул винтовку через плечо и перетащил два тела на другую сторону от консоли. Двое оставшихся заложников с побледневшими лицами, молча прижались к дальней стене.

Симеон заговорил в свою рацию.

— Миссия завершена. С нашей стороны потерь нет.

— Что дальше? — спросил Габриэль. — Когда придут остальные?

— Разве я не просил доверять мне, сынок? — Симеон хлопнул его по плечу. — Уолш примет командование кораблем. Мы обезвредили агентов секретной службы и частной охраны, согласно информации, которую ты предоставил нам ранее. Все идет по графику.

Холлис установила портативную спутниковую навигационную систему, поскольку связь на корабле все еще не работала. Она разместила на консоли два спутниковых телефона системы EMMASAT.

— Мы будем действовать как планировали, по крайней мере, до прибытия наших друзей.

Симеон усмехнулся.

— А у нас много друзей. Больше, чем мы можем сосчитать.

Радар пискнул, и Уолш повернулась обратно к консоли.

— Это ваши друзья? — Она указала на пять маленьких зеленых точек, направляющихся к кораблю.

Симеон рывком снял лыжную маску с лица.

— Капитан Ченг и его люди, как раз вовремя.

— Они из Патриотов? — спросил Габриэль.

— Просто наемные бойцы, как я уже говорил.

— Пираты, — с отвращением отозвалась Холлис.

Габриэль вытер свои скользкие ладони о штанины.

— Пираты?

Симеон пожал плечами.

— Послушай, это бизнес на двадцать миллиардов долларов в год — угон, кража грузов, наркотики, контрабанда. Синдикаты охотятся за судами с дорогостоящими товарами, которые легко продать на черном рынке: дизельное топливо, резина, сталь, медные и алюминиевые концентраты.

— Капитан Ченг входит в Сингапурский синдикат, — сообщил Кейн. — Они контролируют Южно-Китайское море и Малаккский пролив, имеют филиалы во Вьетнаме, Малайзии, Суматре, Камбодже, Филиппинах, а теперь и в Южной и Центральной Америке. Их связи с чиновниками в правительстве США и высокопоставленными чиновниками материкового Китая обеспечивают надежную защиту операций.

Габриэль все еще не мог нормально дышать. В ноздри ударяла вонь крови. Он чувствовал ее вкус, кислый и металлический. Он знал, что в деле замешаны другие. Просто думал, что это соратники Патриотов, а не наемные преступники. Не пираты.

— Зачем эти люди?

— Габриэль, сынок. — Симеон положил руку ему на плечо. — Они нам нужны. Они — средство для достижения цели. Как, по-твоему, мы так легко проникли на корабль в качестве членов экипажа? Синдикат использует кадровые агентства, расположенные в радикально настроенных странах — Индонезии, Пакистане, Филиппинах. Синдикат платит таким агентствам, чтобы они брали на работу определенных кандидатов, даже с нулевым опытом, с полностью обойденной или сфабрикованной проверкой, включая сканирование сетчатки глаза и биосканирование.

— Идеальное преступление. — Кейн хрустнул костяшками пальцев. — Как вообще можно начать расследование? В какой юрисдикции? Судно, построенное в Японии, принадлежащее корпорации на Мальте, управляемое компанией на Кипре, с экипажем из филиппинцев, финансируемое британским банком, зафрахтованное швейцарцами, перевозящее грузы транснациональных компаний или международных пассажиров. Разве можно отследить такой бумажный след? Любое расследование безнадежно запутывается еще до его начала. Нечистые на руку чиновники либо смотрят сквозь пальцы, либо активно участвуют в пиратстве.

— Слишком много денег льется рекой, и каждый хочет получить свою долю, — добавил Симеон. — Процентом десять нападений даже не регистрируются.

Кейн усмехнулся.

— Конечно, мы с гордостью признаемся в своем. Но даже тогда правительству будет чертовски трудно раздобыть какие-либо реальные доказательства.

Симеон подошел к главной консоли.

— В итоге, эти парни знают, как захватить корабль. Они превратили это в профессию. И они сделают все за правильную цену. Предложи им по двадцатке за каждого, и они устроят резню на всем корабле.

Габриэль старался сохранить бесстрастное выражение, но кровь отхлынула от его лица.

— Успокойся, парень, — проговорила Холлис. — Это просто волнение первого раза. Все будет хорошо.

Он не чувствовал себя хорошо. У него бурлило в животе. Но возражения только выдавали его слабость. Жалобы только усиливали раздражение Симеона. Он здесь потому, что Симеон поручился за него. Он должен доказать свою значимость, свою ценность для дела. Он замолчал.

Симеон наклонился над голографической картой GPS, затем указал пальцем.

— Сюда.

Уолш подняла брови.

— Мы окажемся прямо на пути тропического шторма, сэр.

— Шторм обеспечит прикрытие. Кроме того, у нас есть лишь небольшое окно, чтобы успеть к точке эвакуации. Мы заплатили золотом, но синдикат не шутит. Или мы успеем, или останемся на корабле. Справимся, капитан Уолш?

После секундного колебания она кивнула. Затем провела пальцем по экрану консоли, корректируя курс.

— Габриэль, пойдём со мной. — Симеон взял его за руку и провёл через внешнюю дверь по правому борту. Крыло мостика напоминало узкое крыло самолета. Оно представляло собой подвесную дорожку, поддерживаемую тонкими подпорками, протянувшимися над океаном на сто футов ниже.

Море штормило, морская вода серебрилась как фольга. Ветер бил в лицо, трепал его форму. Небо окрасилось в серый цвет военного корабля, словно готовясь к войне.

Габриэль не мог выбросить из головы образы этих тел. Тошнота накатывала на него. Желудок сжался, и его вырвало за борт. Он выплюнул кислоту изо рта и вытер лицо рукавом кителя. Его охватил стыд за свою слабость.

— Прости.

— Меня тоже стошнило после первого трупа. Не переживай.

Между ними повисло молчание. Даже произнесение этих слов казалось сродни предательству.

— Нам не следовало убивать их, капитана и рулевого. Они не были...

Симеон по-прежнему держал свою ладонь на руке Габриэля.

— Рулевой отказался прислушаться к моему предупреждению. Он мог бы жить. Но он решил поступить иначе. Капитан не захотел внять голосу разума. Мне его смерть не по душе, но что есть, то есть. Мы не исключали такой возможности. Вот почему завербовали Уолш. Она Патриот, и чертовски хороший. Она будет исполнять обязанности капитана. Мы должны принять это, Габриэль.

Он уставился на воду, борясь со слабостью внутри себя. Тело капитана и его мертвые глаза мерцали в его сознании. Габриэль моргнул.

— Каждый хороший солдат на каждой войне переживает одно и то же, — тихо сказал Симеон. — В революционной войне соседи сражались на противоположных сторонах. В Гражданской войне брат убивал брата. Во Второй мировой войне Соединенные Штаты сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, убив сотни тысяч мирных жителей. Бомба, которую Америка сбросила на Северную Корею три года назад, предотвратила ядерную войну. Почему они это сделали? Потому что боролись за великое дело, за великое благо.

— Мы сражаемся за высшее благо, Габриэль. Ты никогда не должен этого забывать. Каждый день на войне убивают невинных людей, включая и войны, санкционированные нашим собственным правительством. Но редко можно услышать, чтобы власти говорили об этом, если только они не нападают на кого-то другого за то, что он делает то же самое.

Руки Габриэля сжались в кулаки. Каждое слово Симеона было правдой. Он верил в это.

— Они будут пытаться залезть тебе в голову, — пояснил Симеон. — Они попытаются извратить твою собственную доброту и использовать ее против тебя. Мы должны оставаться

сильными. Твоя мать умерла из-за жадности корпораций. Твой отец умер от болезни, произведенной корпорациями прямо здесь, в Америке. Мы теряем все больше и больше наших свобод, в то время как правительство оставляет нас голодать. А теперь они хотят еще и чипировать нас? Вот за что мы боремся. Да, возможно, нам придется иметь дело с некоторыми... нежелательными людьми. Но это все ради достижения цели. Мы настоящие патриоты, сражающиеся за нашу свободу.

Он кивнул, сжимая челюсть.

— Мы борцы за свободу.

— Да. И ты мне нужен. Сейчас самое время забрать дочь Деклана Блэка и отвести ее в безопасное место, пока я не свяжусь с тобой. Если понадобится, заведи ее силой, но пока остальная часть корабля не охраняется, лучше держаться в тени.

Габриэль сохранял ровное выражение лица. Он ничего не испытывал к Амелии. Тогда почему мысль о том, чтобы насильно похитить ее, вызывала у него отвращение? Прошлой ночью, когда он увидел, как она трепещет перед своим отцом, ему захотелось вбить идеальные белые зубы Деклана Блэка в его надменное горло.

Он сделал глубокий вдох, вытесняя мысли о девушке, вытесняя образы мертвых тел, вытесняя страх, сомнения и колебания. Он был солдатом. Он не мог позволить себе сомневаться. Не сейчас. Высокомерная, равнодушная элита должна заплатить за свои преступления. Голодающим, страдающим людям нужен свой голос. Им нужен тот, кто будет сражаться за них.

И за них сражались «Новые Патриоты». Габриэль сражался за них. Это его цель. Это дело, ради которого стоит убивать и умирать.

— Я готов, — произнес он, теперь уже твердо. — Но мой брат. У меня не нашлось случая его предупредить. Я знаю, ты бы хотел, чтобы он сражался за нас. Но он не будет. Это не в его духе. — Габриэля охватило сожаление. Не стоило пускать Мику на корабль.

Симеон протянул руку. В его глазах светилась доброта.

— Твои эмоции — твоя слабость. На войне сострадание — это недостаток, риск. Не позволяй своим чувствам ни к кому мешать. Особенно к своему брату. Ты понял?

Горло Габриэля сжалось. Он не хотел снова подвести Симеона. Не хотел погубить дело.

— Да, сэр. Но...

— Следуй своему долгу, а я позабочусь о том, чтобы он не пострадал.

— Да, сэр. — Они повернули обратно к мостику. Ветер свистел вокруг них. Небо потемнело, горизонт становился все чернее, как темный, пульсирующий синяк.

— Почувствуй момент, сынок. — В голосе Симеона звучал триумф. — Мы официально приняли командование над «Гранд Вояджером».

Амелия

Через десять минут после начала ужина головная боль обрушилась на череп Амелии, как топор, раскалывающий бревно. Боль пульсировала от основания шеи к вискам и отдавалась за глазами.

За капитанским столом непонятно почему отсутствовал капитан. Ее отец сидел в обнимку с одним из своих советников недалеко от главного входа в «Оазис», и вид у него был напряженный. Остальные гости разговаривали тихими, взволнованными голосами и то и дело проверяли свои отключенные смартфлекссы. Среди оживленного шепота она не слышала упоминание слова «Гидра», что бы это ни значило.

Метрдотель объявил, что внешние палубы будут закрыты из-за непогоды, а затем неуклюже пошутил, что вынужденный перерыв в работе технологий — это возможность попробовать массаж горячими камнями. Единственным ответом на это стал нестройный смех.

Пассажиры волновались из-за того, что может произойти или не произойти дома, их раздражала отмененная береговая экскурсия в Белизе, потеря связи с сетью, а теперь еще и эта паршивая погода в придачу. Волны били не переставая, и некоторые люди выглядели зелеными, когда под ними качался пол.

— Может, тебе стоит поиграть, — пробормотала мама со своего места за столом. Амелия покачала головой. Меньше всего ей хотелось играть на скрипке перед обеспокоенной толпой. Да и сама она слишком расстроена и встревожена.

Она обвела взглядом роскошный обеденный зал и заметила Габриэля, стоявшего у дверного проема по правому борту. Он поднес пальцы к губам и изобразил курение.

Ее желудок дернулся. Она хотела встретиться с ним. И отца не было рядом, чтобы ее остановить.

— Я подышу воздухом. — Засунув клатч под мышку, она вышла из столовой.

Амелия глубоко вдохнула запахи рассола, дикого и соленого моря. Ветер хлестал ее волосы по лицу. Насыщенный озоном воздух вызвал мурашки на ее руках. На мгновение она закрыла глаза и просто слушала шум волн и рев ветра, желая успокоиться.

— Я пропустил сообщение о костюмированной вечеринке?

— Что?

Габриэль посмотрел на ее платье.

— Наряд греческой богини.

Она покраснела и разгладила платье. Три инкрустированные кристаллами бретели обхватывали ее плечо, а еще один сверкающий пояс располагался на линии груди. Мягкая ткань струилась вокруг нее, переливаясь между цветом слоновой кости и серебром. Если бы только она чувствовала себя так же, как выглядела.

— Мой отец его выбрал.

Габриэль удивленно поднял бровь.

— Он выбирает всю твою одежду?

— Конечно, нет. Это... сложно. — Волна ударила о корпус. Амелия ухватилась за перила, чтобы сохранить равновесие.

Габриэль заглянул в дверь «Оазиса» с озабоченным видом.

— Ты не видела моего брата? Я хочу убедиться, что с ним все в порядке.

— Твой брат?

— Да, Мика. Он официант. Я думаю, он твой официант, на самом деле.

— Тот застенчивый, симпатичный, в очках?

Габриэль фыркнул.

— Ага. Добавь к этой картинке книгу, и ты его точно определила.

Амелия прислонилась к перилам.

— Что-то не так?

— Нет, ничего такого. — Но лицо Габриэля оставалось напряженным, плечи ссутулились, как будто он от чего-то отгораживался. Или готовился. — Просто мы сейчас не особо общаемся.

Она подумала о Сайласе, о тех последних словах, которые он бросил ей во время их ссоры в Очо-Риос. Брат обвинил ее в том, что она такая же, как их мать. Слабая и покорная. Жалкая. Амелия вздрогнула.

— Мне это знакомо.

— Я хочу убедиться... о, неважно. — Габриэль вздохнул и перевел взгляд обратно на нее. — Ты в порядке? Ты выглядела расстроенной, когда мы разговаривали в последний раз.

— Все хорошо. Немного болит голова. — Еще одна ложь в придачу ко всем остальным.

Она пристально посмотрела на него. — А ты как?

Он сжимал челюсть, мускул подрагивал на его щеке. Тень пересекла его лицо, и в глазах мелькнуло что-то, но Амелия не смогла прочитать.

Габриэль покачал головой.

— Небольшая морская болезнь. Не стоит беспокоиться обо мне.

— Кто сказал, что я беспокоюсь?

Он улыбнулся, но улыбка не достигла его глаз.

— Уж точно не я.

Вдали сверкали молнии, освещая грозные черные тучи.

— Может, нам обоим стоит беспокоиться об этой грозе.

— Она далеко отсюда.

— Похоже, мы направляемся прямо к ней.

— Видимость может быть обманчива.

Ее платье зацепилось за ноги. В воздухе вибрировали электроны нервозности.

— Тогда почему внешние палубы закрываются?

— Мера предосторожности. — Габриэль зажег сигарету, прикрыв пламя рукой, и протянул Амелии. — Не о чем беспокоиться.

— Настоящая?

— Ты же хотела быть бунтаркой?

— Я никогда этого не говорила.

— Конечно, хотела. Держи.

Она замешкалась на мгновение. Слова Сайласа звенели в ее ушах. «Ты такая же, как она». Казалось, мир все равно катится в ад. Или, по крайней мере, ее кусочек. Амелия взяла сигарету и затянулась. Резкий дым заполнил ее горло, и она задохнулась, сбившись на кашель.

— Расслабься. Вдыхай дым, а не всю сигарету.

Амелия подавила резкий ответ. Так или иначе, она сама виновата.

— Спасибо.

Она попыталась снова, на этот раз подготовившись. Габриэль оказался прав. Настоящая сигарета намного лучше.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? Ты выглядишь расстроенной.

Амелия не отрывала взгляда от разбивающейся внизу воды. Не хотелось говорить о тревоге, бурлящей в животе, о ссорах с братом, о том, как презрение отца наполняло ее темным, корчащимся, как живое существо, стыдом.

— Со мной все будет хорошо. Мне просто нужна... нужна минутка.

— Давай я отведу тебя на офицерскую палубу. Она защищена от ветра. Там есть изысканный кофе-бар, шезлонги, джакузи.

Желудок Амелии затрепетал против ее воли. Габриэль стоял так близко, что она могла видеть щетину на его челюсти, длинные густые ресницы. Ее щеки запылали.

— Разве ты не должен работать?

— А разве ты не должна быть там? — Он махнул рукой в сторону «Оазиса». — Ну же. Неужели не чувствуешь это в воздухе? Что-то должно произойти.

Она скептически изогнула бровь.

— Что? Ты не веришь в судьбу? Не веришь, что некоторым вещам суждено случиться?

Головная боль притупилась, став похожей просто на удары молотка по затылку. Она вспомнила ужасное выражение презрения на лице брата. «Ты такая же ужасная, как и она». Этот шепот не замолкал, терзая Амелию. Неужели он прав?

Ей не нравилось, что отец заставлял ее чувствовать себя беспомощной и пристыженной. Ее мать никогда ничего не делала. Она позволяла этому происходить, снова и снова. Но и Амелия тоже. Сайлас прав. Она превращалась в более молодую и кроткую версию своей матери, обреченная провести остаток жизни, раздавленная железной волей отца.

Эта мысль выбила дыхание из ее легких.

«Нет». Шепот прозвучал так глубоко внутри, что Амелия едва слышала его за ревом ветра и волн. Если она ничего не предпримет, если не сделает для себя какой-то выбор, пусть даже самый незначительный, она предопределит свою судьбу. Она чувствовала, как ее будущее захлопывается над ее головой, словно стальной капкан.

Она сделала последнюю затяжку.

— Да.

Уиллоу

— Я же говорил, что разобью тебя. — Финн злобно ухмыльнулся, закидывая клюшку для гольфа на плечо.

Уиллоу сверкнула на него глазами. Она поставила ноги на гладкую белую поверхность и направила клюшку на Нью-Йорк. В качестве поля они выбрали «Американские иконы», каждая лунка представляла собой мерцающую голографию отдельного города или памятника. Она запустила неоновую-голубой цифровой мяч между двумя светящимися небоскребами и по маленькому мосту, едва избежав здания Эмпайр-стейт. Мяч упал прямо в реку Гудзон.

Финн легко попал в лунку: его ярко-желтый мяч, покачиваясь, влетел в голографическую версию Центрального парка, словно обладая собственным разумом. И Финн сделал это левой рукой.

— Ты левша на самом деле или просто решил покрасоваться?

— Левша на все сто. Это моя тайная сила.

Уиллоу фыркнула.

— А еще ты забыл упомянуть, что занимался мини-гольфом.

— В этом и заключается успех, дорогая. — Он проверил таблицу результатов, которая автоматически подсчитывала их очки, и прищелкнул языком. — Отставание в пятнадцать ударов при одной лунке.

— Серьезно? Я настолько плоха?

— Ну, твои навыки, постоянство и точность — это...

— Ужас?

Он криво усмехнулся.

— Я хотел выразиться помягче.

— Побереги свою жалость.

Финн кивнул на последнюю лунку.

— Ладно, давай. Проигравший идет первым. Помни, ты скоро будешь должна мне четыреста кредитов. Не позволяй давлению напрягать тебя, Гвинет.

Уиллоу откинула волосы с лица. Она ненавидела проигрывать. В чем угодно. Еще больше ее бесила перспектива признать, что у нее нет ни сорока кредитов, ни тем более четырехсот. А значит ей придется покаяться во лжи, что положит конец их зарождающейся дружбе, так и не успевшей толком начаться.

Даже если это не имело значения, если это всего лишь маленькая глупая игра, Уиллоу все равно нравилась идея стать кем-то другим, шагнуть в другую жизнь так же легко, как обуть сверкающие туфли на высоких каблуках. Финн поверил ей. Финн видел то, что она хотела, чтобы он увидел, — то, кем она могла бы быть, если бы у нее когда-нибудь появился шанс.

Ветер наверху свирепствовал, особенно когда на горизонте назревала гроза. Сквозь облака пробивались вспышки света. Площадка для мини-гольфа находилась на корме — кажется, так называлась задняя часть корабля — прямо перед массивным красно-черным скалодромом, возвышавшимся над ними не менее чем на три этажа. Он скрывал от глаз всю среднюю и переднюю часть корабля.

Сейчас казалось, что они — единственные два человека в мире.

— Только мы двое настолько глупы, чтобы играть в гольф во время тропической грозы, — проворчал Финн.

Уиллоу зажала клюшку между коленями и заново укладывала выбившиеся пряди волос, которые так и норовили упасть ей на глаза. Она напряглась, когда пол под ней заходил ходуном.

— Как можно играть, когда корабль так раскачивается?

Финн пожал плечами. Его безразмерное поло хлопало по нему.

— Продолжай. Оправдывайся за свои отстойные навыки.

Не хотелось говорить ему, что она не играет в эту нелепую игру уже более десяти лет, что даже дешевые развлечения теперь не так доступны. И у кого вообще есть время?

— Ты думаешь, я трачу свое свободное время на игру в мини-гольф?

— Ну да. Ты слишком модная для всего этого.

— А ты нет?

Он усмехнулся.

— Мои родители немного странные. Мы любим мини-гольф. Пойми. До развода у нас даже устраивались вечера настольных игр. «Руммикуб», «Сорри», «Кэнди Лэнд», «Монополия», все дела. Мега-отстой, правда? Но все равно это было весело, если отбросить гордость.

— Наверное. Мой отец в свое время увлекался покером. — Уиллоу старалась не думать о прежних временах, когда ее семья была полной. Ее отец часами сидел и учил Бенджи, как тасовать карты, как использовать ловкость рук, как блефовать, хотя Бенджи делал это ужасно. Тогда, во время Второй депрессии, ее отцу приходилось работать в три смены, чтобы оплачивать счета. В результате он намотал свою древнюю механическую «Тойоту» на дерево.

Ее сердце защемило. Она вытеснила мрачные воспоминания из головы. Сейчас она не собиралась думать об этом дерьме. Это ее побег, ее время для себя, ее момент веселья. Мама постоянно волновалась и переживала, она была несчастна.

Но не Уиллоу. Не сегодня.

Она обхватила руками клюшку и согнула колени.

— Просто сосредоточься, — посоветовал Финн, опираясь на свою клюшку для гольфа. В его огромных руках она выглядела как игрушка. — Постарайся изо всех сил, и помни, у тебя нет ни малейшего гребаного шанса, дорогая.

Уиллоу выдохнула и сосредоточилась, не обращая внимания на бурление в животе, когда корабль покачнулся.

— Посмотрим. И я. Тебе. Не дорогая. — Она ударила по мячу и перебросила его через мост Золотые Ворота, голограмма замерцала. Мяч прокатился по нескольким крутым холмам и остановился в паре дюймов от красного троллейбуса с трехмерным отверстием под ним. Она справилась.

— Попала! Получи!

Финн похвалил ее.

— Хорошо сыграно, мадам, очень хорошо. Отличный удар в одну лунку из восемнадцати.

Уиллоу усмехнулась.

— Все дело в маленьких победах.

К ним вышел член экипажа. Позади него робот направлял тележку, заваленную подушками для отдыха.

— Мы закрываем палубы через десять минут из-за непогоды! — крикнул стюард.

— Какая непогода? — прокричал в ответ Финн.

— Очень смешно, сэр, — отозвался стюард. — Моя работа — очистить палубу от всех возможных предметов.

— Вам нужна помощь?

— Нет, спасибо, сэр. Но я пойду вперед и прихвачу это. — Они передали ему свои клюшки. — Спасибо.

Когда он ушел, Финн повернулся к ней, его глаза блестели.

— Хочешь залезть на скалодром? Или это не твой конек?

— Определенно нет. И разве ты не слышал, что он только что сказал? Никаких лазаний по опасным конструкциям во время урагана.

— Ладно, хорошо. Думаю, здесь холоднее, чем в яйцах Джека Фроста.

Она обхватила себя руками, чтобы не дрожать.

— Можно и так сказать.

— Как насчет казино? Мы можем поиграть в автоматы на кредиты, которые я только что у тебя выиграл. Или, может быть, в блэкджек. Если тебе не надоело быть школьницей?

Финн не забыл о кредитах, которые она ему задолжала. Черт. Но Уиллоу не хотела, чтобы это заканчивалось. Не сейчас.

— Может сначала съедим по фалафелю в «Средиземноморском гриле»?

— Договорились.

Они обошли скалодром. Уиллоу старалась держаться на расстоянии пяти футов от стеклянных перил. Она успела пройти несколько шагов, прежде чем поняла, что Финн рядом с ней больше нет. Она обернулась, и ветер зашумел в ее ушах.

Он облокотился на перила, прикрыв глаза рукой.

— Финн!

Он промолчал, только показал пальцем. Уиллоу подошла на несколько футов ближе и посмотрела.

Темное море вздымалось далеко под ними. У нее свело живот, голова закружилась. Она уже собиралась отпрыгнуть от края, когда кое-что привлекло ее внимание.

Лодки. Четыре — нет, пять из них, стремительно несущиеся скоростные катера, приближались вдоль правого борта «Гранд Вояджера». Катера выглядели почти как игрушки, если бы не скопление мужчин на каждом из них. Все они были одеты в темную одежду, в руках у них лежали маленькие палочки.

Ее желудок сжался.

— Что... кто это?

Финн повернулся к ней. Белки его глаз казались огромными.

— Я не эксперт, но думаю, это пираты.

— Что? — Уиллоу представила себе ноги на колышках, шляпы с перьями, повязки на глазах. Но это в мультфильмах. Она слышала о пиратах, захватывающих лодки, но грузовые суда и нефтяные вышки в Индонезии, Малайзии и Южной Африке — странах и континентах, где она никогда не была и никогда не будет. На Филиппинах у нее был троюродный брат, которого несколько лет назад арестовали за пиратство. Но Уиллоу никак не ожидала ничего подобного здесь.

Они стояли, застыв в шоке, не в силах ничего сделать, но с нарастающим ужасом наблюдая, как приближаются катера. Что-то маленькое и темное пролетело по воздуху и зацепилось за самую нижнюю палубу. Веревка с крюком для захвата на одном конце. Потом еще одна и еще.

Пираты карабкались по канату, быстро перебирая руками как пауки.

— Ох, черт, — вздохнула она.

На четвертую палубу выскочило полдюжины офицеров службы безопасности, жестикулируя, с оружием в руках. Они стреляли в пиратов. Несколько пиратов сорвались и упали в рычащее море. Но их там было так много. На смену погибшему пирату подползал еще один. Между огнями корабля мелькали тени лодок.

Два других офицера помчались к темной фигуре на пляжной палубе. Они раскрыли объект, похожий на маленький спутник.

— Что они делают? — спросила Уиллоу.

— Это ДАУ, звуковая пушка, — крикнул Финн ей в ухо.

Офицеры безопасности нацелили звуковую пушку на один из катеров. Тот дернулся и отскочил, затем несколько раз крутанулся и унесся прочь. Мужчины на катере, казалось, падали на колени, один из них вывалился за борт. Не обращая на это внимания, четыре других катера приблизились и поплыли параллельно «Вояджеру».

— Берегись! — закричал Финн. Он схватил ее за руку и толкнул вниз. Уиллоу пошатнулась и упала, ударившись локтями и коленями о палубу. Подняв голову, она успела увидеть, как ярко-оранжевый шар по изящной дуге направляется к кораблю.

На пляжной палубе взорвалась зажигательная бомба. Мир под веками Уиллоу вспыхнул оранжевым светом.

Через несколько мгновений она осторожно поднялась на четвереньки. Тележка на воздушной подушке опрокинулась на бок. Рядом с ней валялась металлическая голова. Обгоревшая силиконовая кожа робота слезла, обнажив металл, провода и нанотрубки его внутренностей.

Дальше по палубе оба офицера безопасности, управлявшие звуковой пушкой, лежали, совершенно неподвижно. Само ДАУ было сорвано со своего основания и изрешечено осколками.

— Нам нужно выбираться отсюда! — Она попыталась пошевелиться, но ее ноги ослабли и подкашивались. Ужас пульсировал в каждой клеточке ее существа.

— Ползи на другую сторону скалодрома. Думаю, они только по правому борту. — Финн двинулся вперед, извиваясь на животе.

Уиллоу все еще не могла двигаться. Она продолжала видеть тела офицеров безопасности, их белые кителя окрасились в красный цвет.

— Гвинет, давай!

Это имя, которое она ему назвала — ее ложь стала еще более гротескной теперь, когда они спасались бегством, — вывело ее из оцепенения

— Уиллоу, — пробормотала она. — Меня зовут Уиллоу.

Финн не мог ее слышать, но все же, казалось, это имело значение.

Прежде чем повернуться и поползти за Финном, она увидела их. На четвертой палубе дюжина теней перепрыгнула через перила.

Мика

Мика вытер пот со лба, проходя через двери камбуза, его поднос заполняли полупустые миски с супом и тарелки с салатом. Повара готовили специальное блюдо вечера — стейк тартар из мяса шарлезской породы, порезанный вручную. Его будут выносить на серебряных подносах, в окружении огненных мини-фонтанов.

Шеф-повар Йокумсен находился в скверном настроении. Блюдо готовилось ко дню рождения капитана, но капитан еще не пришел на ужин. Второй помощник, Аиша Уолш, просто заявила, что капитану нездоровится, и приказала продолжать ужин по плану.

Странно, конечно, но Мику это не касалось. Он держал один из серебряных подносов, пока сервировочный бот зажигал искры. Перед ним стояли десять официантов, каждый со своим блюдом.

Свет погас, погрузив обеденный зал «Оазиса» во тьму. Публика дружно вздохнула. Они охали и ахали, когда первый официант протиснулся через распашные двери камбуза, сверкая и вспыхивая, как драгоценные камни. Струнный квартет завел зажигательную мелодию.

Гости хлопали в такт, а официанты маршировали вокруг столов. Они проходили через весь зал, пока их процессия не обогнула почетный стол. В темноте все взгляды устремились на них.

Мика остановился рядом с матерью Амелии, Элизой Блэк. Как оказалось, отсутствовал не только капитан. Амелия тоже не пришла. Его сердце упало. Мика хотел услышать, как она играет.

Он осторожно балансировал с подносом, следя за тем, как горят фитили и искры попадают на рукав формы.

Затем он почувствовал это. Внезапное быстрое движение позади него.

Несколько резких тресков раскололи воздух. Сразу несколько стекол разлетелись вдребезги, посыпавшись на пол. Квартет с визгом остановился. Гости замерли на середине аплодисментов. Кто-то закричал, и столовую наполнила какофония гневных криков.

В темноте разглядеть что-либо совсем непросто. Искры ослепляли Мику. Он толкнул блюдо на стол и повернулся. Ему удалось различить большие фигуры, которые быстро двигались. Темные тени врывались в зал со стороны главного входа. И появлялись через вход на палубу по правому борту, словно орда муравьев, вырвавшихся из растоптанного гнезда.

Мика замер. Его тело обдало жаром, затем стало холодно, словно мороз поселился в глубине его клеток. Гости вскакивали на ноги, крича и барахтаясь в темноте в слепой панике. Они натыкались друг на друга, ударялись о столы, опрокидывали стулья. Столовые приборы и бокалы с вином разбивались об пол.

Раздалось еще несколько выстрелов, затем последовали оранжевые вспышки. Мужчины что-то кричали, произнося нечленораздельные слова.

Пуля попала в одну из люстр, и осколки хрусталя посыпались на голову Мики. Тут зажегся свет, открывая сцену, слишком ужасную, чтобы быть реальной.

«Гранд Вояджер» подвергся нападению.

Мика не мог двигаться. Нападавшие кричали, размахивали оружием, стреляя без разбора в толпу. Все вокруг визжали и вопили. В обеденном зале «Оазис» царил настоящий хаос.

Два охранника появились из-за барной стойки и открыли огонь по нападавшим. Они упали быстро и легко, так же легко, как и остальная дикая, кричащая толпа. Женщина в мини-юбке в полоску под зебру пробежала перед Микой безумным зигзагом. Раздался выстрел, и она рухнула на пол.

Пожилая пара в одинаковых белых нарядах, заказавшая стейк и картофельное пюре, стояла и смотрела в замешательстве. Внезапно их тела дрогнули, и они упали, причем старик навалился на женщину, словно защищая ее.

Каждый стоящий человек превратился в мишень. Инстинктивно Мика присел рядом со столом. Он взглянул на миссис Блэк. Она сидела неподвижно на своем месте, ее глаза расширились от ужаса. Он дернул ее за руку.

— Спуститесь!

Она не двигалась.

— Все ползите под стол! — сказал он так громко, как только осмелился.

Наконец, миссис Блэк сползла со своего места. Мика поднял задрапированную до пола скатерть, и миссис Блэк проползла под ней на четвереньках. Остальные гости за столом последовали ее примеру. Деклан Блэк протиснулся внутрь вместе с другими генеральными директорами и сенаторами. Они жались друг к другу, теснясь в слишком маленьком пространстве. Мика прижался к миссис Блэк. Она дрожала, шепча молитву. Мика шептал свои собственные отчаянные молитвы.

— Моя дочь, — задыхалась миссис Блэк. — Я не знаю, где она.

— Заткнись, — прошипел кто-то. Плечо Мики ударилось о ножку стола. Послышался шорох движения. Мика напряг уши, его сердце так сильно стучало о ребра, что он почти ничего не слышал.

Черные ботинки. Нападавший стоял рядом со столом, всего в двух футах от него. Мика попытался подтянуть ноги ближе к телу, чтобы стать невидимым. Пот застилал ему глаза. Он прикусил внутреннюю сторону щеки, стараясь не дышать.

— Тихо! — прокричал глубокий мужской голос. Раздался грохот выстрелов.

Шум затих. На зал опустилась странная и пугающая тишина.

— Деклан Блэк, где ты? — Голос мужчины звучал решительно и властно. Что-то в том, как он говорил, показалось Мике смутно знакомым. — Пожалуйста, покажись из той трусливой норы, в которую ты забрался. — И тут, что невероятно, мужчина рассмеялся.

— Здесь! — крикнула женщина. Она находилась близко, кто-то из группы, сгрудившейся под столом. — Он прямо здесь. Не стреляйте! Я выхожу!

Нападавший в ботинках пошевелился. Со стоном и треском стол опрокинулся, фарфоровая посуда и наполовину полные бокалы с вином посыпались на пол.

— Встать! Живо! — Человек в черной одежде в центре комнаты направил винтовку в потолок.

Группа встала. Мика моргнул в нарастающем ужасе. Более двух десятков мужчин рассредоточились по столовой. Несколько человек носили форму корабельных офицеров, еще несколько одеты как официанты. Большинство мужчин были в темной одежде, в боевом снаряжении, с натянутыми на лица масками. У каждого в руках штурмовые винтовки или импульсные пистолеты. Они казались совершенно не похожи на людей. Они могли быть роботами или вторгшимися инопланетянами.

По всей столовой валялись опрокинутые столы, перевернутые стулья, повсюду разбитый фарфор и осколки стекла. Стейк, картофель, вино и различные овощи, приготовленные на

пару, вязли в ковре. И тела. Руки и ноги неловко болтались, платья и смокинги были забрызганы красным. Судя по всему, тут было не меньше тридцати трупов. А может, и больше.

Невредимые гости скорчились на полу. Лысеющий мужчина лет шестидесяти держал свою жену, сжимавшую правую руку, между пальцами которой сочилась кровь. Несколько человек лежали плашмя, сложив руки над головой. Женщина-брюнетка, чей замысловатый пучок сбился на голове, стонала, умоляюще протягивая обеими руками свою сумочку, как будто это все, что нападавшие хотели, как будто это могло ее защитить.

Все уставились на мужчин с оружием, лица гостей лишились цвета, глаза широко распахнуты. Люди словно находились в трансе, в кошмаре, который, как они медленно осознавали, разделяли все вместе.

Женщина средних лет с приземистым телом и копной блестящих светлых волос собрала шлейф платья в одну руку и отошла от стола. Мередит Джексон-Купер дрожащим пальцем указала на генерального директора.

— Вот! Это он. Он тот, кто вам нужен.

— Иуда Искариот, — пробормотал Блэк, его лицо потемнело.

Человек в форме официанта подошел к Блэку и приставил пистолет к его голове.

— Дамы и господа, — властным голосом произнес мужчина. Он стоял на помосте для музыкантов. Две скрипки лежали у его ног, одна из них сломана, смычок разбит. Мужчина стоял в лыжной маске и с пистолетом, но был одет в серый костюм с галстуком цвета лосося. Пассажир. Неудивительно, что голос показался Мике знакомым. Он, наверное, обслуживал его дюжину раз.

— Героев не будет, не сегодня, — продолжал мужчина. — Мы уже заняли мостик и машинное отделение, радиорубку, службу безопасности. Спасательные шлюпки охраняются. Побег не удастся. Будьте уверены, любая попытка сопротивления приведет к смерти.

Некоторые женщины начали плакать. Несколько мужчин тоже. Мужчина в костюме не обращал на них внимания.

— Возможно, вам интересно, кто мы такие и чего хотим. Мы — «Новые Патриоты», сыновья того наследия свободы, которое слишком долго пылилось в углу. Мы здесь, чтобы ее вернуть. Мы объявляем войну притворству коррумпированной и жадной Коалиции Единства — теневым кукловодам того, что раньше называлось правительством Соединенных Штатов Америки. Мы объявляем гражданскую войну ненасытной жадности и требуем — нет, мы получим — справедливость. Наконец-то пришло время платить по счетам.

Мика в ужасе уставился на мужчину. «Новые Патриоты»? Нет, он не верит в это. Просто не может.

Трое нападавших в боевом снаряжении охраняли человека в костюме. Один из них не потрудился надеть маску. Мужчина выглядел как выходец из Юго-Восточной Азии, филиппинец или малазиец, с посеревшим шрамом на правой стороне лица. Его взгляд метался, а улыбка была жесткой и опасной, словно он рожден для убийства.

Человек в костюме повернулся к официанту, державшему пистолет на Блэке.

— Возьмите этих агентов коррупции в заложники и отведите на мостик. Что касается остальных..., — он сплюнул на мраморный пол. — Соберите их всех. Убейте любого, кто будет сопротивляться.

— Они будут искать Амелию, — проговорила миссис Блэк низким, отчаянным голосом. Мика повернулся к ней. Казалось, что все происходящее доносится издалека. Он

попытался сфокусироваться на ее лице, но все выглядело нечетко, то резко, то размыто. «Габриэль, — думал он снова и снова. — Габриэль». Он не мог умереть, пока между ним и единственным человеком, который имел значение, столько гнева. Он не был готов умереть. Не так. «Пожалуйста, не дай нам умереть. Убереги моего брата».

— Что бы они ни хотели от моего мужа, он им этого не даст, — прошептала миссис Блэк, ее глаза наполнились страхом и отчаянием. — Они будут искать его семью, чтобы использовать как рычаг давления. Амелия ничего не знает.

Мика не колебался.

— Я ее найду.

Она схватила его за руку.

— Да благословит тебя Господь. Спасибо.

Несколько нападавших в масках окружили их группу.

— Ты, — сказал возвышающийся над ними мужчина-бульдозер. Жилы на его толстой шее вздулись, а глаза сквозь прорези маски казались темными и пучеглазыми.

Мика его узнал. Тот самый, на которого Габриэль всегда жаловался, что он пристает к пассажирам и домогается женского персонала низшего звена. Кейн. Предателя звали Кейн.

Кейн показал рукой на Мику.

— Возвращайся на кухню, там твое место. Остальные, личинки, становитесь в строй.

— Найди ее, — прошептала миссис Блэк.

Кейн ткнул ее в спину дулом своей штурмовой винтовки.

— Закрой свой рот, сука.

— Не смей разговаривать с моей женой подобным тоном! — прорычал Деклан Блэк. Даже с пистолетом у головы он держался уверенно, убежденный в своей значимости в этом мире — и не сомневаясь, что все остальные тоже о ней знают. — Твои грехи найдут тебя!

Человек в костюме подошел к Блэку.

— Нет, друг мой, — усмехнулся он. Лыжная маска делала его лицо безликим и гораздо более страшным. — Боюсь, это твои грехи вот-вот найдут тебя.

Он ударил прикладом винтовки в нос Деклана Блэка. Кровь хлынула на губы и капнула на смокинг. Вооруженные люди рывком поставили Блэка на ноги и вывели заложников из столовой.

В памяти Мики что-то всколыхнулось. Он знал этого человека в костюме. Знал эту походку, этот голос. Симеон Пагнини. Лидер группы «Новые Патриоты» Габриэля. Нет. Нет, нет, нет. Ужас застрял у него в горле как крюк. Этого не может быть. Это не могло быть правдой. Но так оно и есть.

Кейн локтем оттолкнул Мику с дороги. Он споткнулся об опрокинутый стул и упал, очки слетели с его лица.

— Ты! — Мускулистый мужчина с огромным животом, выпирающим над поясом, указал на Мику. Его глаза казались темными щелями, рот был полон пожелтевших кривых зубов. Он рывком поднял Мику, дернув его за руку. — Назад на кухню. Готовь еду. Сейчас же.

Корабль качнуло, и мужчина сделал нетвердый шаг к нему. Он упер дуло своей винтовки в живот Мики. Мика покачнулся на ногах.

— Скольких мы должны убить, пока до вас дойдет?

— Мы поняли, — выдавил из себя Мика, дрожащими пальцами запихивая очки на место. Нападавшие повели Мику и других официантов обратно на камбуз. Двое других уже

стояли на страже испуганного поварского персонала.

«Думай». Он должен подумать. Он должен найти способ сбежать. Затем найти Амелию для ее матери. Но сначала он должен найти Габриэля. Он не мог, не мог поверить, что Габриэль замешан в этом ужасе. Этому существовало объяснение. Оно должно быть. Его затуманенный, испуганный мозг слишком запутался, чтобы найти разгадку. Ему нужно найти Габриэля. Потом они разберутся с остальным.

На дрожащих ногах Мика подошел к одной из массивных печей, взял половник и помешал в кастрюле бурлящий синий суп из омаров. По крайней мере, здесь есть оружие. Ножи всех форм и размеров.

Он может достать один.

А потом? Что дальше?

Он понятия не имел.

Амелия

Вдалеке сверкали молнии. Воздух стал тяжелым от влаги. Пряди слипшихся волос прилипли ко лбу и шее Амелии. Офицерская палуба пустовала и почти полностью была закрыта с обеих сторон стальными стенами корабля и палубой над ними.

— Все либо в столовой экипажа, либо на смене, либо развлекают дорогих гостей, — пояснил Габриэль. — Мы здесь одни. — Его рация зашипела. Послышался голос, но он ее отключил.

— Тебе не нужно...?

— Нет. Все в порядке. — Габриэль положил рацию на маленький столик во внутреннем дворике у входа и посмотрел на нее оценивающим взглядом. Он озабоченно наморщил лоб. — Ты выглядишь замерзшей. Приглашаю тебя в джакузи.

— Я не могу, — отозвалась Амелия, раскрасневшись.

— Почему нет?

Ее разум метался в поисках оправдания, прежде чем остановиться на самом очевидном варианте. Она взмахнула платьем.

— Я одета не слишком подходяще.

— Здесь никто тебя не осудит.

Правда заключалась в том, что она никогда в жизни не купалась в джакузи. Амелия не могла. Слишком сильный жар представлял для нее опасность. Но она так устала от правил, от всех «нельзя», «можно» и «следует», определяющих ее жизнь.

— Может быть, я смогу опустить ноги. — Она положила клатч на стол рядом с его рацией и скинула туфли на каблуках. Осторожно опустилась на кафельный край джакузи, задрав платье до колен. Бурлящая вода приятно ласкала ее ноги.

Габриэль сел рядом с ней. Он стянул свои блестящие черные туфли и носки и закатал штанины.

— Твой отец выглядит недовольным. Последние пару дней он постоянно разговаривает по наушнику.

— Ты уже слышал, что происходит на материке?

Кривые линии очертили его рот, лицо напряглось.

— Я слышал достаточно. Говорят, Центр по контролю и профилактике заболеваний объявил чрезвычайное положение. У меня есть друг в Балтиморе, который написал мне вчера. Он заболел. Он болен, и простоял шесть часов в очереди, чтобы сделать эту чертову прививку. Последнее лекарство твоего отца.

— Это не его вина, — автоматически возразила Амелия. — Грипп летучих мышей — это всего лишь один из тысячи штаммов. Он мутирует. К тому времени, когда они синтезируют вакцину, это может быть совершенно другой вид.

Габриэль щелкнул языком между зубами.

— Я думал, что она подходит для каждого штамма, отсюда и термин «универсальная».

Она покраснела.

— С вакцинами много чего может пойти не так.

— Это не то, что рекламировали. Они обещали чудо. — Его взгляд прошелся по ней, глаза стали жесткими, почти злыми.

Амелия моргнула, разрывая зрительный контакт.

— Ты так говоришь, как будто это чья-то вина.

— Может, и так.

— Болезни неизбежно распространяются в плотных городских районах. Так было всегда, начиная с эпидемии гриппа в 1918 году, бубонной чумы до этого и всех эпидемий с тех пор — вспышки в Индии, штамма летучей мыши, который уничтожил половину Дублина пять лет назад. Так работают эпидемии. Никто не виноват. Это смешно.

— В самом деле?

— Ты говоришь так, будто обвиняешь моего отца. — Ее слова казались слишком нервными. Пустыми. Амелия подумала о Сайласе. О матери, которая всегда защищала Деклана, несмотря ни на что.

— Твой отец сделал состояние и карьеру на страданиях других, — почти прошипел Габриэль. — Сначала лечение рака, потом универсальная вакцина, теперь микрочип, который он хочет вживить каждому гражданину.

— Виталичип сведет к минимуму распространение всех этих эпидемий, немедленно оповещая медицинских и правительственных чиновников о заражении. Это спасет миллионы жизней.

— И сколько миллиардов заработает «БиоГен», а?

Ее рот сжался в тонкую линию.

— Это несправедливо. По-твоему, он должен разорить свои компании, раздавая их?

— Нет, я думаю, что его истинная цель... — Глаза Габриэля сузились, ноздри раздувались, словно он готовился к спору. Но потом он остановился. Вдохнул воздух, напрягая челюсть. — Может, нам стоит сменить тему?

— Наверное.

Неуютное и напряженное молчание затянулось. Может быть, это очередная ошибка. Может быть, ей стоит уйти. Следует вернуться в столовую «Оазис», где ей самое место. Но Амелия хотела быть там еще меньше, чем здесь.

Горячая, бурлящая вода массировала ее ноги. Тепло проникало в тело. Она смотрела на мандариновые и фиолетовые цвета, мягко мерцающие на воде. Ей не хотелось уходить.

— Давай попробуем поговорить о чем-нибудь приятном, хорошо? Я начну. Если бы ты мог сделать все что угодно, что бы ты выбрал?

— Я бы стал президентом и изменил мир.

— Серьезно?

— Серьезно. Я бы избавил политику от коррупции. Принял бы законы, которые действительно помогают людям.

— Звучит как прекрасная мечта.

— Это реально. Мы могли бы все исправить. Настоящие изменения могут произойти, если люди начнут бороться.

Амелия фыркнула.

— Бороться с чем? С исчезающими пчелами? С засухой? Гибелью урожая? Высыханием рек? Хочешь исполнить танец и вернуть дождь в Аризону?

— Все эти проблемы возникли по вине людей, которые поставили жадность выше защиты следующего поколения.

— Люди не убивали пчел, не создавали смертоносные чумы и не вызывали ураганы с неба, чтобы разрушить города. Это деяния Бога.

Габрэль рассмеялся, но смех получился грубым и резким.

— Зачем Богу делать что-то подобное?

— Потому что... — Амелия остановилась. Слова в ее голове принадлежали отцу, а не ее самой. Она вздохнула. — Знаешь? Неважно.

На мгновение они замолчали. Огни внутри спа светились бирюзовым светом. Пар увлажнял ее платье, согревая ноги. Вдалеке прогремел гром.

— А ты? — спросил Габриэль. — Если бы ты могла быть где угодно, делать что хочешь, чтобы ты выбрала?

Ну хоть на этот вопрос ответить несложно. Она потеряла следы на подушечках пальцев, неизменные углубления от скрипичных струн за годы упорных занятий. Сначала Амелия занималась для отца, ради мимолетной вспышки одобрения в его глазах. Деклан Блэк, не слишком ценил искусство или музыку, но зато уважал победу и статус, все, что отражало честь и престиж. Вся жизнь Амелии казалось, будто все, что она когда-либо делала, сводилось к тому, чтобы угодить отцу.

Но Амелия играла и для себя. Она никогда не жалела о жертвах, которых требовала от нее музыка, о репетициях, прослушиваниях, сольных концертах и конкурсах — все это того стоило.

— Я бы училась в Джульярде, — призналась она. — Занималась бы по шесть часов в день. Чтобы совершенствоваться. Становиться лучшей. Я бы играла в Чикагском симфоническом оркестре или Венской филармонии.

Габриэль откинулся на руки.

— Звучит как много работы для богатой девушки, которая могла бы провести остаток жизни, обедая, посещая загородные клубы и делая массаж.

Она покраснела.

— Деньги не делают людей автоматически ленивыми.

— А с виду и не скажешь.

Головная боль отозвалась в основании ее шеи. Габриэль вдруг стал таким злым. Напряженным и раздражительным. Как бы они ни старались, этот разговор, казалось, возвращался к одним и тем же спорным темам. У кого есть деньги. У кого нет. И кто в этом виноват. Возможно, они просто слишком разные. Амелии хотелось уйти, сбежать, отказаться от разговора. Но что-то не позволяло ей этого сделать.

— Ты работаешь на круизном лайнере — и видишь людей только тогда, когда они расслабляются, а не те 80-часовые недели, которые они отработали за предыдущие шесть месяцев.

— Богатство — это своеобразный наркотик. Оно делает тебя равнодушным к нужде. К желаниям. К риску. — Горечь в его голосе походила на пощечину.

— Ты думаешь, мне ничего не нужно? — недоверчиво спросила Амелия.

— Не так, как всем нам. Ты не знаешь нужды. Ты не знаешь голода.

— Это неправда.

— Особенно ты.

Она вытерла пот со лба. Ей стало жарко и немного закружилась голова.

— Что это значит?

Габриэль бросил на нее испепеляющий взгляд.

— Не притворяйся. У тебя есть желанная смесь — безумное богатство и красота, которую не купишь ни за какие деньги. Ты живешь жизнью, отличной от жизни простых

смертных.

Гнев захлестнул Амелию. Она привыкла к подобным суждениям. Обычно она не позволяла им расстраивать себя. Но сейчас все иначе. Она не знала почему, но ей важно мнение о ней этого парня с бронзовой кожей, напряженными глазами и непреклонным ртом. Она сглотнула.

— Ты меня не знаешь.

— Мне и не нужно. Богатство и класс всегда сопровождаются привилегиями.

— Слушай, я определенно не знаю твоей жизни. Но и ты не знаешь моей. — Ее грудь сдавило. Края пальцев пощипывало. — Может быть, это была не такая уж хорошая идея.

Ее смартфон подал звуковой сигнал.

— Предупреждение. Ваши биопоказатели превысили допустимые параметры. Пожалуйста, немедленно охладите температуру...

— Отключить. — Датчики работали даже без доступа в Интернет. Но ей не нужен никакой смартфон, чтобы заметить проблему. Амелия вытащила ноги из воды и встала на бортик джакузи. Волна головокружения заставила ее покачнуться.

— Подожди..., — воскликнул Габриэль.

Она сошла с уступа как раз в тот момент, когда корабль резко накренился. Оступившись, Амелия дернулась вперед.

Габриэль схватил ее за руку и помог устоять на ногах.

— Ты в порядке?

Она оттолкнула его.

— Мне не нужна твоя помощь.

— Ты выглядишь бледнее, чем обычно. — Агрессия исчезла из его голоса, сменившись беспокойством. Он пододвинул стул к столику во внутреннем дворике с закрытым зонтиком. — Присядь.

Амелия села. Но головокружение не проходило. Головная боль пульсировала в стенках ее черепа. Перед глазами плясали огни. «Нет. Пожалуйста, нет. Не сейчас».

Она ненавидела это чувство — эту слабость. Клатч лежал на столе, где она его оставила. Он ей не понадобится. Она приказала себе не использовать его. Наклонив голову, она тяжело дышала и теребила шармы своего браслета, вдавливая острие скрипки в кончик указательного пальца.

Габриэль стоял перед ней, настороженно наблюдая.

Ощущение покалывания распространилось по ее рукам, наполнило живот. Мысли приходили медленно и вяло. Язык затвердел во рту. Стало трудно дышать, невозможно говорить. «Пусть это прекратится. Не здесь. Не сейчас».

Но не имело значения, чего она хотела. Приступ приближался.

Дрожащими пальцами Амелия открыла клатч. Ухватилась за один из автоматических инъекторов, настолько гладкий и изящный, что его так сложно удержать, когда началась дрожь, грохот рельсов, и поезд с ревом приближался, в секундах от того, чтобы ее настичь.

— Амелия...

Она проигнорировала Габриэля. Времени не осталось. Амелия приподняла ткань платья, обнажив бедро. Сняла колпачок и сильно вонзила иглу в свою плоть.

Боль резко билась в каждой клетке, в каждом нерве. Амелия считала в уме, цифры казались ей мерцающей, переливающейся аурой. Один, два, три, четыре, пять. Если она дойдет до тридцати, то все будет в порядке.

Шли долгие секунды. Ничего не происходило. Поезд остановился на своем пути. Темнота не наступала. Судороги не схватили ее тело и не трясли как тряпичную куклу.

Наконец, она вытащила иглу из ноги и откинулась на стуле. Втянула воздух. Ее конечности ослабли и онемели. Но самое худшее уже позади. Облегчение разлилось по ее груди.

Амелия заправила волосы за ухо.

— Хочу пить, — прошептала она.

Габриэль зашел в комнату отдыха и принес ей воды в бутылке. Она жадно ее выпила.

— Спасибо.

— Что случилось?

Она сжала руки, усилием воли заставляя их не дрожать.

— Ничего такого, с чем я не могла бы справиться. Я в порядке.

Он присел перед ней на корточки.

— Ты не выглядишь нормально.

Амелия открыла рот, чтобы возразить, но у нее не осталось сил. Ее тайна больше не такая уж и тайна. Она заставила себя встретить его взгляд. Его лицо выражало озабоченность, сострадание, жесткость в глазах исчезла. Во взгляде Габриэля не чувствовалось ни отвращения, ни неприязни. Этот момент отличался от ее обычной жизни. Если она не скажет правду сейчас, то, похоже, не скажет ее никогда.

— Это не эпи-ручка. — Она показала ему автоматический инъектор. — Это внутримышечный мидазолам в сочетании с некоторыми другими препаратами. Мое спасательное средство, для экстренных случаев. Для внезапных припадков.

— Припадков?

Амелия сделала глубокий вдох. Вот то, о чем она никогда не говорила никому за пределами своей семьи. Секрет, что жил внутри нее, и доказывал ее несостоятельность, ее ущербность, в конце концов.

— У меня одна из форм синдрома Драве. Иначе известная как тяжелая миоклоническая эпилепсия младенчества.

Габриэль просто смотрел на нее, слушая.

— Приступы начались, когда я была маленькой. Сложные фебрильные судороги, тонико-клонические приступы, парциальные припадки — все это. Они вызывают повреждение мозга. Смертность составляет двадцать процентов к двадцати годам.

Как только начала говорить, Амелия уже не могла остановиться. Долго сдерживаемые слова лились из нее рекой.

— Мой тип эпилепсии устойчив к фармакотерапии. Это сложно, но у меня есть белок под названием Р-гликопротеин, который чрезмерно экспрессирован, или как там называется этот медицинский термин. Лекарства против припадков не проходят через гематоэнцефалический барьер, поэтому не могут достичь той части моего мозга, которая останавливает приступы.

— Но ты выглядишь нормально.

Сама не заметив, Амелия улыбнулась. Она знала эту историю наизусть.

— По воле судьбы — или веры, как сказала бы моя мама, — она встретила моего отца в баре отеля. Он был в городе на медицинском съезде. В то время он работал над новым методом лечения эпилептических припадков. Он использовал нанотехнологии для разработки биоразлагаемых наночастиц, достаточно маленьких, чтобы проникать через

клеточные мембраны. Они действовали как наноносители, позволяющие доставлять лекарства против припадков через гематоэнцефалический барьер прямо в определенные участки моего мозга.

Амелия не стала говорить Габриэлю, что препарат так и не получил одобрения Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов. Он не прошел вторую фазу испытаний на людях. У некоторых пациентов наночастицы оказались... реактивными. Они вызывали непредвиденные химические реакции, приводя к повреждению митохондрий и превращению нормальных клеток в раковые. Но Деклан считал, что мозг ребенка более пластичен и будет восприимчив к наночастицам. Он дал ей препарат тайно, контрабандой вывез лекарство из своей лаборатории, бросив вызов Управлению, пренебрегая законом.

Препарат подействовал.

Ее мать столько раз рассказывала ей эти истории, как она держала Амелию рядом со своей кроватью, не доверяя датчикам, которые отец установил в матрасе детской кроватки. Первые два года жизни Амелии она провела в полудреме по ночам, постоянно просыпаясь, чтобы посмотреть на мониторы, проверить дыхание дочери, изучить взлеты и падения ее маленькой груди, бледность ее и без того светлой кожи.

— Маме приходилось следить за мной как ястреб.

Габриэль изогнул губы.

— Это многое объясняет.

— И что это значит?

Он вскинул руки в знак защиты.

— Я просто хочу сказать, что она все еще смотрит на тебя так. Как будто ты сделана из стекла.

— Это так заметно, да? — Амелия сделала еще один глоток воды. — Но лекарства работают. У меня не случалось тонико-клонических припадков уже много лет, кроме одного случая в прошлом году, когда мне не подошла доза. Но у меня бывают мигрени. Неприятные. Но я могу с ними справиться. У меня нет необратимого повреждения мозга, вот что важно. Я все еще я. Мне просто нужно быть осторожнее с некоторыми вещами, такими как жара и лихорадка, сильный стресс и фоточувствительность.

— Вот почему никаких горячих джакузи.

— Точно. Никаких джакузи.

— Буду знать на будущее. — Габриэль улыбнулся, улыбка впервые за этот вечер достигла его глаз. Он стал вести себя как нормальный человек, а не как будто каждый разговор — это поле битвы, которое нужно выиграть или проиграть.

Амелия улыбнулась ему в ответ, в ее животе разгоралось что-то жаркое, не имеющее ничего общего с температурой.

Затрещала система громкой связи.

— Все пассажиры должны немедленно пройти к назначенным местам сбора. Все пассажиры и экипаж, пожалуйста, пройдите к назначенному месту сбора.

— Что происходит? — спросила она.

— Шторм, должно быть, сильнее, чем мы думали. Наш капитан слишком осторожен.

— Мы должны идти.

— Тебе следует отдохнуть.

Амелия посмотрела на использованный автоинъектор на столе.

— Я не знаю... сбор — это из соображений безопасности, верно?

— Со мной ты в безопасности. — Габриэль был внимательным, заинтересованным, почти беззаботным. Его глаза ярко блестели. — Когда еще у тебя будет целый корабль в твоём распоряжении? Когда еще случится такая ночь, как сегодня?

Она смотрела на темное, пенящееся море. Палуба под ней беспокойно покачивалась. Раздался раскат грома.

— Я хочу тебе кое-что показать. — Его голос прозвучал низко и хрипло. — На «Гранд Вояджер» есть новый аттракцион, первый в своем роде. Он еще не открыт. Там так тихо и красиво, думаю, тебе понравится.

Она должна пойти на пункт сбора. Она должна найти свою семью. Всю свою жизнь Амелия делала то, что должна, когда положено. Она держала свою эпилепсию и лекарства в секрете из-за отца. Наконец-то рассказать кому-то об этом после стольких лет, казалось таким облегчением.

Габриэль не осуждал и не презирал ее. Он даже не моргнул. Его не волновало, что она хрупкая, что какая-то ее часть глубоко сломана. Ему плевать, что она не идеальна.

И он так близко. Амелия вдохнула его глубокий, мускусный запах, похожий на что-то дикое. Она и сама чувствовала себя дикой, ее сердце билось о ребра. Так много вещей, которые она должна сделать. Возможно, ей не нужно делать ни одной из них. Не сейчас. Не сейчас.

— Отведи меня туда.

Он наклонился к ней. Его огромные темные глаза поражали красотой. Эмоции, которые она не могла прочесть, наполняли его взгляд, тенью мелькая в глазах.

Габриэль поднял руку и погладил большим пальцем ее щеку, от его прикосновения по ней пробежали огненные всполохи. Все ее тело ожило. С каждым ударом сердца Амелия чувствовала, как оно пытается вырваться из груди.

Он притянул ее к себе. Жар пронзил Амелию изнутри. Ее кожа искрилась, в животе зажглись светлячки.

Габриэль ее поцеловал. Его рот был твердым и голодным, наполненным страстью. А может, это ее собственное желание. Она и раньше целовалась с мальчиками, богатыми наследниками и скучающими плейбоями-аристократами. Никто из них не прикасался к ней так. Никто из них не заставлял ее чувствовать себя такой живой.

Его поцелуй стал глубже, настоятельнее, пьяня ее. На вкус его губы напоминали дождь. По венам пробежало электричество, острое, как электроны, испепеляющие воздух. Он прижался к ней, крепко сжимая талию, спину, а потом запутался пальцами в ее волосах.

Это словно падение.

Когда Амелия ответила на его поцелуй, небо озарила молния.

Уиллоу

— Мы должны идти на места сбора, — заявил Финн. — Они только что сделали объявление.

— Что, если это ловушка? — Они присели на лестничной площадке одиннадцатой палубы. Уиллоу заглянула за угол. Никакого движения. Широкий коридор и балкон пугающе безмолвны, в баре никого не видно. Обслуживающий бот сидел молча и неподвижно в одном углу. Никто, ни человек, ни бот, не работал на фотостанции или у стойки с латте.

Потребовалась целая вечность, чтобы проползти через всю длину пляжной палубы, мимо бесконечного бассейна, джакузи-лагуны и возвышающейся центральной сцены. Взрыв разрушил половину прозрачной конструкции. Массивный кусок оргстекла дымился и шипел, пока они ползли вокруг него. Их руки и колени поскрипывали на скользком настиле, дождь хлестал по ним, ветер трепал одежду.

Они сумели пробраться внутрь и спустились по нескольким лестничным пролетам. Оба дрожали, задыхались, с огромными глазами, напуганные и не уверенные в своих дальнейших действиях. Уиллоу не могла нормально дышать. Ее сердце вот-вот взорвется в груди.

Финн вытер пот со лба. Его лицо выглядело пепельным, на смуглой коже проступил серый налет.

— Может, это говорит только страх, но я думаю, мы должны выполнять приказы.

— За тебя говорит страх. Сейчас нам нужно найти безопасное место, чтобы спрятаться, пока не прибудет кавалерия. Или прилетит. Или приплывет. Неважно. — Но даже произнося эти слова, Уиллоу понимала, что не может этого сделать.

Она не могла затаиться где-то, когда у нее был Бенджи. И ее мама. И Зия. Зия, должно быть, в ужасе. И это Уиллоу ее бросила.

— О, черт.

— Твоя семья, — тихо проговорил Финн. — И мой отец.

— Хорошо. — Уиллоу сделала глубокий вдох. Это все еще может быть ловушкой. Но она не могла просто бросить свою семью. Чувство вины пронзило ее. Она уже так сделала. Зия должна быть в порядке. С ней должно быть все хорошо. — Нам нужно проверить библиотеку. Мы оставили там мою сестру.

Финн покачал головой.

— Она тоже слышала объявление. Она пойдет на ваш пункт сбора. Какой из них ваш?

— В «Галакси Лаунж», я думаю. Четвертая палуба. Я помню, как разглядывала все голографические звезды на потолке во время скучных речей о безопасности.

— Сейчас не так скучно, правда? Мой в театре «Трайидент». Шестая палуба.

У нее свело живот.

— Это на другой стороне корабля.

— Мы не расстанемся, — решил Финн. — Сначала пойдем на шестую палубу, заберем моего отца, а потом отправимся на четвертую и найдем твою семью.

Уиллоу сделала глубокий вдох. Это звучало так просто, так легко.

— Что может пойти не так, да?

Они услышали голоса одновременно. Один женский, другой мужской.

Она напряглась, поднесла палец к губам.

Положив руку на стену, чтобы устоять, Уиллоу прислонилась к углу. Финн неистово дергался на ее руке. Но ей нужно понять, что происходит.

Двое нападавших, одетых в черное, с автоматами, перекинутыми через плечо, стояли за стойкой бара. Их лыжные маски оказались подняты. Один из них был высоким и бородатым, другая — моложе, с черными волосами, стянутыми в узел, и красной банданой, повязанной на шее.

Обслуживающий бот пискнул и начал говорить, но Бандана, крутанувшись, выстрелила ему в центр гуманоидной груди. Он издал механический стонущий звук и упал на пол, зашипев. Бандана рассмеялась.

Она схватила одну из пивных бутылок со стеклянной полки за барной стойкой. И швырнула ее на пол. Бородатый парень присоединился к ней. Они потягивали пиво из янтарных бутылок и смеялись, разбивая остальные, стекло разлеталось на тысячи осколков.

Уиллоу откинулась на пятки, ее сердце колотилось о ребра.

— Нам нужно уходить сейчас, пока они шумят и отвлекаются.

Глаза Финна расширились.

— Они могут нас поймать.

Каждый мускул в ее теле кричал, чтобы она оставалась на месте. Но ее мозг, как яркие вспышки за глазами, выдавал предупреждения. На лестничной клетке они представляли собой легкую добычу.

— Как только закончат, они пойдут сюда и вышибут нам мозги.

Финн яростно замотал головой. Он неглубоко дышал, все его тело дрожало. На верхней губе выступили капельки пота, ноздри раздувались от охватившей его паники.

Она схватила его за липкую руку.

— На раз. Два. Три.

Несколько бутылок одновременно разбились о пол. Уиллоу рывком потянула Финна на ноги. Он был тяжелым, но она сильная. Она потащила его вниз по двум последним ступенькам и за угол лестничной площадки.

Краем глаза Уиллоу заметила движение и побежала быстрее. Вперед!

Она пронеслась по нескольким лестницам, чуть не споткнулась, ее каблуки ударили сильно и неловко. При спуске на восьмую палубу корабль накренился.

Ее лодыжка подвернулась. Боль пронзила ногу.

Финн налетел на нее, чуть не сбив с ног.

— Гвинет, прости.

Она прислонилась к стене, пытаясь расслышать собственное неровное дыхание. Ничего, кроме отдаленных раскатов грома. Их никто не преследовал.

— Мы в безопасности?

— Думаю, да. Пока. — Уиллоу сделала глубокий вдох и медленно выдохнула, желая успокоиться и подумать. — Ты в порядке?

Финн прислонился к стене, откинув голову назад, его глаза были закрыты. Он прижал обе руки к груди.

— Меня вот-вот стошнит, Гвинет. А тебя?

По крайней мере, он дышал. И к нему вернулось чувство юмора.

— Аналогично. И я — Уиллоу.

— А?

Если они собирались умереть прямо здесь, то по крайней мере она хотела, чтобы он

знал ее настоящее имя, ее настоящую сущность.

— Я солгала тебе, раньше. Глупо, конечно. Меня зовут Уиллоу.

Финн открыл глаза и изумленно на нее уставился.

Она наклонилась и отстегнула свои бесполезные каблуки. Ей следовало избавиться от них с самого начала. Паника затуманила ее разум. Уиллоу потеряла свежие мозоли на пятках.

— И я не богата. Моя мама выиграла наши билеты. И если уж быть до конца честной, это не мое платье. Оно мне даже не нравится. И еще, я категорически не переношу эти туфли.

Он глубоко дышал около минуты. Уиллоу сделала вид, что ей все равно что Финн думает о ней. Какое это может иметь значение, когда за ними охотятся террористы? Но все-таки это было важно.

Он криво усмехнулся и протянул ей свою массивную руку.

— Приятно познакомиться, Уиллоу.

— Ты не ненавидишь меня?

— Как я могу злиться на девушку, которая только что спасла мою задницу?

Она пожала ему руку, удивляясь облегчению, разливающемуся по ее телу.

— Эти маньяки наверху могут спуститься в любую секунду. Мы должны идти.

Они поспешили вниз по двум следующим пролетам. На девятой и восьмой палубах раздавалась стрельба. Ужасающие звуки криков, воплей и бьющегося стекла следовали за ними по лестнице.

Финн остановился на лестничной площадке, ведущей на шестую палубу.

— Это моя.

Они прокрались по лестнице на среднюю палубу и вошли в фойе лифта. Слева от них располагался дощатый настил с центром виртуальной реальности «Мир экстрима», низкогравитационной ареной и магазином сладостей ручной работы с биолюминесцентными леденцами больше головы Бенджи. Справа находились дизайнерские магазины, спортивный бар, а в конце — театр «Трайидент».

Не успели они сдвинуться с места, как лифт напротив них пискнул. Двери открылись, и оттуда высыпало с десятков террористов.

— Ты! Стой! — крикнул один, указывая на нее.

Уиллоу бросилась к лестнице, спрыгивая с площадки и преодолевая по две и три ступеньки за раз. Она услышала крики, выстрелы и Финна, спускающегося по лестнице позади нее.

Сердце колотилось в груди, дыхание вырывалось из легких рваными толчками. Ее лодыжка дергалась от боли, но ей удалось устоять на ногах.

Она обогнула угол четвертой палубы. Пустое открытое пространство, прямо впереди — казино, за ним мигали лампочки огромной вывески «Галакси Лаунж». Может быть, здесь есть где спрятаться?

Еще одна вспышка выстрела над головой. Уиллоу выскочила на лестничную площадку. Замедлив шаг, она повернулась к Финну.

Но Финна рядом не было.

Что-то твердое вонзилось ей в спину. Ее сердце замерло.

— Двигайся, девочка. — Гортанный голос раздался у нее за спиной. — Внутрь.

Ее колени подкосились. На коже выступил холодный пот. Гулкие шаги позади нее принадлежали не Финну. Финн все еще находился там, наверху, с выстрелами.

Острый предмет — ствол пистолета — снова ее уколол.

— Двигайся. Или умрешь. — Нападавший произнес эти слова с таким спокойным безразличием, что Уиллоу не сомневалась, что ему все равно. Он пристрелит ее в ту же секунду.

И она пошла.

Амелия

Габриэль снова поцеловал Амелию. У нее закружилась голова. Она покраснелась и почувствовала легкость во всем теле. В животе трепетали тысячи бабочек. Это казалось страшно и прекрасно одновременно.

— Вау, — пролепетала она, когда наконец отстранилась, чтобы перевести дух.

— Я тоже так думаю. — Габриэль погладил ее щеку большим пальцем, отчего по всему ее телу пробежали искры. — А я боялся, ты меня возненавидишь.

Она засмеялась.

— Трудно объяснить. — И это правда. Амелия сомневалась, что найдутся слова, чтобы выразить, каково это, когда люди вокруг тебя меняются, ведут себя по-другому из-за того, как ты выглядишь или кто твой отец. Габриэль не считал ее какой-то особенной — по крайней мере, не из-за ее богатства, статуса или происхождения. И ей это нравилось.

Они снова поцеловались.

В небе громыхало. Ветер яростно хлестал воздух вокруг них. Начался дождь, жирные капли застучали по палубе. По ее коже побежали мурашки. Амелия задрожала.

Габриэль отстранился.

— Холодно. И ты замерзла. Позволь пригласить тебя в то место, о котором я тебе говорил. Туда, где не бывала даже дочь председателя Коалиции.

Амелия чувствовала себя свободно, спокойно, даже счастливо — счастливее, чем когда-либо за долгое время.

— Хорошо, крутой парень. Покажи мне это секретное место.

Он попятился и прицепил рацию к поясу. Она взяла свой клатч с двумя оставшимися автоинъекторами, и они вернулись внутрь. Габриэль заботливо положил руку на плечи Амелии.

Он провел ее обратно через узкие проходы, спустился по нескольким пролетам шаткой металлической лестницы и прошел мимо столовых и комнат отдыха экипажа и персонала. По пути они не встретили ни одного человека.

— Это служебный вход, так как основные двери сейчас заблокированы строительной техникой. Закрой глаза.

Ее желудок сжался, но Амелия закрыла глаза и позволила ему вести. Воздух изменился, стал холоднее. Она почувствовала пространство по обе стороны и над собой. Габриэль помог ей подняться по двум ступенькам.

— Оставайся здесь, но не смотри. Я скоро вернусь.

Любопытство одолевало Амелию, но она повиновалась, потирая браслет, пока ждала.

Через минуту раздались его шаги. Габриэль взял ее за руку. Между ними проскочили искры. Его пальцы были теплыми, сильными и мозолистыми. Амелия не привыкла прикасаться к такой грубой коже. И в этом не было ничего плохого, что бы ни говорил ее отец.

— Можно мне посмотреть?

— Открывай глаза.

Амелия вздохнула. Она стояла на небольшой платформе с ковровым покрытием перед несколькими массивными подводными смотровыми окнами, встроенными в корпус корабля.

По ту сторону обзорных окон чернела бурлящая вода. Остальная часть помещения представляла собой театр, рассчитанный по меньшей мере на пятьсот человек.

— Посмотри вверх.

Куполообразный потолок мерцал мягким голубым светом. В воздухе над ними проплывали прекрасные реалистичные голографические существа — тысячи рыб всевозможных цветов и размеров, различные виды акул, китов и дельфинов. Казалось, будто находишься на дне океана и смотришь вверх, вверх, вверх через лиги воды, наполненные морской жизнью.

— Владелец «Гранд Вояджера», Кевин Мердок, планировал это долгие годы. Он сделал проект по образцу планетария, но назвал его Океанариумом. Открытие состоится через несколько месяцев. До возвращения художника, который закончит фрески, помещение пустует. Роботы не очень-то разбираются в произведениях искусства. Вот как-то так. — Он хлопнул по лестнице позади себя: на нижней ступеньке стояла банка с разбрызганной краской. Позади зрительного зала стены окружали лестницы, брезентовые тенты, ящики и инструменты.

В нескольких футах перед ней проплыла морская черепаха, лениво хлопая лапами. Очертания ее тела светились слабым электрическим сиянием. Вид совершенно прекрасный.

— Это потрясающе, — вздохнула Амелия.

— Смотри сюда. — Он вытянул пальцы к группе рыб-ангелов. Голографические существа почувствовали его руку и устремились прочь во вспышке сверкающей чешуи.

Амелия последовала примеру Габриэля и помахала дельфину. Дельфин поприветствовал ее плавником. Она засмеялась.

— Ты их можешь даже почувствовать. Проекция использует плазму. Тактильные ощущения имитируют осязание.

Она наблюдала за двумя скатами манта, проплывающими по воздуху.

— Они реагируют на музыку?

Габриэль усмехнулся.

— Да. Я приведу тебя сюда позже, и ты сможешь сыграть. Посмотрим, какая музыка им больше нравится — классическая или старый добрый рок-н-ролл.

Амелия не смогла сдержать довольной улыбки. Ей бы это очень понравилось.

А потом Габриэль снова оказался рядом, запустив руки в ее волосы. Он наклонил ее голову к себе и поцеловал. На одно прекрасное мгновение Амелия забыла, как должна себя вести, и просто отдалась поцелую. Она смогла почувствовать все — его пальцы, касавшиеся изгиба уха, возбуждение в животе, прилив сил, заполнивший все ее существо.

Когда Габриэль смотрел на нее, его глаза казались темными и бездонными. Как будто он действительно ее видит.

Над ними что-то гроыхнуло.

— Что это? — спросила она, прижавшись к его губам.

— Просто гром. — Он поцеловал ее глубже, сильнее. Амелии казалось, что ее ноги могут оторваться от пола. Она могла бы парить, подобно светящимся морским существам, которые кружились вокруг них, голубые и искрящиеся.

Звук повторился. Бум, не похожий на гром. Амелия заставила себя прервать поцелуй.

— Это странно.

Раздался громовой раскат.

— Просто гроза. — Габриэль наклонился к ней, зарываясь руками в волосы.

Она отстранилась.

— Нет, это...

Низкий звук «рат-а-тат». Как петарды. Или что-то похуже. Амелия сглотнула.

— Может, нам стоит уйти.

— Ерунда. Все в порядке.

Но момент уже был прерван, тревога реального мира снова закралась в ее душу. Звук повторился где-то над ними, снаружи корабля. Амелия вытерла ладони о платье.

— Если все остальные будут на месте сбора, а меня там не окажется, моя мама сойдет с ума. В прямом смысле. Я должна ее найти и сказать что со мной все в порядке.

— Я правда думаю, тебе стоит остаться.

— Я вернусь, обещаю. — Она улыбнулась Габриэлю, шагнув к краю платформы. — Или сообщу тебе свой код от смарффлекса, и мы сможем встретиться здесь...

— Амелия.

То, как он произнес ее имя, заставило Амелию остановиться. Она обернулась.

Габриэль стоял лицом к ней, его фигура выделялась на фоне черной воды в обзорном окне. Челюсть была сжата, лицо жесткое, вся мягкость исчезла. Она опустила взгляд, медленно сосредоточившись на предмете в его руке.

Он держал импульсный пистолет. Пистолет нацеленный на нее.

Амелия моргнула, пытаясь стереть изображение перед собой. Но оно не исчезало. Сердце подступило к горлу.

— Что... что ты делаешь?

— Мне жаль, Амелия. Но я не могу позволить тебе уйти.

Она скользила взглядом по его лицу, не в силах остановиться. Но никак не могла прочитать выражение его лица. Габриэль казался незнакомцем, человеком, которого она никогда раньше не видела и не могла целовать. Ее замешательство уступило место низкому, пульсирующему ужасу.

— Почему нет?

— Происходит кое-что, что-то большее, чем мы оба. Ты должна довериться мне.

В ее груди нарастала паника. Она чувствовала бешеное биение своего сердца.

— Ты... ты похищаешь меня?

Габриэль рассмеялся, но звук прозвучал холодно и жестко, как имитация смеха. Пистолет не двигался, ствол по-прежнему направлен на нее.

— Скорее, держу тебя подальше от опасности. Но возможно, тебе придется сделать для нас несколько вещей.

Амелия подумала о своей матери, о брате.

— Какая опасность? Кто ты?

Он выпятил подбородок.

— Я — Новый Патриот.

— О чем ты говоришь?

— Мы забираем нашу страну у жадных и коррумпированных элит и возвращаем ее народу. Мы уничтожим прогнившую до основания Коалицию Единства, начиная с ее главы.

Понимание приходило медленно и уродливо. «Новые Патриоты». Амелия видела их в новостях. Те, что постоянно маршируют и разглагольствуют. В последние несколько лет эту организацию не раз подозревали во взрывах правительственных зданий и памятников.

— Ты... террорист?

— Нет! — почти прокричал он. — Я борец за свободу. Как Сыны Свободы, когда эта страна впервые боролась за свою независимость и победила. Мы сделаем это снова.

Амелия уставилась на Габриэля, едва понимая, что он говорит. В голове гудело, сильный свистящий звук заглушал все вокруг.

Он взмахнул пистолетом.

— Теперь садись.

Она села. Шок и ужас сковали ее конечности. Она не могла двигаться, не могла думать, едва могла дышать. Ею манипулировали и поймали в ловушку, так же легко, как поймать светлячка в банку.

Страх навалился на нее, захлопнув словно крышкой.

Ее использовали. Снова.

Мика

В камбузе стояла жара и духота. Мика помешивал суп, казалось уже несколько часов. Вооруженные нападавшие размахивали винтовками, попеременно указывая на цель и крича. Некоторые говорили на идеальном английском языке. Другие вообще не говорили по-английски. Кто все эти люди? И чего они хотели, кроме смерти и разрушения?

— Он мне нужен, — заявил шеф-повар Йокумсен со своим датским акцентом, показывая рукой на Мику. Шеф стоял за длинным столом для приготовления еды вместе с горсткой официантов и обслуживающим персоналом камбуза, собирая десятки сэндвичей с индейкой для террористов.

— Что ты сказал? — потребовал Кейн с угрожающим блеском в глазах. Он склонился над Су Су, бирманской девушкой, жарившей на гриле котлеты из буйволятины в нескольких футах от Мики.

— Вы хотите есть? — рявкнул Йокумсен. — Мне нужно больше рук. И она мне тоже нужна. Бургеры уже готовы.

Взгляд Кейна скользил вверх и вниз по дрожащему телу Су Су.

— Они не выглядят готовыми.

— Ты хочешь получить еду сегодня? — огрызнулся шеф-повар. В его голосе звучала ярость, а не страх.

Кейн неохотно кивнул. Он наклонился и понюхал волосы Су Су.

— Иди. Пока.

— Парень, прибавь огонь под кастрюлями, прежде чем пойдешь, — приказал Мике шеф-повар Йокумсен.

Мика включил нагрев на самый высокий уровень. Су Су выкладывала бургеры на тарелку, ее руки так сильно дрожали, что она уронила один из них на пол. Кейн стоял так близко, что Мика чувствовал его дыхание на своей шее.

— Подними его медленно и аккуратно, — промурлыкал Кейн, подмигивая Мике.

Су Су повиновалась, затем поспешила к столу. Мика последовал за ней. Он прикусил внутреннюю сторону щеки в гневе на собственную беспомощность. Кейн не имел права так обращаться с другим человеком.

Мика встал по другую сторону стола для готовки, напротив главного повара. Террористы прислонились к плитам, наблюдая за ними. Кейн злобно ухмылялся, не сводя глаз с Су Су.

— Нарезьте этот лук, — велел шеф-повар Йокумсен, подталкивая к ним разделочную доску, миску с луком и сверкающий разделочный нож.

Су Су занесла нож над разделочной доской, слезы текли по ее щекам.

— Все будет хорошо. — Мика хотел протянуть руку и утешить ее, но прикосновение сейчас показалось ему неправильным. Он схватил нож и разрезал луковицу на две части, с силой ударя лезвием в гневе и страхе.

— Побереги силы, парень, — тихо проговорил шеф-повар Йокумсен. — Твой брат — из охраны, верно?

— Да, — ответил Мика, едва доверяя собственному голосу.

— Ты знаешь как пользоваться оружием?

— Немного, — солгал Мика. Он ничего не знал ни о ножах, ни об оружии, ни о драках. Да ему и не требовалось; Габриэль всегда его защищал.

— Эти другие повара способны только тушить баранину. Они ни черта не умеют. — Йокумсен раскладывал тонко нарезанную индейку между двумя кусками ржаной булки. — В каюте капитана есть кнопка «Джеронимо», чтобы послать сигнал бедствия. На спасательных шлюпках установлены спутниковые маяки. Вспомни как тебя учили действовать в чрезвычайных ситуациях.

— Как я туда попаду?

— Это твоя проблема. Я помогу выбраться отсюда, а дальше ты сам по себе. Можешь пройти со стороны секции со свежими продуктами, к лифту. Там никого нет. Я проверял несколько минут назад. Ублюдки, якобы охраняющие лифт, сейчас в отделе выпечки, обедают тортом «Пицца дьявола». Я отвлекаю внимание, ты идешь. Никаких колебаний. Да?

Страх привел все чувства в состояние повышенной готовности. Мика сунул маленький нож в карман брюк. Он надеялся, что не поранит себя случайно, когда будет бежать.

— Идем со мной, — позвал он Су Су.

Но она лишь смотрела на него дикими глазами, застыв от страха.

— Не стоит, — пробормотал шеф-повар Йокумсен. — Я присмотрю за ней. Ты иди.

Мика кивнул.

— Сэры! — воскликнул Йокумсен. — Суп позади вас сейчас перельется через край. Если он попадет на вашу кожу, боюсь, она лопнет.

Оба охранника повернулись к бесконтрольно переливающимся через края кастрюли супу, из которой с шипением вырывался пар.

Мика прошептал себе под нос молитву. Затем побежал. Позади него раздался грохот, когда он бросился в обход стены с плитами.

— Мне очень жаль, господа, — почти кричал шеф-повар Йокумсен. — Я сегодня такой бестолковый! Не представляю, почему.

Мика пронесся через секцию свежих продуктов, мимо столов с луком, оливками и десятками головок салата. Он нажал на кнопку лифта, с замирающим от напряжения сердцем. Секунды, которые потребовались для открытия, показались ему вечностью. Шеф-повар Йокумсен что-то кричал, споря с одним из других поваров о пустяках, создавая еще больше шума, чтобы скрыть побег Мики.

Он заскочил в служебный лифт и подождал, пока тот опустится в провизионную зону. Лифт курсировал только между главной провизионной зоной и камбузом, минуя все пассажирские помещения. Оставалось надеяться, что террористы еще не успели туда спуститься. В любом случае он должен рискнуть.

По системе громкой связи раздался голос, не похожий на обычно бодрый голос директора круиза:

— Всем пассажирам и членам экипажа немедленно пройти к своим местам сбора.

Двери лифта открылись, и Мика выскочил в просторное помещение склада провизии, заполненное возвышающимися рядами поддонов, уставленных коробками и пакетами с товарами, такими как чистящие средства, бумажные полотенца и мыло. Маневрируя, он обогнул погрузчик без водителя и прошел мимо двух рабочих, разгружавших паллету с туалетной бумагой.

— Террористы проникли на борт корабля, — задыхаясь сказал он. — Не ходите на сбор.

Это ловушка. Идите в свои каюты, запирайте и заблокируйте двери всем, чем сможете.

Они уставились на него, дикими глазами.

— Ты шутишь.

— Я говорю правду. — Здесь, внизу, с громким гулом двигателя, заглушающим все вокруг, они не слышали ни приглушенных выстрелов, ни криков. И у него нет времени их убеждать.

Он оставил рабочих позади и помчался через склад провизии к каютам экипажа. Быстро осмотрел каюту Габриэля, столовую, комнату отдыха и бар. Ничего. Габриэля здесь нет.

Сомнение снова закралось в голову, но Мика выкинул его из головы. Симеон Пагнини оказался террористом. Но это не означало, что и Габриэль тоже. Дружба с Симеоном вовсе не говорила о причастности его брата. Должно существовать какое-то объяснение. Габриэль все объяснит, как только Мика его найдет.

«Думай». Мике нужно подумать. Куда мог пойти Габриэль? Возможно, он встречался с девушкой. Может быть, с Терезой, с которой общается последние несколько недель. А может, с Амелией Блэк. Она не появилась в столовой. Если Габриэль с девушкой, он поведет ее куда-нибудь, чтобы произвести впечатление, похвастаться. Куда-то, где нет людей, потому что захочет сделать шаг навстречу.

Океанариум. Они с Габриэлем шутили, что это место — настоящий афродизиак. Именно туда и направился бы Габриэль. Существовало несколько пассажирских входов, которые еще достраивались, и вход для персонала по правому борту. Мике не придется проходить через пассажирские помещения, чтобы добраться до него.

Он помчался по узким коридорам, пока не уперся в металлические двери, закрытые листом строительного пластика. Сорвав его, он открыл дверь.

Мика поправил очки, моргая, чтобы привыкнуть к тусклому свету океанариума. Его униформа пропиталась потом, хотя воздух вокруг оставался прохладным. Он пошел по проходу на дрожащих от адреналина ногах.

Внутри Мика разглядел огромную обзорную поверхность из плексигласа, плавающих голограммных морских существ, кресла для зрителей, и двух людей, стоящих на возвышении. Океанариум не пустовал.

Амелия замерла на одной стороне платформы перед смотровым окном, блистая в своем белом греческом платье, ее светлые волосы переливались серебристо-голубым блеском в полумраке. Габриэль стоял напротив, примерно в десяти футах от нее.

Мозг Мики отказывался воспринимать поступающие сигналы. Должно быть, здесь какая-то ошибка. Это не может быть реальностью.

Его брат держал пистолет. И он был направлен на Амелию.

Мика споткнулся, ударившись ногой об одно из сидений зрительного зала.

Габриэль качнулся в его сторону. Вместе с пистолетом.

— Добро пожаловать на вечеринку, брат.

Уиллоу

Ноги и поясницу Уиллоу свело судорогой. В глазах рябило. В помещении «Галакси Лаунж» не было окон. Она понятия не имела, который час. Свет горел, минута за минутой, час за часом. Сотни людей жались на круглых диванах и мягких креслах или сидели на полу, используя сиденья в качестве спинок.

Шесть вооруженных нападавших патрулировали периметр зала, еще двое находились на сцене, перед закрытыми фиолетовыми кулисами. Трое из этой группы — женщины, с жестким выражением лица и холодными, как лед, глазами. Для связи они использовали рации, многие из боевиков говорили на незнакомых ей языках, кроме нескольких мимолетных фраз на тагальском, китайском, испанском и английском. По крайней мере, один из них имел бостонский акцент.

Уиллоу не могла перестать дрожать. «Спокойно. Нужно успокоиться». Ее разум находился в смятении. Она даже не могла проследить глазами за золотыми геометрическими узорами на ковре.

Зия где-то здесь. Она жива. С ней все в порядке. Обязательно должно быть. Но она скорее всего, вне себя от ужаса. Она всего лишь ребенок, совсем одна в море хаоса и страха. Сестра осталась одна, потому что Уиллоу ее бросила. Теперь она даже не могла вспомнить причину и понять, как вообще свидание с Финном могло показаться важным. Чувство вины разъедало ее, слова, которые она бросила Зии, эхом отдавались в голове. «Я не хочу, чтобы ты торчала рядом!»

По обе стороны от Уиллоу люди негромко переговаривались. Некоторые называли нападавших террористами, другие — пиратами. Ей было все равно. Они — враги. И они убивают.

Криками и жестами нападавшие дали понять, что им нужны кошельки, сумочки, серьги, браслеты, часы, смартфлекссы — все, что можно забрать. Они проносили между рядами наволочки, требуя все — даже обручальные кольца. Люди умоляли, хныкали, пытались спорить и убеждать. Кто-то предложил мужчинам по шестьсот миллионов долларов, чтобы они отпустили его вместе с женой на свободу

— У тебя с собой есть эти деньги? — Нападавший рассмеялся, ударил мужчину прикладом винтовки по лицу и пошел дальше.

Боевики продолжали кричать, размахивая оружием перед лицами людей. Дети рыдали. Мужчины и женщины плакали.

— Не двигайся. Молчи, — услышала она слова женщины рядом с ней после того, как террорист втащил Уиллоу и усадил ее в конце одного из средних рядов. Женщина сжимала на коленях корчащуюся, извивающуюся маленькую девочку. На ней был лимонно-желтый халат, а черные волосы прилипли к коже головы влажными прядями, словно она только что вылезла из ванны.

— Не кричи, — повторяла шепотом женщина, сжимая руку дочери так крепко, что ее ногти впивались в кожу малышки. — Не кричи, не кричи.

Пассажиры трижды пытались напасть на террористов. Один раз у кого-то нашелся перочинный нож, в другой раз у двух сотрудников службы безопасности были электрошокеры. Три раза им это не удалось, тела смельчаков остались лежать там, где

упали.

Женщина-брюнетка средних лет зашла в ужасном истощенном вое, который не прекращался. К ней с криком подбежал вооруженный мужчина. Он приставил винтовку к ее лицу.

Все смотрели в немом ужасе. Уиллоу хотела отвернуться, но не могла, ее разум кричал: «прекрати, прекрати, прекрати».

Но обезумевшая женщина продолжала выть. Террорист нажал на курок. Два выстрела прошли ее голову. Тело женщины дернулось, а затем упало.

Маленькая девочка сдавленно простонала и затихла. После этого никто больше не кричал. Как только вопли смолкли, террористы перестали кричать. На зал опустилось жуткое спокойствие.

Единственными звуками оставались придушенные хныканья и тихий плач, гул и шипение раций, непрерывный стук черных ботинок. И каждые несколько минут — отдаленные раскаты выстрелов. А вместе с ними — крики, настолько тихие, что они могли быть любым другим негромким звуком, как приглушенные вопли на вечеринке.

Уиллоу была непроизвольная дрожь, она пыталась закрыть глаза, но не могла. Все мертвые тела проплывали перед ее взором, как вспышки света, когда она прижимала пальцы к закрытым векам.

Ей хотелось заткнуть уши, свернуться в клубок и вытолкнуть из себя все ужасные звуки и образы. Если бы только она могла вернуться домой, где, как минимум, у нее была своя кровать и плед. Где, она и ее семья находились в безопасности, где у нее все еще были мама, Бенджи и Зия.

«Найти Зию».

Она села прямее, подавляя ужас и шок. Каким-то образом, во что бы то ни стало, она должна найти Зию. Мама знала бы, что делать. Она бы поняла, как найти Зию и спасти Бенджи. Она знала лучшие места, где можно спрятаться. Она знала этот корабль. Но мамы здесь нет. Была только Уиллоу.

Она старшая, эйт, именно она отвечала за брата и сестру. Она должна была их оберегать. «Они — твоя ответственность. Позаботься о них». Она не позаботилась. Но теперь могла это исправить.

Она должна действовать, должна что-то предпринять. Сначала ей нужно найти Зию — ведь именно она бросила сестру. Потом она решит, что делать дальше.

Уиллоу глубоко вздохнула. Повернулась к женщине рядом с ней. Женщину звали Юри. Она была корейкой, возможно, лет тридцати, с волосами, подстриженными в боб, как у мамы Уиллоу.

— Вы не видели миниатюрную филиппинскую девочку с синими волосами? — спросила Уиллоу.

Юри погладила волосы своей дочери. Малышка, Грейс, все еще не двигалась.

— Я видела девочку с короткими бирюзовыми волосами. Помню, я удивилась яркости ее прически. Она находилась на крайней правой стороне, недалеко от входа. — Выражение ее лица потемнело. — Но когда террористы ворвались внутрь, началась такая стрельба... Это был настоящий хаос.

— Она пострадала?

— Я не уверена. Но... — Юри колебалась. — Много людей погибло. Они стреляли в первые ряды, и у этих людей не было никакой защиты...

Железный узел в ее животе затянулся.

— Но вы не видели наверняка...

— Тише! — прошипел мужчина по другую сторону от Уиллоу. Он сгорбился на одном из оранжевых диванов, положив руки на журнальный столик перед собой. Крупный белый парень в смокинге, с выпирающим брюхом.

— Успокойся, Маркс, — проговорил пожилой латиноамериканец с седыми волосами. — Они не слышат нас, если только не подходят близко. Не раздражай их и не привлекай внимания. Второго шанса не будет. — Он потер челюсть. — Я Энрике Лопес. Это Брэдли Маркс.

Никто из них не упомянул о своих причудливых титулах или должностях. Все это уже не имело значения. Все они здесь просто пытались выжить.

— Они все равно нас убьют, — прорычал Маркс. В его прищуренных глазах читалось отчаяние.

— Мы этого не знаем, — возразила Уиллоу.

— Да, черт возьми, это их план. — Маркс сделал паузу, пока два вооруженных человека прошли мимо центрального прохода, повернулись и пошли в обратную сторону. — Они перебьют нас, просто ради забавы. Они собираются поставить нас в ряд у стены и снести нам головы.

Лопес наклонился.

— Если бы они хотели всех убить, они бы продолжали стрелять. Это мощные штурмовые винтовки. Пуль хватит на каждого человека в этой комнате. У них есть какой-то план.

Юри погладила Грейс по спине, на лице малышки застыла маска страха. Грейс смотрела на Уиллоу тусклыми, отрешенными глазами. Она ушла куда-то в себя. Возможно, это и к лучшему.

Слезы щипали глаза, но Уиллоу боролась с ними. Она не хотела плакать. Ужас, поднимающийся внутри нее, становилось все труднее сдерживать.

— Что нам делать?

— Они пираты, а не террористы, — успокоил Лопес. — Смотрите. Они уводят людей одного за другим. Они собирают деньги и драгоценности. Им нужны наши биометрические данные, чтобы получить доступ к сейфам. Когда получают то, что им нужно, они уйдут. А нам остается только ждать.

Двое вооруженных людей окружили пожилого мужчину в дорогом смокинге и вывели его через боковой вход слева от сцены. Лопес прав, по крайней мере, насчет воровства.

— Ни за что, черт возьми, — яростно прошипел Маркс. — Я не собираюсь сидеть здесь как наживка.

— Говори тише, — попросил Лопес. — Мы делаем то, что они просят. Мы ждем, когда придут «морские коттики». Не глупи. Люди гибнут из-за глупости.

— Кто, черт возьми, эти ублюдки? — спросил худощавый белый парень с козлиной бородкой рядом с Лопесом. — Северокорейцы? Выходцы из Восточной Азии? Или это еще одна доморощенная террористическая организация?

— Какая? — Маркс дико жестикулировал, его голос повысился. — Лига защиты национальной гордости, Солдаты Бога, сумасшедшая Армия освобождения Земли? Если они могут уничтожить роскошный круизный лайнер — значит, никто не в безопасности!

— Говори тише! — Лопес настороженно посмотрел в сторону сцены. Два охранника

наблюдали за ними с бесстрастным выражением лица.

Один перекинул винтовку через плечо и направился в их сторону.

Юри притянула дочь к груди. Девочка жалобно пискнула.

— У тебя есть что сказать? — спросил охранник на безупречном английском, без малейшего намека на акцент. Сквозь прорези маски виднелись темно-карие глаза.

— Ты — та самая террористическая мразь, которую нам следовало повесить тридцать лет назад! — вспыхнул Маркс, наполовину встав со своего места. Он так и не смог выпрямиться.

Выстрел прогремел так близко, что Уиллоу почувствовала, как он отдается в зубах. Она зажала рот руками, каким-то образом умудрившись удержать крик внутри. Он эхом отозвался в каждой клеточке ее тела, сокрушая кости.

Мика

— Ты не должен этого делать, — сказал Мика.

Габриэль только хмыкнул, затягивая стяжки на запястьях брата. Он связал руки Амелии и Мики за их спинами. Они сидели в нижнем ряду кресел, лицом к платформе и массивному смотровому окну.

Амелия рядом с ним не произнесла ни слова. Она почти не двигалась, ссутулив плечи и опустив голову. Мерцающие голубые киты и скаты манта дрейфовали в безветренных потоках над их головами. Темное, сердитое море билось в окно.

— Пожалуйста. — Тысячи мыслей бились о череп Мики. Как это могло произойти? Куда подевался его брат, парень, с которым он вырос? Который заботился о нем, дразнил и защищал его? Кто этот мрачный незнакомец перед ним? — Ты... ты один из них?

Габриэль встал и вытер руки о штаны.

— Я — Патриот. Мы возвращаем нашу страну. Сегодня начинается новая революционная война.

— Я не понимаю. Это политика?

— Нет! — Его рот искривился. — Это жизнь. Жизнь невинных людей. И смерти невинных людей. Сотни тысяч, миллионы жизней. Все мертвы или страдают из-за бездушного, коррумпированного правительства, которое больше не служит народу.

— Нет. — Неверие сдавило горло Мики.

— Народ десятилетиями терпит лишения. — Габриэль прошелся по узкой платформе. — Все знают, что мы бодем раком из-за токсинов, которые эти продажные политики выбрасывают в наши истощающиеся запасы воды. Люди знают, что в мире все меньше и меньше еды за все большие и большие деньги. Планета отравлена. Все знают, все говорят, но никто не действует.

— Наркотики, — потрясенно выпалил Мика. — Вы использовали наркотики, чтобы...

— Мы провезли оружие вместе с наркотиками. Вот почему они нам были нужны. Я говорил тебе, что это для благой цели. Наркогруппировка существовала годами, поэтому пронести оружие не составило труда. Нужным людям уже заплатили. Они никогда не смотрели слишком пристально. Не думали, что могут пропустить что-то похуже наркотиков.

Мика мог попытаться что-то сделать. Он должен был помешать этому. Так бы и случилось, если бы он сообщил капитану о наркотиках. Расследование выявило бы и оружие. Если бы шесть дней назад на мостике узнали о возможном внутреннем нападении, ничего бы не случилось.

Его терзали чувство вины и горе. Мика пошел против собственной совести. Он позволил своему брату избежать наказания. И тем самым обрек на смерть десятки, если не сотни людей. В его голове пронеслись образы распростертых и искалеченных мертвецов в столовой «Оазис».

— Они убивают людей.

По лицу Габриэля пробежала тень. Рот сжался.

— Во всех войнах есть жертвы.

— Это не война! Это терроризм!

Габриэль покачал головой.

— Лоялисты называли Сынов Свободы террористами в 1770-х годах. Теперь мы именуем их нашими прародителями.

— Я понимаю. Понимаю. Но насилие — это не выход...

— Мика, ты никогда не понимал. И не пытался понять.

— Это несправедливо.

Габриэль присел перед ним на корточки.

— Вот почему я не мог сказать тебе раньше. Но Мика, мы меняем ситуацию. Мы реально собираемся все изменить. Это начало восстания, которое услышат во всем мире. Люди поднимутся. Разве ты не видишь? Коалиция Единства душит наш народ до смерти. Теперь они хотят нас чипировать, следить за каждым нашим шагом, запереть в нищенских гетто под видом карантина, и все это во имя нашего здоровья и благополучия? Нет. Мы этого не допустим. Мы вернем себе нашу страну.

— Но почему здесь? Почему сейчас?

— Это символично. Мы уничтожаем блестящий символ расточительства и излишеств элиты. Пока страна голодает, они едят икру! За всем этим стоит Деклан Блэк и его Коалиция Единства. Его лекарства от рака и вакцины от гриппа — лишь прикрытие для их гнусных планов. Мы уничтожим его, уничтожим главу Коалиции Единства и все, что они собой представляют — алчность, коррупцию, высокомерие. Люди увидят, что мы можем победить. Мы можем дать отпор. Они поднимутся за нами. И начнется настоящая революция.

— А что насчет остальной части корабля? Вы собирались всех перебить?

— Конечно, нет. Мы берем корабль в заложники, требуем выкуп, собираем миллиарды на общее дело. Лишь немногие погибнут.

— Но все происходит не так! Ты не видел «Оазис». Ты не видел трупы.

Рот Габриэля искривился.

— Если это цена за свободу, истинную свободу, то я готов ее заплатить.

— И кто еще заплатит вместе с тобой?

Габриэль протянул руку и коснулся лица Мики.

— Даже не представляешь, как сильно мне хочется, чтобы ты был здесь, рядом со мной.

Мика вздрогнул.

— Что бы подумала мама, увидев тебя таким?

— Если бы не эти люди и их жадность, она до сих пор была бы с нами. Я делаю это ради нее. И для всех остальных, таких как она. Эти элитарные ублюдки не должны решать, кому жить, а кому умереть. Ни сейчас, ни когда-либо.

— Мама никогда бы этого не одобрила, и ты это знаешь. Она учила нас подставлять другую щеку.

— Вера сделала ее слабой.

— Нет. — Мика яростно покачал головой. — Никогда так не говори. Ее вера дала ей силы. Она умерла с достоинством.

Габриэль стиснул челюсть, мышца дернулась.

— Она умерла глупо, бессмысленно, ее жизнь не ценилась даже выше жизни животного. Это не достоинство.

Мика только еще больше разозлил брата. Он попробовал другую тактику.

— А папа?

— Отец мог бы быть частью этого.

— Как ты можешь говорить такое?

— Как думаешь, почему он так дружил с Симеоном? Он состоял в «Новых Патриотах», когда это была всего лишь группа политического протеста. Но ты был слишком мал, чтобы помнить. Он тоже гневался — пока мама не умерла. А потом он просто сдался. Но я не папа. Я не собираюсь сдаваться.

Тупой рев наполнил уши Мики. Их отец никогда не стал бы участвовать в чем-то подобном, как бы он ни злился. Габриэль не сомневался в том, во что ему хотелось верить, независимо, правда это или нет. Кто знает, какой ложью Симеон забивал ему голову все эти годы?

— Габриэль, пожалуйста. Ты еще можешь все прекратить.

Габриэль покачал головой.

— Не в этот раз. — Рация, пристегнутая к его поясу, зашипела. Он повернулся и пошел по центральному проходу, чтобы его не услышали.

Мика дергал руками, пытаясь освободиться. Стяжки впелись в кожу на его запястьях. Крепкие, они не поддавались. Он переместил свой вес, и острая боль уколола его в бедро. Нож. Габриэль не удосужился его обыскать.

Амелия молчала. Шелковистая ткань платья сбилась вокруг ее коленей. Она не шевелилась, повесив голову.

— Мисс Блэк, — прошептал он. — Амелия.

Но она не ответила.

Мика поборол вспышку паники. Он должен подумать. Он должен действовать с умом. Его брат не причинит ему вреда. Но другие террористы могли. Габриэль всегда оставался наивным. Если кто-то разделял его идеологию, он не пытался смотреть глубже. Он не знал, на что способны эти люди. Но Мика видел. Они планировали еще больше смерти и разрушений.

— Я разговаривал с твоей мамой в столовой, — тихо и настойчиво проговорил он. Габриэль вряд ли пробудет долго вне пределов слышимости. — На нас напали террористы. Они взяли твоих родителей в заложники.

Ее голова слегка дернулась.

— Они захватили корабль. Вот почему вся связь прервалась. Но мы все еще можем позвать на помощь. В спасательных шлюпках есть аварийные GPS-датчики, которые мы можем активировать, если сумеем добраться. Там где-то есть сигнал бедствия. Но нам обязательно нужно выбраться отсюда. Мне нужна твоя помощь.

— Мы пленники, — уныло произнесла Амелия.

Голографический дельфин плавал в воздухе над их головами. Океан за окнами оставался темным и ревушим, как огромный, мощный зверь, который бросается на корпус корабля, отчаянно пытаясь пробить себе путь внутрь.

Корабль накренился и покачнулся, и плечо Мики ударилось о ее плечо. Амелия дрожала.

— У меня в кармане брюк нож. Если ты наклонишься, думаю, сможешь вытащить его и перерезать стяжки.

Она подняла голову, моргая, словно выходя из оцепенения.

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе сбежать.

— Нам обоим.

— Я слышала его разговор по рации, — медленно произнесла Амелия. — Он говорил обо мне.

— Они что-то хотят от твоего отца. Ты знаешь что это может быть?

— Нет.

— Габриэль не плохой парень. — Но сейчас Мика уже не был так уверен. Как Габриэль мог стоять в стороне и наблюдать за смертью людей? Как он мог думать, что убийство мирных граждан решит проблемы страны? В голове Мики пронеслась строчка из «Сердца тьмы»: «Человеческий разум способен на все». Нет. Сколько бы тьмы его ни окружало, Габриэль не был злым. Мика не хотел в это верить. Он не мог. Только не про своего брата.

— Это плохие люди, но Габриэль — он хочет изменить мир. Он по-настоящему верит в идеалы.

Амелия поморщилась.

— И вот как он это делает?

— Я не сказал, что согласен с ним. Это не так. Но в нем все еще есть доброта.

— Со связанными руками мне сложно в это поверить. — Она глубоко вздохнула. — Насколько плохо там наверху?

— Террористы штурмовали корабль и ворвались в столовую «Оазис». У них были свои люди внутри. Среди официантов. Несколько охранников. Мой брат. Кто знает, сколько еще людей.

— Кто-то пострадал?

Мика собирался солгать, смягчить удар, но Амелия держала себя в руках. Она смотрела на него испытующе, пристально.

— Я спросила, потому что хочу знать.

— Они убили по меньшей мере пятьдесят человек в «Оазисе». И взяли в заложники всех, кто сидел за капитанским столом.

Амелия сглотнула.

— А мой брат?

— Я не видел твоего брата. Прости.

Она кивнула сама себе, словно решив что-то.

— Хорошо.

— Нож. Ты можешь его достать?

— Я попробую. — Она придвинулась ближе, повернув свое тело под неудобным углом, чтобы взять рукоятку ножа из его кармана. — Есть.

Лезвие скользнуло по его бедру. Когда пол под ними зашевелился, острие вонзилось в его кожу через тонкую ткань. Мика втянул воздух.

— Прости.

— Это не твоя вина. Чтобы ты не делала, не урони нож.

Они передвигались, пока не оказались спина к спине. Амелия пошарила пальцами по его рукам и запястьям, нащупывая застежку-молнию.

— Не отрежь мне пальцы.

— Не планирую. Но я плохо вижу, что делаю.

Амелия надавила на стяжку. Острие ножа вонзилось в нежную плоть его запястья. Мика прикусил внутреннюю сторону щеки, морщась.

— Прости, еще раз. — Она приподнялась. — Я не пытаюсь причинить тебе боль.

— Знаю.

Слева от них с грохотом распахнулась металлическая дверь. Голос Габриэля эхом разнесся по просторному помещению.

— Быстрее. — Мика закрыл глаза, ожидая следующего пореза.

Амелия отчаянно застонала. Она давила все сильнее и быстрее, рассекая верхнюю часть его большого пальца. Боль пронзила его насквозь, теплая жидкость стекала по ладони. Наконец, стяжка порвалась, и он освободился.

Мика вскочил на ноги. Вытащил край рубашки и вытер пульсирующую окровавленную руку. Потом выглянул из-за сидений. Габриэль направился к центральному проходу.

— Он идет! Быстрее! — Мика жестом велел Амелии следовать за ним. Позже он освободит ее руки.

Но она не двигалась.

— Уходим!

Она уронила нож.

— Даже если я сбегу, он последует за мной. Я его миссия, помнишь? А ты — нет. Иди. За помощью.

Мика хотел крикнуть: «Я не оставлю тебя!» Но не стал. Он осознал правоту ее слов за то время, которое ей понадобилось, чтобы их произнести.

— В нем есть доброта. Помогите ему ее отыскать.

Амелия смотрела на него, широко раскрыв глаза, пряди белокурых волос прилипли ко лбу и щекам. Мика не хотел ее оставлять, но у него не было выбора. Габриэль не причинит ей вреда.

— Я вернусь за тобой, обещаю. — Он сунул нож в карман и вскочил на ноги.

Мика успел наполовину добраться до бокового входа, когда Габриэль крикнул.

— Стой!

Мика обернулся, подняв руки вверх. Кровь стекала по его ладони. Жгучая боль придала ему силы, заставила сосредоточиться. Он сделал шаг назад. Затем еще один.

— Я сказал, остановись! — Габриэль стоял рядом с Амелией, расставив ноги и направив пистолет прямо на него. — Ты никуда не пойдешь.

— Ты собираешься застрелить и меня? — Его голос дрожал. Габриэль не причинит ему вреда. Никогда не причинит ему вреда. И все же тридцать минут назад Мика верил, что Габриэль никогда никого не убьет, никогда не будет участвовать в чем-то подобном. Он больше ни в чем не мог быть уверен. — Так вот что значит для тебя твое дело?

— Ты не понимаешь. Здесь я могу обеспечить твою безопасность.

Мика сделал еще один шаг назад. Металлическая перекладина врезалась ему в спину. Он не мог выбрать безопасность, не в такой момент. Слова матери эхом отдавались в его сознании. «Будь хорошим. Будь храбрым». Его сердце пылало в груди.

— Я собираюсь помочь этим людям. Если хочешь, стреляй, но я уйду.

— Ты не знаешь, на что идешь!

Мика бросил последний взгляд на Амелию. Только макушка ее головы виднелась за рядами зрительских мест. Правильно ли он поступил, позволив ей остаться? За этими дверями гораздо опаснее. Габриэль сделал плохой выбор, но он не убийца. Мика должен в это верить.

— Ты все еще можешь остановиться, Габриэль.

Мика повернулся и побежал.

Он почти ожидал получить пулю в спину. Но ее так и не последовало.

Габриэль дал ему сбежать.

Габриэль

Габриэль держал пистолет дрожащими руками, не снимая пальца со спускового крючка. Пульс бешено бился в ушах. Пот струйками стекал по шее. Он смотрел на спину брата, когда тот уходил по проходу между сиденьями в зале океанариума.

Форменная рубашка Мики болталась на поясе не заправленной. Только Габриэль знал, что скрывается под ней — шрамы, оставшиеся на правой лопатке Мики после падения с хOVERборда. Пистолет Габриэля качнулся, острое и болезненное воспоминание пронеслось в сознании.

В престижном районе, гораздо более красивом, чем их собственный, находился парк. Габриэль и Мика не имели права находиться в нем. И их там не ждали. Было ошибкой идти туда. Но еще большая ошибка — привести с собой брата, который в свои двенадцать лет все еще оставался худым и нескладным. Слишком маленьким и уязвимым. Остальные мальчишки уловили в их глазах голод и нужду, как волчья стая, обнаружившая самую слабую добычу. Ребята не трогали Габриэля — по крайней мере, физически.

Четверка парней постарше, самых агрессивных, столкнули Мику с вершины цементного хафпайпа. Габриэль до сих пор помнил мучительный вопль, когда маленькое тело Мики покатилося по немилосердному бетону, царапая голую спину и правое плечо на всем пути вниз.

Габриэль бросил свою доску и помчался к Мике, подхватив его на руки и прижав к себе, как ребенка.

— Ты в порядке, ты в порядке.

Но кругом была кровь. Так много крови, блестящей и влажной на его руках и ладонях. Пухлые щеки Мики побледнели, дыхание стало поверхностным и хриплым.

— Мы травим тараканов, как только они здесь появляются, — издевательски крикнул самый крупный мальчишка на вершине хафпайпа, белый парень с крючковатым носом и уродливыми, полными ненависти глазами. Остальные смеялись и бросали свои собственные оскорбления.

Насмешки мальчишек разожгли в сознании Габриэля ярость. Он до жути хотел на них наброситься. Проломить им черепа взмахом своей доски или бейсбольной биты.

Но крови слишком много. Под ободранной кожей Мики виднелись розовые мышцы. Ему нужен врач, хотя отец мог позволить себе только клинику на углу, и даже на это уйдет его недельная зарплата.

— Я вернусь за вами! — Он бросил на подростков последний убийственный взгляд, запомнив их лица. Затем бросился к дому, за двадцать восемь кварталов. Безжалостное солнце нещадно пекло голову. Вес его брата нагружал руки и плечи, пальцы соскальзывали с окровавленной кожи Мики.

Но сильнее всего в памяти сохранилось чувство вины, когда каждый резкий, мучительный шаг причинял Мике еще большую боль. И глухое, угрожающее жужжание патрульного беспилотника, преследовавшего их по улице. Не потому, что они — пострадавшие. А из-за их нежелательного вторжения.

Габриэль вернулся за теми парнями, как и обещал. Он прочесывал район несколько дней, выискивая места расположения скрытых камер и датчиков, отслеживая время работы

беспилотников и наблюдая за главным хулиганом, мальчишкой с крючковатым носом.

Он знал о последствиях, если беспилотники заснимут его месть. Но он набрался терпения. И выжидал своего часа. Каждый раз, приходя домой из школы и видя раны на спине Мики, его решимость крепла. Его ненависть разрасталась, переплетаясь с темной и уродливой яростью.

Когда настал момент, он не стал медлить. Он избил хулигана с крысиным лицом своим собственным хOVERбордом, сломав парню челюсть в трех местах.

Исцарапанный и в синяках, Габриэль вернулся домой той ночью с окровавленными костяшками пальцев и ненавистью в сердце, которая с каждым годом только крепла. Когда Симеон узнал об этом, он взял Габриэля под свое крыло, возвращая его ненависть, ярость и навыки. Доводя их до нужного состояния. До сегодняшнего дня.

Габриэль моргнул и вернулся в настоящее. Все началось с его брата. С защиты Мики.

Боковая дверь хлопнула с окончательностью, которая эхом отдалась в его ушах. Он опустил пистолет. Он не мог этого сделать. Это его обязанность — защищать Мику. Он никогда не сможет причинить вред своему брату. Как и предупреждал Габриэля Симеон, младший брат — его слабость.

Пятьсот пустых, обитых пластиком кресел простирались перед ним, молча его осуждая. Мика не понимал. Он никогда не поймет, почему Габриэль и «Новые Патриоты» должны прибегнуть к насилию. Все другие способы неоднократно терпели неудачу все эти долгие годы. Нужна сила, чтобы выстоять. Смелость, чтобы бороться за изменение ситуации. И железная воля.

Мика был мягким. Именно Габриэль виноват в его мягкости. Он защищал его, позволяя оставаться милым, невинным и любящим. Тем самым он сильно подвел своего брата.

И теперь сам столкнулся с этой мягкостью. Он позволил любви затуманить рассудок, позволил Мике сбежать в недра корабля. И Мика не сможет просто убежать и спрятаться. Он был мягким, но не трусом.

У Габриэля сдавило грудь. Мика может наделать глупостей и погибнуть. Он может сорвать всю миссию. На полсекунды Габриэль подумал о том, чтобы погнаться за ним. Зачем он вообще взял Мику на этот корабль? Просто потому, что он нужен был Симеону. Потому что Симеон верил, что Мика присоединится к их делу. Только Габриэль в глубине души всегда понимал, что его брат слаб. Он никогда не будет сражаться. Он никогда не будет убивать.

Они убивают людей. Но на войне всегда есть жертвы, как и говорил Симеон. Габриэль должен оставаться сильным. Он должен быть готов сделать все, что потребуется. Любой ценой. Так же, как он поступил, когда защищал Мику все эти годы назад. Как в тот раз, когда он вместе с «Новыми Патриотами» взорвал столицу Иллинойса, здание Бостонского городского суда, дворцовую штаб-квартиру Коалиции Единства. Но эти здания пустовали, если не считать ботов-уборщиков.

Он стиснул челюсть и повернулся к своей пленнице.

Амелия Блэк сидела на полу, ее красивое платье помялось и окрасилось в красный цвет.

— Почему у тебя кровь?

Она пристально смотрела на него своими холодными льдисто-голубыми глазами.

— Это кровь твоего брата.

Его внутренности скрутило.

— Он ранен? Насколько сильно?

— Ты только что наставил на него пистолет.

— Я в курсе. Откуда у него кровь?

— У него был нож. Я освободила его. Но поскольку связана и не могла точно видеть, что делаю, случайно его порезала.

Долгое время никто из них не разговаривал. Дельфины, киты и скаты плавали в окружающем их водном сиянии. Океан бился о смотровое окно. Крошечная голографическая рыбка промелькнула перед ним и скрылась из виду.

Габриэль устался на океан, его глаза стали сухими и болезненными. Он ждал этого дня месяцами. Годами. Он не должен испытывать таких чувств. В глубине души кольнула боль. Глаза Мики, этот полный ужаса взгляд от шока и предательства.

— Почему ты его не остановил? — тихо спросила Амелия.

— Я бы не стал стрелять в собственного брата. Я не чудовище. — Он выкинул из головы боль, тревогу, вопросы — все это. Боль — это слабость. Эмоции — это слабость. Он не мог быть слабым. Не сейчас. — Мика — не главное. Он не имеет значения.

— Ты мог бы побежать за ним.

— Я не мог оставить тебя, — мрачно пояснил Габриэль. — Ты стал моей миссией, по просьбе Симеона.

Амелия вздрогнула. В нем промелькнуло удовлетворение, затем чувство вины. Все, что произошло между ними, просто задание, долг. Он не мог признать чувства, шевелящиеся в глубине его существа. Они не могли быть настоящими. То, что он почувствовал, когда она упала, — страх, беспокойство, сострадание, а затем позже, когда она впервые улыбнулась ему после приступа, маленькая, грустная и совершенно уязвимая. Это его потрясло.

Но все это не настоящее. И не могло быть.

Он заставил свой голос звучать жестко, равнодушно.

— Не то чтобы это была неинтересная миссия. В ней определенно есть свои плюсы.

Она задрала подбородок. Не та реакция, которую Габриэль ожидал.

— Ты не первый, кто меня использует. И можешь быть уверен, что не последний. Поверь, я привыкла, к таким как ты.

— Сомневаюсь.

— Думаешь, ты отличаешься от них? — Амелия криво усмехнулась. — Не похож на жажущих власти игроков наверху? Ты тоже в это играешь. И используешь в процессе тех, кого придется.

— Я не такой, как они, — насмешливо возразил он. — Они продажные. Бездушные. Негодяи.

— Ты держишь меня в стороне, пока твой босс не решит, что я ему нужна. Для чего? Чтобы заставить моего отца выдать все секреты, которые вам необходимы? Как, по-твоему, он собирается это сделать? Он будет... — Она тяжело вздохнула. — Он будет меня пытаться.

— Нет, не будет. — Но сомнения терзали его разум. Они убивают людей. Габриэль потер затылок, провел рукой по щетине на челюсти. — Симеон не такой. Мы не такие.

— Тогда почему ты здесь, внизу, нянчишься со мной? Какая еще может быть конечная цель? Я — рычаг давления на своего отца. Он заложник, пока они что-то от него хотят. Когда ты потащишь меня на мостик, они приставят пистолет к моей голове.

— Может быть. Но Симеон никогда в тебя не выстрелит.

— А ты?

Габриэль хотел сказать: «Конечно, нет». — И ему вдруг захотелось наклониться и

заклЮчить Амелию в свои объятия, смыть поцелуями страх с ее лица. Какая идиотская мысль. Разозлившись на себя, он выбросил ее из головы. Вся романтика была фальшивой, а вместе с ней и чувства. Они отказались от этого притворства.

— Ты сказал, что это война, — проговорила она.

— И что из этого?

— Все войны предполагают сопутствующий ущерб.

Слюна заполнила его рот. Он тяжело сглотнул.

— Да.

— Значит, — сказала она так тихо, что он с трудом ее расслышал, — ты будешь убивать невинных людей.

— Я не убиваю невинных.

Глаза Амелии вспыхнули в голубоватом свете.

— А кому решать, кто невиновен? Тебе?

— Знаешь, сколько тысяч — сколько миллионов — пострадали без нужды? Умерли понапрасну? Все из-за жадности и коррупции.

— Ты не ответил на мой вопрос. Кто должен решать?

Ее вопросы раздражали Габриэля и он не мог этого объяснить. Симеон говорил, что не бывает невиновных. Симеон утверждал, что за революцию, за свободу всегда приходится платить сопутствующим ущербом. Габриэль верил в это всем сердцем. Разве не так?

В голове у него царил сумбур. Он не мог ясно мыслить с ее голосом в голове. Ему нужно оставаться уверенным. Он должен думать здраво. Он — солдат, воин.

Но правда заключалась в том, что никто не может считаться невиновным. Даже он.

Мика

Звук бьющегося стекла нарушил сосредоточенность Мики. Он замер.

Он направлялся к правому борту четвертой палубы, чтобы добраться до спасательных шлюпок. Почти подошел к средней лестнице на четвертой палубе, миновав джаз-лаундж, комедийный клуб и дискотеку «Блейз» с фотолюминесцентными стенами. Прямо перед ним находилось казино «Морской рай» площадью восемь тысяч квадратных футов.

Снова звон бьющегося стекла. На этот раз за его спиной.

Мика со всех ног кинулся в казино. Промчался мимо красных бархатных игровых столов с блэкджеком, карибским стад-покером, баккарой и рулеткой. Он налетел на один из мягких кожаных стульев и тихо выругался, когда тот рухнул на пол. Сердце отчаянно колотилось в груди, адреналин бурлил в венах. Мика превратился в прекрасную мишень.

Он обогнул гигантское голографическое вращающееся призовое колесо и нырнул за первый ряд игровых автоматов. Сотни автоматов выстроились в группы по шесть-десять штук, словно мигающий, звенящий лабиринт.

Хотя казино опустело, игровые автоматы все еще светились, их гладкие панели переливались вращающимися голограммами вишен, костей, звезд и тройных семерок. Мика прислонился к одному из них, металл охлаждал спину, а на голоэкране красовалось: «3000 шансов на выигрыш!» Он напряженно вслушивался в звенящие, вращающиеся звуковые эффекты и бешеный стук собственного сердца.

Ничего. Мика двинулся вглубь электронных джунглей, перебираясь от одного ряда игровых автоматов к другому. По дороге ему пришлось перешагнуть через несколько трупов, и он мысленно попросил у них прощения. Пожилая женщина в красивом алом платье все еще сидела на табурете, ее остекленевшие глаза смотрели на него, не отрываясь. Он обошел табурет, стараясь не потревожить ее тело.

Голоса: доносятся из передней части казино.

Дыхание Мики перехватило. Он присел рядом с телом, сторбившись, чтобы стать как можно меньше. Сжал нож обеими руками. Против полуавтомата или импульсного пистолета он мало что мог сделать. Но это все, что у него есть. Но способен ли он реально напасть на другое человеческое существо, даже, чтобы себя защитить?

Мика не хотел умирать здесь, истекая кровью как животное. Его мама встретила свою смерть мужественно. Но он не был таким же сильным или храбрым, как она. И его вера не столь крепка. Он боялся. До ужаса. Он не готов. Он столько всего еще не успел сделать. У него вообще не было возможности пожить. Он никогда не влюблялся. Он даже ни разу...

Движение слева от него. По позвоночнику пробежал холодок. Мика повернул голову.

Один из террористов сидел на корточках перед группой игровых автоматов слева. Он был одет в темную одежду с боевым снаряжением и темной маской, натянутой на лицо. В руках он сжимал штурмовую винтовку.

Мика прижался к табурету, ударившись спиной о еще теплое тело женщины. Ее тело свалилось с табурета и с глухим стуком упало на ковер. Он испуганно вздрогнул, страх пронзил его до глубины души.

Террорист по-прежнему не двигался. Он чего-то ждал.

— Ты это слышал? — Гортанный голос звучал ближе, возможно, всего в дюжине ярдов.

— Нет, приятель.

— Клянусь, я что-то услышал.

Они подошли так близко, что Мика мог уловить звук их шагов за грохотом и звоном игровых автоматов.

Террорист напротив Мики привстал, подняв оружие.

Двое мужчин обогнули угол. Они направили оружие на Мику, их глаза горели жаждой крови.

— Так много крыс на этом корабле, — оскалился первый мужчина. Он направил пистолет в лицо Мики.

Ужас взревел в его ушах. Кровь в венах заледенела. Он не мог пошевелиться, даже если бы захотел.

Выстрелы разорвали барабанные перепонки Мики, вибрируя в его груди. Он зажмурил глаза, ожидая взрыва боли. Смерти.

Но она не приходила.

— Парень.

Мика не дышал. Не думал. Он ждал смерти.

— Считаешь, сейчас подходящее время для сна?

Он заставил себя открыть глаза. Двое мужчин, только что нацеливших на него свои пистолеты, лежали на полу, кровь окрасила ковер под ними. Третий террорист стоял над ним, направив винтовку вниз.

— Ч-что?

Мужчина стянул лыжную маску.

Его смуглая кожа блестела на свету, на лбу выступили бисеринки пота. Он потерял квадратную, чисто выбритую челюсть тыльной стороной ладони.

— Эд Джерико.

Легкие Мики наполнились воздухом. Он потрясенно смотрел вверх, не веря, что все еще жив.

— Охранник Деклана Блэка?

— У тебя есть имя? — Голос Джерико звучал глубоко, с намеком на нигерийский акцент.

— М-Мика.

Две фигуры появились позади Джерико. Первым оказался индеец лет сорока, одетый в такое же украденное боевое снаряжение. Мика узнал в нем одного из сотрудников службы безопасности, работавших с Габриэлем. Радж Патель, невысокий, стройный и бородатый. Вторым был подросток на несколько лет младше Мики. Высокий и жилистый, с короткими темными волосами и угрюмым, скупающим лицом. Сайлас, сын Деклана Блэка.

Патель похлопал Мику по спине.

— Рад тебя видеть, Ривера. Ты не встречал своего брата?

Мика прикусил внутреннюю сторону щеки. Он ненавидел лгать, но не мог раскрыть местонахождение брата, что бы тот ни сделал. Они убьют Габриэля, если узнают.

— В последнее время нет, сэр.

— Очень плохо. Надеюсь, он сумел уцелеть.

— Я тоже.

Сайлас уставился на него, на его лице появилось кислое, подозрительное выражение, как будто он мог видеть ложь Мики насквозь.

— А где все остальные? — спросил Мика, неловко сдвинувшись с места.

Джерико снял рюкзак и достал свежий магазин.

— Мы с Сайласом были в игровом виртуальном центре на шестой палубе, когда услышали, как террористы зачищают палубу над нами. Эти уроды — шизофреники. Некоторые берут заложников. Другие стреляют во все, что движется.

— Сколько их там? — спросил Мика.

— Насколько могу судить, около пятидесяти или шестидесяти человек. У них есть заложники в «Галакси Лаунж» и в театре «Трайидент». Небольшие группы все еще прочесывают корабль, но основная масса боевиков сосредоточена в этих двух местах.

— Деклана Блэка держат в заложниках на мостике, — сообщил Мика.

Джерико сжал челюсти.

— Я так и думал.

Мика успел разглядеть пистолет, пару ножей в ножнах и что-то металлическое и дискообразное, прежде чем Джерико снова застегнул рюкзак. Этот парень знал, что делал. Мика не мог решить, испытывать ли ему облегчение или страх.

Джерико вставил магазин в винтовку и хлопнул по прикладу.

— Живей, народ. Будьте начеку и следуйте за мной.

Амелия

Амелия молчала, казалось, не один час. Она смотрела на черную стену воды и отражающиеся от стекла проекции морских животных. Светящиеся фосфоресцирующие бактерии кружились вокруг нее как звезды.

Что происходило наверху? Сколько невинных людей гибнет в эту секунду? Что с ее отцом, матерью, братом? От беспомощности и страха у нее забурлило в животе.

Она облизала губы.

— Я хочу пить. Можно мне воды, пожалуйста?

Габриэль достал бутылку с водой из открытого ящика, прислоненного к дальней стене. Присев на корточки, он поднес бутылку к ее рту.

Она отпила глоток, испытывая стыд. Ей не хотелось принимать от него эту любезность, неприятно вообще нуждаться в чем-либо от него.

— Спасибо, — машинально поблагодарила она и тут же почувствовала презрение к себе. Если и можно отбросить светские любезности, то именно сейчас.

Вода стекала по ее подбородку. Габриэль расстегнул переднюю часть своей форменной рубашки и вытер ей лицо. На этот раз Амелия не сказала ни слова.

Из рации донеслось невнятное сообщение. Он отошел к центральному проходу, чтобы оказаться вне пределов слышимости.

У Амелии разболелась шея. Руки ломило от неудобной фиксации за спиной. Она сама виновата. Она позволила этому случиться. Своим высокомерием, своей глупостью. Неудивительно, что мать никогда не выпускала ее из поля зрения. Немудрено, что отец использовал Амелию только для одного — выставлял как приз, чтобы очаровать и задобрить своих деловых партнеров.

Она захотела взять жизнь в свои руки. Она принимала собственные решения всего одну жалкую ночь, и посмотрите, к чему это привело. Она просто идиотка, влюбившаяся в террориста.

И теперь она здесь. Беспомощна. Просто еще одна пешка на чужой доске. Амелия ненавидела то, как с ней обращался отец, и вот она на другой стороне, играет в смертельную версию той же игры.

Она переместилась, пытаясь найти более удобное положение. Безымянный палец болел. Она порезала его, когда освобождала Мику. Порез не слишком глубокий, никаких необратимых повреждений, которые могли бы повлиять на ее музыку. Если она когда-нибудь снова возьмет в руки скрипку.

Слезы навернулись ей на глаза. Она постаралась их отогнать, думая о Мике. Где он сейчас? Его схватили? Убит? Или он сделал то, что обещал, и нашел способ оповестить внешний мир? Придет ли кто-нибудь, чтобы их спасти?

«В нем есть добро. Найдите его», — сказал Мика.

Даже если флотские или морские пехотинцы появятся, будет уже слишком поздно. Габриэль отведет ее на капитанский мостик. И кто бы ни руководил операцией, он будет пытаться, а может, и убьет Амелию, желая получить от отца то, что им нужно. Ее подвергнут водной пытке или ударят током? Вырвут ей ногти? Отрубят пальцы, один за другим? Или еще что похуже? Паника накатила с новой силой, и сердце забилося так сильно, что чуть не

прорвалось сквозь грудную клетку. Она делала неглубокие вдохи, пытаясь успокоиться.

Амелию заманили в ловушку, связали, и у нее нет никакого оружия. У нее вообще ничего нет. Ничего, кроме нее самой. «Используй то, что у тебя есть». Этому ее учила мать.

В памяти вспыхнуло воспоминание, резкое и внезапное. Этот разговор произошел два года назад, перед одним из гала-концертов по сбору средств для Коалиции Единства ее отца. Амелия сидела перед зеркалом в своей спальне, пока мать заплетала ей косу «рыбий хвост». Она хорошо запомнила, как под глазами матери залегли тени, а кожа приобрела бледный оттенок.

— Ты в порядке, мама?

— Все хорошо, милая, — мягко ответила та. — А теперь давай повторим все еще раз.

Амелия старалась не закатывать глаза.

— Тайлер Хорн. Основатель нанотехнологического микрочипа.

— Он молод, влиятелен и высокомерен. Питает слабость к острым ощущениям. Любитель азартных игр. Накопил огромные долги перед синдикатами. Он захочет пофлиртовать, но весьма активно. Что означает...

— Никогда не оставаться с ним наедине.

Элиза кивнула, искусно проводя пальцами по волосам Амелии.

— Откуда ты все это знаешь?

Мама покачала головой, отводя взгляд.

— Никто не бывает таким, каким кажется. У каждого есть тайны, страхи, слабости и личные демоны. Одних ты учишься избегать, чтобы обезопасить себя. Другими можно манипулировать в собственных целях.

— Как это делает отец.

— Иногда. Учись быть внимательной, и все получится.

Амелия смотрела на себя в зеркало. Она предпочла бы остаться дома и смотреть фильмы ужасов с Сайласом или практиковаться в исполнении сонаты № 3 Баха, с которой собиралась выступить на предстоящем конкурсе. — Почему он всегда заставляет меня участвовать в этом?

— Твой отец знает, что делает. Все любят внимание, особенно от красивой молодой девушки. Это просто разряжает обстановку.

— Иногда я чувствую себя... мерзко.

Свет померк в глазах матери.

— Мы все должны использовать дары, которые получили. Твоя красота — это великий дар. Мир без нее гораздо суровее. Поверь мне. Ты должна использовать то, что у тебя есть.

— Это отнимает время от тренировок. — Отец хотел, чтобы она играла, поэтому все свободное время Амелия занималась. Он хотел, чтобы она стала лучшей. Поэтому она хотела быть лучшей.

Мама улыбнулась ей в зеркале.

— О, моя дорогая. Ты такая целеустремленная, такая сосредоточенная.

— Но я все еще не понимаю, почему...

— Это то, чего хочет твой отец. Так что мы это делаем.

Все ее действия сводились к тому, чтобы угодить отцу. Все. Но все же.

— А как быть с нашими желаниями?

Мама нахмурила брови.

— Мы в огромном долгу перед твоим отцом. Он спас нас обоих. Все, что у нас есть,

досталось нам от него. Помни об этом.

Она изучала свою мать в зеркале. Ее рот был поджат, взгляд напряжен. Она никогда не говорила о прошлом. Только упоминала, что была никем, ничего не имела, и Деклан Блэк ее спас. Он не был биологическим отцом Амелии, но с равным успехом мог им быть. Для ее матери он точно им был. Элиза никогда не говорила о «генетическом доноре», от которого произошла половина ДНК Амелии. Деклан ее принял, когда Амелия была еще ребенком. Именно он разработал лекарство, которое ее спасло. Все те препараты, которые поддерживали ее жизнь и не давали мозгу превратиться в кашу.

Деклан Блэк забрал и ее мать, и Амелию в эту жизнь, полную роскоши и гламура. Он дал им все, что у них есть, включая жизнь Амелии. За эти вещи ее мать боготворила его. И она не ожидала ничего меньшего от своей дочери.

— Большая часть страны — жестокое, опасное место, — мягко сказала мама. — Каждый день радуйся, что живешь в безопасности. Это все, что имеет значение. — Она одарила Амелию усталой улыбкой. — Ты — это все, что имеет значение.

Амелия больше не задавала вопросов. Бесплезно спрашивать дальше. Ее мать никогда не давала другого ответа. Она хранила свое прошлое и свои секреты где-то глубоко внутри себя.

Именно мама научила ее читать людей. Но и отец не остался в стороне. Амелии приходилось читать его, разбираться в его настроениях, предвидеть его гнев. Она занималась этим всю свою жизнь.

«Используй то, что у тебя есть».

Она уставилась на стеклянные стены, вспоминая, что еще когда-то говорила ей мать. «Стекло красиво, но непрочное. Но его можно укрепить жаром, сделать сильным с помощью огня».

Сейчас ей нужно быть сильной. Ее просто нужно все продумать. С умом.

«Используй то, что у тебя есть». Амелия могла это сделать. Но она не могла вести себя так, как обычно. Лесть и обаяние не подействуют на Габриэля, не то что на пятидесятилетних политиков, государственных чиновников и руководителей, ослепленных собственным раздутым эго.

«Найди в нем хорошее». Может быть, его чувства к ней не совсем притворство. А может, ей на ум приходили собственные эмоции, собственное безрассудное влечение. Она прикусила губу.

Габриэль шел по проходу, рация висела у него на поясе, пистолет в одной руке, два пакета чипсов в другой.

— Подумал, наверное, ты проголодалась.

— Спасибо, — сказала она так искренне, как только могла.

Вдалеке раздались выстрелы, за ними последовал раскат грома. Корабль резко качнулся. Она соскользнула в сторону. Габриэль обнял ее за плечи и поддержал.

— Прости.

— Все в порядке. — Амелия слотнула. Используй то, что у тебя есть. Сейчас или никогда. Она может потерпеть неудачу — почти наверняка так и будет, — но, по крайней мере, это хоть что-то. По крайней мере, она попытается.

Она всю жизнь боялась попробовать. Но не хотела умирать так же просто.

Уиллоу

Уиллоу мучила жажда, в горле пересохло. Кожа стала горячей и липкой. В воздухе витал запах пота и крови. «Галакси Лаунж» был битком набит телами, как живыми, так и мертвыми.

Лопес больше не разговаривал. Его взгляд остановился на каком-то пятнышке на противоположной стене. Он качался на спинке своего кресла. Стук. Стук. Стук.

Рядом с ней тихо плакала Юри. Грейс лежала на ее коленях. Ее веки трепетали, дыхание стало беспокойным.

Кровь забрызгала их лица, одежду. На теле Уиллоу она тоже была, крошечные капельки, словно вуаль, рассыпались веснушками по ее рукам. Уиллоу ожесточенно оттирала их тканью своего платья. На коже все еще оставались слабые мазки красного, от которых она не могла избавиться. Так же, как не могла вытравить крики в своей голове или запах смерти, наполнявший ее ноздри.

Она старалась не смотреть на сокрушенное тело, обмякшее в оранжевом кресле рядом с ней.

Горло саднило, язык распух и стал толстым. Она представила себе капли воды, мерцающие, как драгоценный кристалл. Вспомнила, как голубая вода наполняет бассейны, струится в фонтане в атриуме.

Два террориста прошли по проходу мимо нее, их черные пистолеты блестели, так близко. Уиллоу представила, как выхватывает один из их рук. Она никогда раньше никого не убивала, но это должно быть не так уж сложно, если ты достаточно зол, достаточно напуган. А в ней сейчас хватало и того, и другого.

Она почувствовала движение у входа в «Галакси Лаунж». Несколько голосов закричали одновременно. По залу разнеслись выстрелы. Она поднялась на колени, чтобы выглянуть из-за сиденья перед собой.

Фиолетовые кулисы сцены резко распахнулись. В образовавшуюся щель протиснулась дюжина мужчин. Они бросились на охранников, стоявших на сцене. Несколько человек в форме офицеров безопасности были вооружены пистолетами. Другие схватились за пожарные топоры, прикрепленные к стене за защитным стеклом.

Первый террорист упал на ковер. Второй поднял пистолет, но пассажир с топором настиг его первым, вонзив лезвие глубоко в грудь.

Остальные террористы, охранявшие боковые и заднюю части зала, побежали к сцене с винтовками наперевес. Пассажиры и офицеры на сцене бросились в укрытие, но не раньше, чем послали свой собственный залп пуль, над головами заложников. Люди закричали и бросились на пол.

По центральному проходу рядом с ней бежал один из террористов. Вдруг он споткнулся и упал. Красная лужа растеклась по ковру под его грудью.

Она смотрела на его тело, не в силах пошевелиться, вздохнуть. Она была достаточно близко, чтобы видеть его глаза, широко раскрытые и остекленевшие, уставившиеся в пустоту. Его рот так и остался открыт, откуда-то изнутри доносился булькающий звук.

— Заберите его оружие! — крикнул кто-то.

Страх скрутил ее живот. Уиллоу не могла пошевелиться. Все ее существо кричало,

чтобы она оставалась на месте, укрывшись за рядами сидений перед ней. «Просто оставайся на месте. Делай то, что тебе говорят. Сохрани жизнь».

Она не могла. Зия. Одно единственное слово, молнией пронзило ее насквозь.

По ее вине Зия осталась одна. Это ее обязанность — найти сестру. Голос мамы звучал в ее голове: «Позаботься о них». Если Уиллоу этого не сделает, как она сможет встретиться с мамой? Как она сможет смотреть в глаза самой себе?

Она должна найти сестру. Должна быть храброй. Она должна проявить смелость прямо сейчас, черт возьми.

Уиллоу привстала на ноги. Слева от нее раздалось «тра-та-та» автоматного огня, в то время как она перебиралась через проход. Она быстро переступила через тело террориста, когда мужчина средних лет и молодая женщина прокрались вперед и схватили штурмовую винтовку. Еще несколько человек вскочили со своих мест и побежали к запасному выходу.

Уиллоу нырнула между рядами и карабкалась по ногам и ступням, пока не достигла самого отдаленного прохода вдоль крайней правой стены лаунжа. Террористы, охранявшие эту сторону, исчезли, присоединившись к бою в центре зала. Она старалась не задумываться о происходящем — о том, кто побеждает или проигрывает в битве, разыгравшейся на сцене «Галакси».

Двигаясь вдоль рядов, она высматривала среди испуганных лиц свою сестру.

— Зия! — позвала Уиллоу так громко, как только осмелилась. Просто чудо, если кто-нибудь услышит ее сквозь грохот пуль и крики. — Я ищу филиппинскую девочку, с короткими волосами бирюзового цвета, — повторяла она десятки раз всем, кто находился в пределах досягаемости.

— Подожди, — проговорила седовласая индианка в шерbetно-оранжевом брючном костюме. Она втиснулась между стеклянным журнальным столиком и спинкой изогнутого дивана перед ней. — Бирюзовые волосы?

Сердце Уиллоу остановилось.

— Это моя сестра.

Женщина выглядела изможденной, глаза налились кровью. Мочка ее правого уха была порвана и покрыта коркой засохшей крови, как будто у нее вырвали серьгу.

— Она была впереди, с этой стороны. Но, милая, ты должна знать...

Уиллоу не услышала продолжения. Она уже двигалась, пробираясь по проходу, направляясь к первому ряду. Пульс грохотал в ее ушах. Она не могла глотать, не могла дышать.

Зия. Она должна отыскать Зию.

Никто не охранял передний правый выход. Уиллоу могла сбежать. Сбежать из этого богато украшенного гроба и найти какую-нибудь нору, чтобы спрятаться в ней, пока все не закончится. У других пассажиров возникла та же мысль. Они выскальзывали по одному или по двое. Еще несколько мгновений, и люди отважатся на массовое бегство. Давка привлечет внимание террористов.

Она добралась до первого ряда и пробралась вперед. Между ней и битвой на сцене не осталось никаких препятствий. На полу валялись тела террористов, пассажиров и офицеров. Занавес сцены изрешетили пули.

Несколько человек вступили в рукопашную схватку. С балкона над ней доносились крики. Это хорошие парни? Или террористы, пришедшие на подмогу?

Пуля вонзилась в сцену всего в нескольких метрах от Уиллоу. Она пригнулась,

прижавшись к ковру. Повернула голову, приложив щеку к шершавым волокнам.

И увидела свою сестру. Холодный ужас наполнил Уиллоу сильнее, чем все страхи и ужасы, которые происходили раньше.

Зия лежала под журнальным столиком, осколки стекла рассыпались по ее распростертому телу. Она не двигалась. Ее голова покоилась под неудобным углом, кровь запеклась на губах и бирюзовых прядях волос.

Ее глаза были открыты. Но они не видели Уиллоу.

Они больше ничего не видели.

Амелия

Габриэль сидел, скрестив ноги, перед Амелией. Он молча скормил ей несколько чипсов. На вкус они показались ей соленым картоном, но она все равно их съела.

Его лицо оставалось закрытым, челюсть сжатой. Она не могла его прочитать. Но ему необязательно ее кормить. Не нужно давать ей воду. Эта доброта должна что-нибудь да значить. «Используй то, что у тебя есть».

— Могу я спросить?

Он уставился в смотровое окно и потер затылок. Челюсть стиснута, лоб нахмурен.

— Неужели все это просто уловка?

— Конечно. — Мышцы на его щеке дернулись.

— Даже... даже у джакузи? Даже здесь?

Он не сводил глаз с окна.

— Именно это я только что сказал.

— Хорошо. — Она старалась не чувствовать боли, пронзившей ребра. — Но почему? Зачем ты это делаешь?

— Тебе лучше замолчать, — жестко проговорил Габриэль.

— Считаешь, что я не заслуживаю знать?

Долгую минуту он молчал. Может быть, она неправильно его поняла. Или неправильно просчитала свою игру. Она совершила ошибку, даже не начав.

— Жаль, что мне пришлось обмануть тебя, — признал он наконец. — Я бы не стал... Я бы хотел, чтобы все сложилось иначе.

Амелия постаралась не выдать нахлынувшее на нее облегчение.

— Я хочу понять. Я думала... я верила, что ты хороший человек.

Что-то мелькнуло на его лице.

— Я хороший.

— У тебя пистолет и заложник. В этом нет никакой логики.

— Иногда нам приходится заниматься тем, что мы предпочли бы не делать. Справедливость требует жертв.

— За какую справедливость вы боретесь?

Его глаза вспыхнули.

— Справедливость во всем. Справедливость для всех. Для людей.

— Для каких людей?

— Для всех, кроме вас в ваших стеклянных башнях или дворцах из слоновой кости, называй как угодно. — Габриэль почти выплюнул эти слова. — Вся ваша элита с частными самолетами, лекарствами от рака и процедурами по восстановлению возраста — кто, по-вашему, платит за это? Это наше — купленное нашей кровью, потом и слезами.

— Это не правда...

— Ты хоть представляешь, каково сейчас простому человеку? Инфляция настолько высока, что мы больше не можем позволить себе свежие овощи — если они вообще есть в продаже. Они кормят нас готовыми лабораторными помоями, а ваши люди забирают все, что осталось от настоящей еды, не уничтоженной эпидемией грибковой гнили. А рабочие места? Никто больше не может позволить себе колледж. Чтобы устроиться на дермовую

должность менеджера по надзору за ботами в «Макдональдсе», нужен бумажный диплом. Эта работа — просто насмешка.

Ее пальцы подергивались, зудя в поисках браслета. Неужели все действительно так плохо? Заголовки новостей, появляющиеся на ее смартфонном дисплее, постоянно кричали о смерти и катастрофах. Критическая нехватка воды. Эпические штормы. Засухи и голод. Беспорядки в Чикаго и Атланте. Террористические атаки. Но никто из ее знакомых не говорил об этом, разве что как о проблеме, требующей решения, бедствии, от которого нужно избавиться.

— Ты злишься.

Габриэль вскочил на ноги и начал вышагивать.

— Да, мы злы. Люди злы. Хуже того, люди болеют. И умирают. И никто ни черта не делает, чтобы помочь. Нет справедливости. Не в этой стране. Больше нет.

— Как я могу помочь? У моего отца есть власть и влияние. Я могу поговорить с ним. Я могу...

Он резко дернул головой.

— Время для разговоров прошло.

Амелия облизала губы.

— Что вы собираетесь делать?

— Собираемся делать? Мы уже делаем.

— Но что дальше? Что вы получите?

Он натянуто улыбнулся, но улыбка не достигла его глаз.

— Мы проникнем и уничтожим этот бастион роскоши, этот символ предосудительной расточительности и излишеств, а затем поставим на колени всю эту раздутую, коррумпированную систему. Президент, Конгресс, Коалиция Единства — все узнают. Вторая революционная война началась.

Габриэль слишком разгорячился, в его глазах светилась ярость, пистолет дико раскачивался в руке. Она плохо его знала, но это не похоже на него. Не похоже на его собственные слова.

Тактика похоже выбрана неверно. Она хотела его успокоить, а не распалить. Следовало заставить Габриэля увидеть ее по-настоящему, а не в его предвзятом, искаженном представлении, превращающем Амелию во врага. Для него она олицетворяла все, что он ненавидел: излишества, жадность, коррупцию, тщеславие. Она должна показать ему, что тоже человек.

В один момент его бдительность исчезла. Когда она оступилась. Когда зрение помутилось, и очередной жестокий припадок обрушился на нее. Она проявила слабость — слабость, которую ненавидела, но именно тогда Габриэль ей посочувствовал. В его глазах она увидела искреннее беспокойство. Сострадание. И когда он поцеловал ее — все произошло по-настоящему. Она знала точно.

Амелия все еще чувствовала это. Вопреки себе, вопреки всему. То головокружение, когда Габриэль смотрел на нее, то трепет в животе. Часть ее проклинала свое предательское сердце. Она не должна чувствовать к нему ничего, кроме ненависти, страха и отвращения. Но она чувствовала. И не могла остановиться.

Габриэль так отличался от всего, что она знала всю свою жизнь, от повального безразличия, от всего блестящего, фальшивого и ненастоящего. Он кипел страстью, силой и отчаянным желанием. Рядом с ним ее сердце бешено билось в груди, ей хотелось быть другой. Она хотела быть сильнее. Быть той, кого он мог бы уважать.

Это ее слабость — одна из многих, но Амелия знала, что и его тоже. Она должна отыскать ее снова, найти в нем и надавить, просунуть пальцы в крошечную щель и протиснуться внутрь.

— Похоже, твоя жизнь трудна.

— Жизнь каждого человека трудна. — Лицо Габриэля наполнилось не только гневом. Боль омрачила его глаза. — В этом нет никакого секрета. Это повсюду во влогах и новостных лентах — ну, во всяком случае, их собственная извращенная версия. Но вам все равно. Никому из вас нет дела.

— Это неправда. — Но так и было, и Амелия это знала.

— Ты читаешь ленту новостей и оповещения на своем смартфлексе? Или проматываешь потому, что это тебя раздражает? Потому что не можешь справиться со всем негативом?

Амелия открыла рот, но обнаружила, что не может ничего сказать. Она вспомнила день за несколько лет до этого, когда вернулась домой с репетиции оркестра и застала свою мать, рыдающую перед голоэкрном. Амелия бросила сумку на кухонный стол и поспешила в гостиную.

— Что случилось? — Должно быть, умер кто-то важный или...

Когда мама подняла голову, ее лицо заливали слезы, хотя макияж по-прежнему оставался безупречным.

— Слонов больше нет.

— Что? — Амелия замерла, уставившись на нее.

Мама показала на голоэкрн.

— Последний слон только что умер в заповеднике дикой природы Намибии в Африке. Слоны официально вымерли.

— Но мы только что видели одного в зоопарке.

Она пренебрежительно махнула рукой.

— Это не... это не настоящие слоны. Они модифицированы. Генетически модифицированные.

— Но почему ты плачешь? — Амелия недоумевала, но вместе с тем испытывала беспокойство и легкую тревогу, как будто ей не хватало какого-то важного кусочка головоломки. Но она не знала, что это за кусочек и даже какой формы.

Ее мать всегда расстраивалась из-за подобных вещей, как будто трехпалые ленивцы, черные носороги и белые медведи — это драгоценные семейные питомцы, которых она знала и любила, а не картинки на голоэкрне или муляжи, которые они видели во время школьных экскурсий в зоопарк раз в год. Слоны, носороги и другие животные в зоопарке казались вполне реальными. За определенную плату на них можно даже покататься.

Сейчас Амелия испытывала то же чувство тревоги и растерянности. Только она уже начинала видеть нечеткие очертания недостающей части. Это всегда казалось таким далеким — вымершие животные на других континентах, голодающие дети в Аризоне, беспорядки в Тампе и Чикаго, тонущие города в Новом Орлеане.

Только здесь перед ней стоял Габриэль, и на его лице застыла боль.

— Мне жаль, — произнесла она.

— Если бы у меня не нашлось нужных связей, верного друга, который мне помог, то я бы остался ни с чем. Ни безопасности, ни работы со льготами, ни возможности иметь крышу над головой для меня и моего брата. — Он остановился, прислонился к лестнице и глотнул воды. — Американская мечта, черт возьми.

— А твои родители?

Выражение его лица смягчилось.

— Они старались изо всех сил. Мой отец работал в строительстве до того, как большинство вещей стало автоматизированным. Даже после целого дня тяжелой работы он приходил домой и готовил для нас ужин. Мама ненавидела готовить, но папе нравилось. Он готовил *аррос кон хабичуэлас*, простой рис и фасоль, но умел придать им потрясающий вкус. Однажды у Мики был день рождения. Наверное, лет десять исполнялось. Мама решила приготовить его любимые тостоны, жареные бананы, но отвлеклась, читая одну из своих книг. В следующий момент раздался сигнал пожарной тревоги, тостоны почернели, а она была по клубящемуся дыму мягкой обложкой книги.

— Это прекрасное воспоминание.

— Я рассказываю тебе это, потому что она была живым человеком с настоящими чувствами, а не просто статистикой, цифрой или таблицей анализа затрат и выгод. Мама заболела, когда мне было четырнадцать. Она спала, когда мы приходили домой из школы. Потом у нее начали выпадать волосы. Страховая компания не давала добро на лекарства, которые могли бы ее вылечить, например, средство твоего отца. Слишком дорого. Хоть представляешь, каково это — знать, что есть нужный препарат, но никто тебе его не даст?

Голос Габриэля дрогнул. Он сделал еще один глоток воды и закрыл бутылку дрожащими руками.

— Мой отец, он просто... он не выдержал. Он сдался. Мы все вместе мастерили железную дорогу в подвале. Он строил дома и маленькие деревянные поезда, чтобы мы с Микой в них играли. Но после... Он начал принимать Шелк, чтобы справиться, чтобы прожить еще день. Постепенно он перестал что-либо делать. Готовить, убирать, строгать, работать. Даже есть, в конце концов. Ты когда-нибудь видела, как человек умирает от голода? Вот что делает Шелк. Мы с Микой наблюдали, как они оба умирают.

Каждое слово раскаленной кочергой пронзало ее внутренности. Ее переживания по поводу карьеры скрипачки и желание угодить своему суровому отцу выглядели настолько несущественными, что казались просто непристойными.

— Габриэль, мне жаль.

Он уставился на нее, по его лицу пробежали тени, во взгляде клубилось столько темных эмоций.

— Что ты можешь знать? Ты ничего не знаешь.

Это правда. Она не знала. Какие бы проблемы у нее ни случались, привилегии и богатство избавили ее от худшего. Она и в самом деле была эгоисткой, поглощенной своим собственным миром.

— Мне правда жаль.

Все слова, что Амелия собиралась сказать, пытаясь выглядеть слабой, вызвать симпатию, манипулировать им, превратилось в пепел на ее языке.

Уиллоу

Низкий стон сорвался с губ Уиллоу.

Зия уставилась в пустоту, ее глаза остекленели и не мигали.

Уиллоу пыталась дотянуться до разбитого кофейного столика, чтобы сделать искусственное дыхание сестре, хотя мозг подсказывал, что она мертва, а сердце кричало: «Прости! Не оставляй меня!»

Она подалась вперед, упираясь руками и голыми коленями в осколки битого стекла в ковре. Ей было все равно. Она не чувствовала боли. Пульс отдавался в кончиках пальцев, в животе, в горле.

Уиллоу взяла сестру за руку и притянула к себе, пока они не оказались лицом к лицу. Кожа Зии казалась холодной на ощупь, липкой и резиновой, как какая-то нереальная вещь, как дурацкая кожа робота, которая вызывала дрожь отвращения, если она смотрела на нее слишком пристально. Похожая на человеческую, близкая, имитирующая — но не как у человека. Не живая. Больше нет.

«Я не хочу, чтобы ты торчала рядом». Последние слова, которые она сказала сестре, такие злые и уродливые. Слова, которые она даже не имела в виду. Зия не знала, как ей стыдно. И никогда не узнает. Уиллоу отдала бы все, что у нее есть, чтобы вернуть время вспять, чтобы вернуть Зию.

Сильная дрожь пронизывала ее тело, волна за волной накатывало горе. Зия с ее странным заливистым смехом и одержимостью бирюзовым цветом, с громким, задорным голосом, наполнявшим каждую комнату. Оптимистичная, милая и глупая Зия. Зия, которая только и хотела, чтобы Уиллоу обратила на нее внимание.

Она уткнулась в лоб сестры, как они делали это в детстве, когда Зии снился кошмар и она заползала в кровать Уиллоу, прижавшись своим маленьким телом к ней. Когда только стоило сказать: «Все будет хорошо», и так оно и было.

Уиллоу лежала так, сжимая холодную руку сестры, глядя в глаза, которые больше не были глазами Зии и никогда ими не станут.

Безмолвный крик внутри нее не прекращался. И не прекратится. Будет продолжаться снова и снова, и ей не избавиться от него никогда.

Мика

— Мы здесь призраки, — объяснил Патель. Они присели за линией из шести игровых автоматов в задней части казино. — Ни одна камера не может поймать этот ракурс, только камеры внутреннего наблюдения казино. О них можно не переживать.

— Куда мы пойдём? — спросил Мика.

Джерико забрал рации погибших и прикрепил их к своему поясу.

— Сначала в кабинет начальника охраны, чтобы пополнить запасы оружия из его сейфа.

— Как вы собираетесь получить доступ? — уточнил Мика.

Патель помрачнел.

— Начальник службы безопасности и еще несколько офицеров прячутся там. Я не в силах трусливо сидеть и ничего не делать, отправился за помощью.

— И ты ее нашел, — прорычал Джерико. — Как только у нас будет больше оружия и людей, мы возьмем мостик. Мне нужно защитить Деклана Блэка.

— А что с остальными пассажирами и экипажем? — Мика все еще не мог нормально дышать, у него не получалось втянуть достаточное количество кислорода, чтобы ослабить тугое, давящее чувство в груди. Он продолжал видеть тень, нависающую над ним, переживал изнурительный прилив страха, когда собственная смерть чуть его не настигла.

— Мы в меньшинстве. — Джерико провел рукой по своей стриженной макушке. — Нас перебьют, если мы попытаемся захватить один из пунктов сбора. Моя главная цель — вытащить Деклана Блэка и его семью с этого корабля. Тебе просто чертовски повезло.

— Но все эти люди...

— Скорее всего, уже мертвы.

Мика покачал головой.

— Но мы должны хотя бы попытаться.

Джерико поднялся на ноги.

— Нет, не должны. Каждая минута промедления увеличивает вероятность обнаружения.

— Он прав, — отозвался Сайлас. — У небольшой группы больше шансов выжить. Сейчас не время играть в героя.

Гнев пронзил Мику, как электрический ток.

— Сейчас самое время проявить героизм! — Но его никто не слушал.

Джерико указал на тела террористов.

— Наденьте их одежду. В ней вы сможете передвигаться по кораблю, не беспокоясь о камерах.

Сайлас скривился.

— Там кровь.

— Не так много. Быстрее. Я прикрою вас.

Сайлас и Мика сняли с тел боевое снаряжение и темную одежду. Мика боролся с волнами тошноты, двигая мертвые конечности, все еще мягкие и податливые. Как будто он переодевал гигантскую куклу. Вот только пять минут назад эта кукла была живой. Этот человек мечтал, переживал, сожалел. У него была семья. Люди, которых он любил.

Мика снял лыжную маску и вдохнул полной грудью. Парень был молод, прыщи все еще усеивали его лоб. Он выглядел ровесником Габриэля.

— Ты ведь не собираешься размякнуть? — ухмыльнулся Сайлас, натягивая пуленепробиваемый жилет.

Мика проигнорировал его, сосредоточившись на снятии собственной одежды и переодевании. Рубашка террориста имела две небольшие дырки на плече, брызги крови не успели высохнуть. Мика снова поморщился и отвернулся, чтобы Сайлас ничего не заметил.

Но желудок Мики сводило не только от крови. Он подумал о Су Су, шеф-поваре Йокумсене и всех остальных невинных людях, запертых на сборных пунктах этими монстрами с оружием. И об Амелии, удерживаемой против ее воли в Океанариуме.

Он должен рассказать Джерико об Амелии. Где она, кто держит ее в плену. Но слова застряли у него в горле. Для Джерико Габриэль не кто иной, как террорист. Джерико пристрелит его без раздумий. Мика не мог рисковать жизнью своего брата, не тогда, когда знал, что Габриэль никогда не причинит вреда Амелии. Он впутался в нечто ужасное, но он не убийца. В любом случае там, внизу, с ним она в большей безопасности, чем здесь, наверху.

— Как насчет сигнала бедствия? — спросил Мика. — У каждой спасательной шлюпки есть такой сигнал. Мы можем включить аварийный маяк, чтобы береговая охрана могла прийти нам на помощь.

— Нет времени. Наш первоочередная задача — капитанский мостик.

— Мы должны хотя бы что-то сделать!

— Говори тише. — Джерико хрустнул костяшками пальцев. — Выдвигаемся через минуту.

Шеф-повар Йокумсен рисковал своей жизнью, чтобы Мика мог позвать на помощь. Он должен попытаться. Он не мог стоять в стороне и бездействовать.

— Тогда я пойду сам.

Сайлас фыркнул.

— Тебя убьют.

Корабль накренился. Мика пошатнулся, затем выпрямился. Он водрузил очки на переносицу.

— Значит, мне придется рискнуть.

— Как хочешь, — проворчал Сайлас.

Патель почесал бороду.

— Неплохо было бы проверить, насколько хорошо охраняются спасательные шлюпки. И мы не знаем, сколько времени потребуется, чтобы отвоевать мостик. Думаю, потраченное время стоит возможной опасности.

Джерико сузил глаза, изучая карту. И вздохнул.

— Хорошо, отправимся в кабинет начальника охраны и на мостик после спасательных шлюпок. Но риск высокий. Я не могу обещать, что мы не попадем в смертельную ловушку.

— Спасибо, сэр, — с облегчением поблагодарил Мика. — Вы не пожалеете об этом.

— Посмотрим. — Джерико протянул ему винтовку, с виду довольно опасную. — Не используй ее без крайней необходимости. Относись к ней с должным уважением. И что бы ты ни делал, не паникуй и не стреляй в спину своей собственной команде. Понятно?

Мика кивнул. Джерико сверился с картой корабля на его браслете, затем быстро проинструктировал его, как пользоваться оружием и что делать, если они попадут под вражеский огонь. Бегать зигзагообразно. Найти укрытие, но не задерживаться в нем слишком долго. Не допускать туннельного зрения. Не стрелять бесконтрольно, длинными

очередями. Точный огонь выигрывает бой. Первый выстрел обычно мимо; второй и третий убивают, так как стрелок корректирует прицел.

— Это твое боевое крещение. Готов?

Мика крепче сжал винтовку, стараясь, чтобы руки не дрожали. Порезы на его пальцах снова открылись, оставляя свежие красные пятна на черном металле. Он едва мог слышать Джерико из-за рева в ушах.

Наконец, Джерико остался доволен. Он приказал им двигаться. Мика последовал за ним, немного позади и слева. Сайлас пристроился справа, а Патель шел сзади.

Винтовка оказалась громоздкой и неудобной, тяжелее, чем Мика думал. Он держал ее так, чтобы приклад прижимался к подмышке, а дуло смотрело в сторону от правой ноги, как показал ему Джерико. Так он мог поднять, прицелиться и выстрелить одним плавным движением. При мысли, что придется стрелять в кого-то, у Мики заурчало в животе. Террорист все равно оставался человеком, каким бы злым он ни был.

Они поднялись по лестнице на пятую палубу и осторожно прокрались вдоль края прогулочной дорожки, двигаясь к правому борту. Миновали кафе «Розовый риф», в кирпичном внутреннем дворике которого беспорядочно валялись опрокинутые столы и стулья. Окна всех дизайнерских магазинов были разбиты, витрины разгромлены, украшения, сумочки и дизайнерские смартфлекссы исчезли. Стеллажи с нарядными платьями в блестящих тонах оказались перевернуты, товары разбросаны по полу.

Его ноги хрустели осколками разбитого стекла, фарфора и хрусталя из простреленных люстр. Зазубренные куски богато украшенных бронзовых панелей свисали с потолка высоко над ними. Но хуже всего были мертвецы. Так много трупов. Террористы не дали им шанса добраться до пунктов сбора. Сотни пассажиров замерли там, где их застала смерть.

Мика заставил себя смотреть на мертвых, шепча молитву за каждого. Некоторые были одеты в красивые платья и смокинги, другие — в шорты и шлепанцы. На лицах застыло выражение ужаса. Никто из них не думал, что сегодня умрет. Он прошел мимо мальчика с кудрявыми светлыми волосами, не старше десяти лет.

Палец Мики дрожал рядом со спусковым крючком. Как Бог мог допустить такое?

Нет, не Бог. Как там в стихотворении Йетса? «Человек создал смерть». Люди сделали это. Это сделал Габриэль. Габриэль и его радикально настроенные «Новые Патриоты». Габриэль не планировал этого насилия, но оно все равно обрушилось на них.

Насилие породило насилие. Смерть породила смерть. И вот чем все закончилось. Не победой одной стороны, а горем и страданиями обеих сторон. С мертвыми детьми.

Сколько еще детей погибнет, прежде чем все закончится?

Уиллоу

На ее глазах происходил конец света, но для Уиллоу мир уже рухнул.

Для Зии жизнь закончилась. Все должно завершиться и для Уиллоу. Смерть станет освобождением, облегчением, справедливым наказанием за то, что она позволила умереть собственной сестре...

Бенджи.

Эта мысль пробилась сквозь шок и невыносимое горе, обрушившееся на Уиллоу. Она застонала, закрывая глаза. Но разум не давал ей этого сделать. «Двигайся!» — кричал он Уиллоу.

Двигайся!

Часть Уиллоу хотела сдаться, свернуться калачиком рядом с Зией и позволить волне крови и насилия захватить ее, как это происходит со всем остальным. Однако другая ее часть оставалась в сознании, убитая горем, но все еще живая. Она не могла умереть сейчас. У нее все еще есть Бенджи. Она ему нужна.

Медленно ее мозг регистрировал выстрелы и крики, которые теперь стихли. Сражение шло на убыль. Если уж она собиралась двигаться, то не стоит медлить.

Уиллоу безумно хотелось крепко обнять сестру и никогда не отпускать. Оставить ее здесь вот так, бросив тело, как мусор — это казалось предательством. Осквернением.

— Прости меня. — Голос Уиллоу захлестнула печаль, сожаление и скорбь. — Я так виновата.

Каждый мускул в ее теле болел, когда она поднялась на колени. Ладони горели от дюжины мелких порезов. Колени оставили кровавую полосу на ковре.

Сейчас ей нужно сосредоточиться на побеге. Она должна спасти Бенджи.

Уиллоу посмотрела в сторону сцены. Четверо мужчин стояли на коленях среди кровавой бойни. По одному террористу охраняли каждую сторону, двое других повернулись к заложникам, и кричали на них, направив концы своих винтовок в лица пленников. Большинство пассажиров все еще сидели на местах, слишком напуганные, чтобы убежать, потрясенные разворачивающейся перед ними картиной.

Она оглянулась назад, к правому переднему выходу. Дверной проем находился всего в полудюжине ярдов. Над дверью мигал красным светом знак выхода, одну из букв закоротило.

Раздался выстрел. Первый пленник упал, завалившись на спину, как мешок с мукой.

Уиллоу присела на полусогнутых ногах, чувствуя себя как натянутая пружина. Она игнорировала крики в мозгу, мучительную боль от стекла, все еще застрявшего в ладонях и коленных чашечках, грохот пульса, настолько сильный, что заглушал весь остальной мир...

Резко поднялась и бросилась бежать.

Пять футов. Десять. Слезы застилали глаза, все вокруг расплывалось.

Она проскочила дверной проем. Выстрелов не последовало. Никаких криков в ее сторону.

Она помчалась по коридору, судорожно ища ближайшую лестницу. Стремительно преодолев два лестничных пролета, Уиллоу остановилась на лестничной площадке, переводя дыхание. До нее доносились лишь приглушенные крики из «Галакси Лаунж» внизу.

«Думай». Она должна собраться с мыслями.

Что ей делать? Где спрятаться? Уиллоу коснулась браслета своей матери. Она могла попасть в любую комнату. Лучше всего пойти вниз, в помещения для экипажа, и найти какую-нибудь захудалую каюту, где можно затаиться, пока все не закончится, и «морские котики» или кто там еще не придут их спасать. Пиратам незачем туда спускаться. У экипажа нет ничего, что можно отобрать.

«Бенджи». Эта мысль пронзила ее так ясно, как будто кто-то крикнул прямо в ухо Уиллоу. Она не могла спрятаться. Пока не могла. Она должна найти оставшихся членов своей семьи. Сначала Бенджи. Мама хотела бы, чтобы она разыскала Бенджи. «Они — твоя ответственность».

Как только она найдет брата и маму, они лягут на дно, пока их не спасут, как и сказал Лопес. Кто-нибудь придет за ними. Каждый пассажир на этом чертовом корабле богат, как Мидас. Вся армия США должна отправиться на их спасение.

Она начала подниматься по лестнице на цыпочках, как будто это могло что-то изменить.

Звук.

Уиллоу повертела головой, пытаясь определить, откуда он идет: выше или ниже, слева или справа. Звук повторился. Снизу. Шаги. Кто-то поднимался по лестнице. По крайней мере, один, а может, и больше.

Она не могла понять, как далеко под ней они находятся, и не рисковала заглядывать через перила. Но шаги приближались. Мужской голос что-то пробормотал, а другой рассмеялся.

Адреналин забурлил в ее жилах. Она выскочила с лестничной площадки, отчаянно надеясь, что не бросается из огня да в полымя. Обогнула угол и прижалась к кирпичной фасадной стене.

Это оказалось небольшое кафе с дюжиной маленьких столиков и барных стульев под решеткой, увешанной биолюминесцентными лампочками сотни разных цветов. Вокруг и над ней расстилалось широкое открытое пространство. Все детали выглядели тусклыми и трудноразличимыми.

Уиллоу моргнула, пытаясь привыкнуть, и пошла вдоль стены к нише с высоким вьющимся растением. Присела за ним, втиснувшись между стеной и огромным керамическим горшком, поправляя ветви, чтобы затеряться. В качестве укрытия он никуда не годился, но что поделать. Она заставила себя несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть, выглядывая между листьями.

Балконы корабельных апартаментов возвышались по обе стороны четырехэтажного атриума. Мозаичная дорожка, выложенная плиткой, вела мимо кафе к зарослям идеально ухоженных деревьев и кустарников, освещенных снизу мерцающими лампочками, которые постепенно меняли цвет от голубого к красному, розовому и пурпурному. Она оказалась в «Коралловых садах».

Высоко над ней по прозрачному потолку стучал дождь. Здесь не горел верхний свет, было только тусклое атмосферное освещение, позволяющее наблюдать за звездами в ясные ночи. Сегодня не одна из них.

Она находилась на корме — задней стороне восьмой палубы. Что еще есть на восьмой палубе? Уиллоу дважды коснулась браслета, и на экране появилась голограмма корабля. Множество кафе, элитных дизайнерских магазинов и галерея цифрового искусства удобно

расположились вокруг «Кораллового сада» — огромной парковой зоны с выложенными плиткой дорожками, искусно расположенными водопадами и ручьями, маленькими мостиками, извивающимися среди тропических деревьев, кустарников и растений в форме кораллового рифа.

Самая тихая палуба, которую она до сих пор избегала, потому что на ней не устраивали никаких развлечений для подростков или детей. На палубах выше располагались бары и театры, казино, снежная комната и центр пониженной гравитации, а также террасы для загара, где любой человек с оружием мог увидеть ее за милую.

Попав на среднюю лестницу, Уиллоу могла подняться на четырнадцатую палубу.

Голоса приближались. Она прижалась к стене. Двое террористов с огромными автоматами сопровождали стройную седовласую женщину в шелковом платье и норковой шубке.

Они прошли мимо всего в полдюжине футов от Уиллоу. Ее сердце бешено колотилось в груди. Если бы мужчины посмотрели налево, они бы увидели ее сквозь заросли. «Не дышать».

Женщина заплакала, оступившись на булыжниках в своих четырехдюймовых каблуках. Один из мужчин схватил ее за локоть и потянул вверх. Другой нес полупустую наволочку с драгоценностями.

— Вы не должны этого делать, — умоляла женщина. — Я могу перевести вам любую сумму. Пожалуйста, не трогайте нас.

Мужчина с наволочкой прорычал что-то на тагальском языке. Уиллоу не говорила на тагальском, но бабушка иногда его использовала. Дома на заднем плане всегда работал филиппинский канал. Она узнала несколько слов. «Заткни свой рот, свинья».

Они прошли мимо и скрылись в кустарнике.

Уиллоу с облегчением выдохнула. Корабль накренился, и ее желудок качнулся вместе с ним, вызывая тошноту. Над головой грохотал гром. Пора уходить. Она должна вернуться к ближайшей лестнице. От напряжения у нее затекли ноги. Уиллоу встала.

И замерла. С лестницы послышались новые звуки.

Ее укрытие слишком ненадежно, чтобы оставаться в нем. На этот раз ей повезло. Но нужно идти, и прямо сейчас.

Она обогнула вазон и оттолкнулась от стены. Идти по тропинке значит навлечь на себя беду, но она могла пройти через сам парк. Большая часть листвы послужит хорошим укрытием.

Уиллоу протиснулась через столы и стулья кафе, стараясь ничего не задеть, чтобы избежать шума, и пробралась между самшитом в форме гигантского мозгового коралла и лавровым кустом в форме пурпурного веера. Мульча, ветки и опавшая хвоя хрустели под ее босыми ногами. Она вдыхала аромат цветов и остролиста, напрягая слух, вслушивалась в пение птиц, доносившееся из динамиков.

Отодвинула в сторону два растения высотой по грудь, сформировавшиеся в тыквенно-оранжевые столбы. Шип зацепил ее платье, и она рывком его освободила. Сад пестрил цветами — желтые анемоны и голубые элхорны, розовые и зеленые растения, похожие на драконий глаз, и множество других, которые Уиллоу не могла назвать.

На секунду она почти забыла. На какую-то половину секунды ей это удалось — и вот снова боль пронзила сердце. Уиллоу никогда не сможет забыть, никогда не забудет, ни на минуту, что ее сестры больше нет, что она умерла ужасной смертью. Хуже того, она умерла

напуганной и одинокой. И в этом виновата Уиллоу.

Она прислонилась к стволу японского клена, вокруг нее трепетали красные листья, похожие на крошечные ладошки. С ее губ сорвался придушенный всхлип. Она закрыла рот обеими руками, ее плечи подрагивали.

Она не могла сорваться. Не здесь. Она не могла даже горевать. Не сейчас. Не сейчас, если она хотела выжить. Уиллоу зажмурила глаза, желая вернуть боль, запихивая горе, печаль и отчаяние в крошечную коробочку в уголке своей души.

Когда она открыла глаза, молния осветила атриум. Три темные фигуры двигались в неподвижном пространстве. Они появились всего в нескольких десятках ярдов впереди нее, скользя по дорожке, как бесшумные тени.

Раздался раскат грома. Кроме птичьего щебетания на ветке рядом с ней, она услышала другие звуки. Шаги и голоса. Позади нее.

Уиллоу замерла, и ее сердце покрылось ледяной коркой.

Она в ловушке.

Габриэль

— Мы знаем друг друга не так давно, — неуверенно проговорила Амелия. — Но я что-то почувствовала.

Габриэль пристально посмотрел на нее. Голубое сияние от голограмм мерцало на лице Амелии. От ее красоты захватывало дух. В его сердце образовалась крошечная брешь.

— Я что-то почувствовала, — повторила она громче. — Ты думаешь, что можешь судить меня, но это не так. На самом деле у меня нет времени или... близких отношений. Все мои ровесницы — дочери политиков, руководителей компаний или знаменитостей. Они хотят приблизиться к власти моего отца. Или мечтают оказаться в последнем блоге сплетен о знаменитостях, чтобы их фотографии в обнимку со мной пестрили по всему интернету.

Он скривил губы.

— Сейчас расплачусь.

— Я понимаю. Я все понимаю, ясно? Это ничто по сравнению с настоящими страданиями. Но я пытаюсь сказать, что до тебя никогда... — Она прочистила горло, румянец перекинулся на шею. — Мы такие разные. Но я увидела в тебе что-то, что-то в твоих глазах. Рядом с тобой я могу быть сама собой. Тебя не впечатляет влияние и власть моего отца, мое богатство и статус.

Он фыркнул.

— Видишь? Именно этого хотят все остальные. С тобой — это барьеры. Я еще не встречала никого подобного.

— Ты общаешься не в тех кругах.

— Да, я начинаю это понимать.

Он почти улыбнулся.

— Ты удивишься, насколько человеческими мы можем быть.

Она встретила его взгляд, ровный и немигающий.

— Я удивлена. Я признаю это. Ты удивил меня.

Осколок вины пронзил его легкие. Габриэль посмотрел вниз на оружие в своих руках.

— То, что я почувствовала, было настоящим. — Голос Амелии надломился. Он взглянул на нее. Ее лицо сморщилось, как будто она боролась со слезами. — Мне тяжело признавать. Но я чувствовала это. И я знаю, что ты тоже.

Корабль накренился. Габриэля затошнило. Он жестко произнес.

— Это было притворство. Я уже говорил тебе.

— Неужели так трудно признать? — Призрак улыбки коснулся ее губ, подбородок задрожал.

Амелия была дочерью Деклана Блэка, миллиардера, генерального директора, коррумпированного председателя Коалиции Единства, человека, который не позволял получить лекарство «БиоГена» всем, кто не родился с серебряной ложкой во рту, включая мать Габриэля. Он видел, как его мама умерла из-за ее отца. Амелия — враг.

Тогда почему ему казалось, что его сердце вот-вот разорвется?

— Всегда трудно показаться ранимым, — тихо сказала она. — Неважно, кто мы и откуда.

— Там, откуда я родом, нет места для ранимости.

— Я в это не верю. Ты любишь своего брата. Я видела это ясно как день.

Габриэль не стал отвечать. Слишком много запутанных эмоций клокотало в его душе. Так много вещей, которые он не хотел и не должен испытывать. Не имел права чувствовать. Воспоминание об их поцелуе нахлынуло на него — мягкое, открытое выражение ее лица, столь непохожее на холодную сдержанность, которую Амелия демонстрировала остальному миру.

Она проникла под его кожу. И он это ненавидел.

Габриэль вскочил на ноги.

— Я принесу попить.

Он перекинул винтовку через плечо и пошел по затемненному центральному проходу к ящику бутылок с водой у задней стены. Его рация зашипела, и в трубке раздался голос Симеона.

— Габриэль.

— Да, сэр?

— Проверка связи. На сборных пунктах тихо. Никаких серьезных попыток к бегству. Мы направляемся к нашей точке эвакуации. Все идет по плану, кроме Блэка. Он довольно... упрям. Как девчонка?

— Все хорошо.

— Будь готов привести ее на мостик.

Габриэль посмотрел в сторону океанариума. Амелия не сводила с него глаз. Его сердцебиение участилось.

— Симеон...

— Что?

Но он не смог задать этот вопрос.

— Я буду готов.

Он защелкнул рацию и достал из ящика две бутылки с водой. Вернулся к помосту, встал на колени и предложил Амелии воду.

— Могу я попросить тебя об одолжении? — спросила она. — Крепления на моих запястьях. Они настолько тугие, что я не чувствую пальцев. Повреждение нервов может повлиять на мою игру. Пожалуйста.

Ее глаза наполнились тревогой и страхом. Он видел Амелию со скрипкой. Знал, как ей это нравится, как она искусна. Ничего страшного не случится, если он освободит ее на несколько минут.

Габриэль вытащил нож из ножен на поясе и новую стяжку из кармана. Амелия наклонилась вперед, он просунул нож между ее рук и разрезал ремешок.

— Можно я разотру пальцы?

Он кивнул.

Амелия вытянула руки перед собой и затаила дыхание. Ее пальцы побагровели и распухли. Уродливое красное пятно опоясывало каждое запястье.

У него пересохло во рту.

— Мне жаль.

— Видишь? В тебе нет ненависти.

— Есть.

— Откуда, если ты проявляешь такую доброту?

Его челюсть сжалась.

— Во мне есть и ненависть, и любовь. Вот что заставляет нас ошибаться. Мы думаем, что это либо одно, либо другое, но это не так. Ведь ни любовь, ни ненависть не имеют ничего общего с правосудием?

— У нас все еще остаются наши чувства. Как насчет твоих? — Ее взгляд устремился на него. — Ты ненавидишь меня?

— Нет, — честно ответил Габриэль. Он ничего не мог с собой поделать. Он должен был ее ненавидеть. Все в нем хотело этого, нуждалось в этом, но он не мог. Он посмотрел в ее глаза и увидел печаль и страх, а под ними — силу. И мужество. — Сначала я думал, что да. Но это не так.

— Тогда выбери для себя другое, — прошептала Амелия. — Выбери любовь.

— Не все так просто. — Стыд и раскаяние пронзили Габриэля. Его сердце словно разорвалось на части. Каждая частичка внутри него напоминала разбитое стекло. — Это больше, чем я. Я не могу выбирать свои собственные эгоистичные желания, когда люди голодают, болеют и умирают. Это нечестно. Я должен быть готов к самопожертвованию.

Она потеряла свои распухшие пальцы.

— Может быть, ты жертвуешь не тем, чем нужно.

Габриэль больше не мог сопротивляться. Он потянулся к ее руке.

Амелия подняла на него глаза. Их лица находились на расстоянии дюйма друг от друга. Он пересчитал каждую бледную ресничку, проследил слабые брызги прыщиков вдоль линии волос. В бездонных глубинах ее глаз увидел отражение своей боли и потрясения.

Она переплела свои пальцы с его.

— Габриэль.

Он должен отдернуть руку. Должен ее связать. И вообще, ему следовало бы убраться как можно дальше от Амелии. Но он не ушел. Он не смог. От нее исходила нежность, свет, который озарял ее изнутри. Он чувствовал тепло, просто находясь рядом с ней. Он хотел быть рядом с ней.

Амелия наклонилась вперед. Ее дыхание участилось, так близко, что он почувствовал его на своей щеке.

Ее губы коснулись его губ. От ее прикосновения его кровь забурлила, кожа раскалилась.

Он чувствовал каждый удар своего сердца.

Амелия поцеловала его.

Она поцеловала его глубоко и страстно. Он открыл рот, позволяя ей целовать себя, впуская ее внутрь. Она зарылась пальцами в его волосы и притянула к себе. Темные и яростные эмоции вспыхнули в нем. Габриэль застонал. Все разом поднялось на поверхность, все что он не позволял себе чувствовать — его сомнения, страх, всепоглощающее одиночество.

И он ответил на ее поцелуй. Боже, помоги ему, он целовал ее в ответ. Выронив нож, схватил ее за талию и притянул к себе на колени. Она провела руками по его голове, прижав их с обеих сторон.

Он целовал ее, крепко, настоятельно и отчаянно, наполненный тоской, которой не мог дать названия. В этот момент, здесь, с ней, тьма внутри него отступила, как огромная черная волна.

Габриэль ощущал тепло Амелии, ее близость, запах, аромат ландыша в открытом поле. Она дарила безопасность. С ней он будто вернулся домой.

Амелия отстранилась. Он открыл глаза и судорожно вдохнул.

Она положила руку ему на грудь, над сердцем. Ее напряженные льдисто-голубые глаза впились в него.

— Вот это настоящее. Ты чувствуешь?

— Да. — Его голос охрип, в горле першило.

— И я реальная. Я живой человек. Я чувствую страх, боль и любовь, как и ты.

— Я знаю. — Он снова потянулся к ней, но Амелия соскользнула с его колен.

— Я не плохая. Да, совершала ошибки, но я не злая. То, что я выросла в богатой семье, не делает меня плохим человеком. Бедность не делает тебя плохим. Важны наши поступки. Наш... наш выбор.

— Иди сюда.

Амелия вернулась к нему. Он крепко ее обнял, погружаясь в ее мягкость, ее тепло. Его кожа горела. Кости плавилась.

Она снова поцеловала его, долго и медленно.

В Габриэля ткнулось лезвие. Холодное и острое.

Амелия прижала нож к его адамову яблоку.

«Дурак!» Как он мог быть таким идиотом! Ярость пронзила его насквозь. Искры посыпались из глаз, красные на черном полотне. Он ведь знал, что она такая же, как и все остальные.

— Как ты мог...!

— Я говорю, — заявила она. — Ты слушаешь.

Все это время Габриэль думал, что манипулирует Амелией, но она сама играла с ним и обманула при первой возможности. И теперь он так облажался, что Симеон никогда его не простит. Он предал дело. Предал свое собственное сердце. Он умрет трусом, предателем, его жизнь не будет иметь никакого смысла.

— Ты слушаешь? — спросила она.

Габриэль сжал кулаки, злясь на нее, злясь на себя. Но Амелия поймала его. Он беспомощен.

— Я могу убить тебя прямо сейчас, — пригрозила она. — А может быть, я выбегу отсюда, и какой-нибудь другой террорист застрелит меня, или будет пытать, или... неважно. Но что бы ни случилось дальше, я знаю, что должна сделать. Я должна тебя убить.

Острая горечь застыла на его языке.

— Просто сделай это.

Она вдавила лезвие глубже.

Уиллоу

Уиллоу оказалась в ловушке.

По тропинке к ней приближались три фигуры. По меньшей мере двое находились сзади. Японский клен не обеспечивал достаточного прикрытия. Она осталась без защиты.

Мост. Десять футов прямо впереди. Он ближе всего. Единственный вариант. Она опустила на четвереньки и поползла к нему, надеясь, что гроза и окружающий шум скроют ее движения.

Уиллоу пробралась сквозь несколько ухоженных кустов, названия которых не знала. Шипы и острые ветки тыкались ей в лицо, царапали руки.

Преодолев заросли, она соскользнула по галечному берегу в воду, стараясь не допустить всплеска. Вода была холодной и глубже, чем она думала — до бедер, если бы Уиллоу стояла. Она низко пригнулась, чтобы вода доходила ей до шеи, и поплыла к мосту.

Мост имел дугообразную форму и ширину около шести футов, под ним сгущались темные и тяжелые тени. Если ее не заметили, когда она спускалась в воду, то она должна быть...

Уиллоу на что-то наткнулась. Это что-то ударило ее в ответ.

Она подавила крик.

Что-то мокрое и теплое схватило ее за руку.

— Шшшш!

Она моргнула, сердце бешено колотилось, каждый нерв и клетка ее тела пришли в боевую готовность. Она привыкла к темноте.

Девочка приблизительно ее возраста пристально смотрела на нее, сверкая белками широко раскрытых глаз. Уиллоу узнала в ней одну из тех богачек, которые расхаживали по кораблю так, словно он принадлежал им — высокую афроамериканку с медно-рыжими кудрями, образующими ореол вокруг лица. Полные губы и рельефные скулы делали ее внешность идеальной. Даже в страхе она выглядела как существо с другой планеты.

Уиллоу выдохнула.

Девочка впила длинными наманикюренными ногтями в предплечье Уиллоу. И поднесла один палец к губам.

Уиллоу кивнула. Они подняли головы к мосту над ними и прислушались.

Тяжелые шаги гулко простучали по настилу. Голоса доносились с обеих сторон.

— Докладывайте.

— Нашли около десяти человек, прячущихся на катке. Они раздобыли несколько пожарных топоров, а у одного был пистолет. Потеряли Круза и Сэмпсона. Но мы их всех перебили.

— Продолжайте. Я хочу, чтобы каждый уголок этого корабля очистили. Больше никаких сюрпризов.

— Принято.

Сердце Уиллоу заколотилось громче, дико ударяясь о ребра. Конечно, они его услышат. Они найдут их и тогда...

— Ну, так приступай, вонючая крыса.

Два пары сапог зашагали с мостика в сторону кормовой части корабля.

— Все почти закончилось, — раздался тихий голос сверху. Женский. С акцентом, который Уиллоу не могла определить. — Осталась еще пара. Потом все будет готово к взрыву.

— Я сам пристрелю эту мелкую гниду.

— Не сомневаюсь. Но сначала нам нужно уложиться в срок.

Вторая группа ушла в противоположном от кормы направлении.

Уиллоу мысленно считала секунды. Они прождали целую минуту, прежде чем кто-то из них осмелился пошевелиться или вздохнуть.

Девушка начала плакать, слезы текли по ее щекам.

— Я была со своей подругой, Кендэл, в казино. Мы слышали это дурацкое объявление, но нам повезло с игровым автоматом, и она сорвала куш в пятнадцать сотен баксов. А теперь... теперь она мертва. Они просто ворвались, как сплошная черная стена... Они убили так много людей. Просто расстреливали всех подряд, как будто пассажиры пустое место.

— Я знаю. — Уиллоу чувствовала оцепенение, не вникая в ее слова. Ее мозг не мог сосредоточиться. Он постоянно возвращался к разговору, который они подслушали. Она повторяла фразы снова и снова в своей голове.

— Я побежала, что мне оставалось делать?

— Понимаю. Все в порядке. Я Уиллоу. Как тебя зовут?

— Селеста Кингсли-Йетс. Как нам теперь быть?

Уиллоу подняла руку из воды, показав браслет на запястье.

— Я сначала думала добраться до помещений экипажа и спрятаться в каюте, пока флот или кто бы то ни было не придет нас спасти. Но мне нужно...

— Ты можешь открыть каюты?

— Это мамин браслет. У нее есть доступ. Но я не собираюсь...

Но Селеста уже отплыла от нее. Они вынырнули из-под моста, осмотрели окрестности и вылезли наружу. Вода стекала по рукам и ногам Уиллоу. Ее платье промокло и прилипло к влажной коже. Она потянула за ткань, скатала ее в шарик и отжала.

Селеста запнулась на тропинке, потянув лодыжку.

— Сними обувь, — посоветовала Уиллоу. — Это чудо, что ты ничего не сломала.

Селеста выпрямилась, недовольно нахмурилась, но послушалась. Она швырнула каблуки в ручей, застыв от плеска. Но поблизости не было никого, кто мог бы их услышать. Даже промокшая с ног до головы, Селеста излучала изысканность и класс. Она родилась с этим.

— Чего ты ждешь? Пошли.

Но Уиллоу не могла пошевелиться. Ее мышцы отказывались работать.

— Что-то не так.

Селеста сжала руки на бедрах.

— Алло? Это преуменьшение века.

— Эти пираты, или террористы, или кто они там. То, что они говорили...

— Какая разница? — яростно прошипела Селеста. — Давай просто пойдём!

Ужас заскребся по ее позвоночнику.

— Они говорили о бомбах.

Глаза Селесты расширились.

— Что?

— Они начинили корабль взрывчаткой. Вот о чем они говорили.

— Нет...

— Да. Они собираются взорвать корабль.

— Тогда что нам делать? — Селеста расплакалась, в ее голосе звучали истерические нотки.

— Тихо! — Взгляд Уиллоу метнулся вверх и вниз по мозаичной дорожке. По-прежнему ничего. — Может быть, спасательные шлюпки. Но они, наверняка, охраняются, чтобы никто не сбежал. Но я не собираюсь туда идти.

— О чем ты вообще говоришь?

— Я не могу спрятаться или пойти к спасательным шлюпкам. Сначала я должна найти своего брата.

— Единственное, что нужно делать, это спасти себя. Все остальное — глупость. Тебя просто убьют!

Каждое слово Селесты звучало правдой. Уиллоу мечтала сбежать вместе с ней, убраться к черту, пока еще есть возможность. Каждая секунда промедления ставила под угрозу ее собственную жизнь. Но она должна найти Бенджи. Она не могла оставить его, даже если корабль вот-вот взлетит на воздух.

Ее мама взрослая. Она могла позаботиться о себе сама. Но Бенджи нуждался в ней больше, чем когда-либо. Она должна его спасти. Она должна хотя бы попытаться. Это меньшее, что она могла сделать после..., но Уиллоу отказывалась думать об этом.

— Мне жаль. Я не могу.

Селеста поджала губы.

— Ты просто идиотка.

Так легко. Всего один шаг. Сделать один шаг в сторону Селесты, и решение будет принято. «Подумай о себе. Спаси себя».

Вместо этого ее сознание заполонили образы сломанного тела Зии. Уиллоу не могла. Что хорошего будет в ее жизни, если она не сможет смотреть на себя в зеркало? Она должна пойти на это. У нее нет выбора.

— Слушай, ты можешь пойти со мной. Но я не буду прятаться. И я не пойду к спасательным шлюпкам без моего брата.

— Ты сумасшедшая!

— Может быть. Но я обязана это сделать.

— Просто отдай мне браслет! — Глаза Селесты вспыхнули ярким и лихорадочным огнем. — Я найду каюту, где можно спрятаться. Я буду ждать тебя.

Уиллоу посмотрела на нее. И сделала шаг назад.

— Это совершенно бессмысленно. Я не могу дать тебе ключ. Прости, но он может мне понадобиться.

— Я буду ждать тебя. Разве я не сказала это?

— Послушай, ничего личного.

Что-то пронеслось над лицом Селесты в тусклом пурпурном освещении. Свет сменился на желтый, мерцая в тенях под глазами Селесты, как жуткий фонарик. Кожа вокруг ее глаз и рта натянулась, напоминая маску.

Ее взгляд переместился на запястье Уиллоу.

Она бросилась на нее в тот самый момент, когда Уиллоу отпрыгнула назад. Селеста толкнула ее, и они обе упали. Селеста схватила ее за лодыжку. Уиллоу сильно ударила ногой, попав в мягкую плоть.

Селеста завизжала, но звук получился низким, задушенным.

Уиллоу поднялась на ноги, мозаичные плитки на тропинке меняли цвет от бледно-розового до шербетно-оранжевого и пульсирующего фиолетового. Она стояла на открытом месте, беззащитная. Любой террорист мог увидеть их с одного из балконов сверху. Уиллоу попятилась назад, к коралловым кустам.

— Сука! — Селеста прикоснулась к носу и вытерла руку о платье, оставив красную полосу. Кровь стекала по ее губе.

— Сама начала. — Слова едва успели сорваться с губ Уиллоу, как Селеста снова напала. Селеста бросилась на нее, но споткнулась. Ее длинное платье все еще было мокрым. Облегающая ткань прилипла к бедрам, сковывая движения. Уиллоу легко увернулась.

Корабль качнулся. Селеста запнулась о выступающую плитку. Тяжело дыша, она упала на колени.

— Я быстрее тебя, — проворчала Уиллоу.

— Сука!

— Ты уже говорила. Это становится скучным.

Плечи Селесты опустились, лицо скривилось. Она уставилась на Уиллоу, огромными от ужаса глазами.

— Прости меня, ладно? Не оставляй в одиночестве. Пожалуйста.

Жалость кольнула сердце Уиллоу. Под шикарной одеждой и напускной самоуверенностью Селеста испугана так же, как и все остальные. Сейчас все они просто люди, их уравнил страх и отчаянное желание выжить.

— Тогда пойдем со мной. Но я уже говорила, что не буду прятаться. Я иду на четырнадцатую палубу, чтобы спасти своего брата.

— Это самоубийство.

— Может быть. Но я все равно пойду. Ты со мной?

Селеста напряглась.

— Ни за что. Нет.

— Тогда ничем не могу тебе помочь.

— Что же мне делать?

Уиллоу вздохнула.

— Постарайся добраться до спасательных шлюпок или спрячься поблизости. Будь осторожна.

Селеста просто уставилась на нее, на ее лице отразились растерянность и ужас.

— Ты правда собираешься туда подняться?

Уиллоу вздохнула.

— Да.

И ушла, оставив Селесту стоять на коленях на тропинке. Мысль об одиночестве нравилась ей не больше, чем Селесте. Но у нее нет выбора. Бенджи для нее важнее всего.

Она пробралась сквозь кусты, продвигаясь вперед так быстро, как только могла, не слишком раздвигая листву. Волоски на руках и затылке зудели. Может кто-то на одном из балконов наблюдал за ней через оптический прицел, собираясь нажать на курок?

Ноги дрожали. Уиллоу чувствовала слабость во всем теле, как будто мышцы вот-вот не выдержат. Она заставила себя переставлять одну ногу за другой. Она не могла сдаться. Просто не могла.

Дождь бил по прозрачной крыше. Гремел гром. Корабль раскачивался и кренился. Она споткнулась, ее лодыжка мучительно ныла.

Уиллоу знала наверняка только одно.
Она должна спасти своего брата.

Амелия

— Я должна тебя убить, — заявила Амелия. Она прижала лезвие к горлу Габриэля.

Он стоял перед ней на коленях, в его темных глазах пылала ярость.

Она победила. Впервые в жизни она победила. Она использовала его увлечение ею, заставив потерять бдительность. Теперь её ход. Она должна убить без пощады. Чтобы спасти себя.

Но она все еще колебалась.

За яростью и презрением в глазах Габриэля Амелия видела боль. Растерянность, обиду и беспомощность, сплетенные в клубок ярости. Часть ее сознания кричала, чтобы она вонзила нож в его шею. У нее есть на это полное право. Он террорист. Похититель. Убийца.

И все же.

— Я должна прикончить тебя, прежде чем ты расправишься со мной, — проговорила Амелия. — Ведь это все, что мы делаем? Обе стороны — каждая сторона — мы ненавидим друг друга и сражаемся и, когда у нас появляется шанс, мы наносим удар. А все наши разговоры — это просто борьба за позицию, поиск слабых мест. Мы не слушаем друг друга. Это не попытка понять или сделать что-то лучше.

Кровь стекала по его шее. Они стояли так близко, что Амелия могла видеть темную щетину на его лице, похожую на размазанный уголь, могла чувствовать его дыхание на своей щеке. Сияние голографических существ придавало его коже голубой оттенок.

— Просто сделай это, — прорычал Габриэль.

— Я еще не закончила. — Ей казалось, что она вот-вот распадется, тонкие нити ее души порвутся и улетучатся. — Я не хочу убивать тебя. Не хочу. Твой брат сказал, что ты хороший. Он сказал, что в тебе есть доброта. Он убеждал меня ее отыскать. Думаю, я нашла.

Габриэль не был злым. Она не верила в это. Не могла. Она читала людей всю свою жизнь, особенно своего отца. Габриэль совсем не походил на Деклана Блэка. Внутри Габриэля жило сострадание. Сочувствие, милосердие, доброта. Она видела это.

Габриэль был несовершенен. Его действия неправильны, но его дело — нет. Готовность Габриэля пожертвовать собой и умереть ради чего-то большего, чем он сам, взять на себя ответственность за будущее и бороться, чтобы изменить его к лучшему — Амелия уважала это, завидовала и хотела такого для себя.

Она не могла жить в крошечной коробке, которую построил для нее отец. Не могла мыслить как он, верить в его убеждения, делать только то, что он хотел, прекрасно играть роль, но никогда не жить по-настоящему, никогда не принимать собственных решений. Выбор требовал риска. И жертв.

Амелия тщательно контролировала слова, словно они могли самовольно сорваться с ее губ.

— Все, что я сказала раньше — правда. Каждое слово. Я прошу тебя пойти на огромный риск. Я прошу тебя измениться. Но нельзя требовать этого от тебя, если я сама не готова сделать то же самое?

Габриэль непонимающе уставился на нее.

Она убрала нож от его шеи. Сложила лезвие в рукоятку и протянула ему на раскрытой ладони.

— Вот я, иду на этот риск. И я нашла в тебе хорошее.

Амелия прислонилась к смотровому окну, отвернувшись от черной воды, бьющейся о стекло. Габриэль сидел рядом с ней, откинув голову назад и закрыв глаза. По крайней мере, на этот момент напряжение на его лице ослабло. Его ресницы трепетали на щеках, губы чуть приоткрылись. В тусклом свете он выглядел прекрасным — одновременно сильным и хрупким.

Она потерла покрасневшие, опухшие пальцы и глубоко вздохнула, впитывая каждую секунду спокойствия. Речь не шла о безопасности — они точно не находились в безопасности, не сейчас. То, что им еще предстояло, внушало слишком большой ужас, чтобы об этом думать. Но в этот момент, по крайней мере, наступил мир.

Амелия вспомнила о своей семье. Где ее мать? Отец? Ее брат? В безопасности ли они? Испытывают ли они боль, ужас и страдания? Страх и отчаяние скрутили ее желудок. Что сейчас делал Сайлас? Жив ли он, или...

Она не хотела даже думать об этом. Мысль, что последние слова, которые они сказали друг другу, вызваны злостью и гневом, не давала ей покоя. И что она так все испортила, что Сайлас уже не сможет смотреть на нее по-прежнему. А ей, возможно, никогда не представится шанс загладить свою вину перед ним.

Амелия никак не могла забыть последний разговор с братом. Он произошел два дня назад, за день до Саммита Процветания. Они с Сайласом отдыхали в шезлонгах на пляже потягивая маргариту и глядя на белый песок и сверкающие бирюзовые воды частного пляжа в Очо-Риос.

Пот струйками стекал по ее шее. Вокруг них люди болтали, дремали или наслаждались массажем в своих кабинках. Между шезлонгами сновали сервисные боты, предлагая гостям охлажденные фруктовые шашлычки и замороженные напитки. Маленькие дети резвились на берегу, плескаясь в ласковых волнах. Но Амелия не могла сосредоточиться на рае перед ней.

— Мы можем поговорить? — спросила она. — Такое ощущение, что ты избегаешь меня всю неделю.

Сайлас еще больше ссутулился в своем шезлонге.

— Все потому, что я и правда избегал тебя всю неделю.

Она ненавидела это чувство разделения, словно между ними стояла стена, а не менее фута пустого пространства.

— Не веди себя так. Сайлас, пожалуйста.

— Чего ты хочешь?

«Я хочу вернуть своего брата». Резкие слова Сайласа, сказанные в начале недели, эхом отдавались в ее памяти. Когда-то они были так близки. Им не требовалось обмениваться словами, чтобы понять, о чем думает другой.

Амелия взяла водонепроницаемый футляр, в который мама положила лекарства, и обернула ремешок вокруг запястья. Встав, она протянула руку.

— Прогуляешься со мной?

— Как хочешь. — Сайлас поднялся на ноги. — Пошевеливайся. Этот шезлонг уже зовет меня обратно.

Она последовала за ним к берегу.

— Могу я тебя кое о чем спросить?

Он поднял брови в своей саркастической, легкомысленной манере.

— Ты уже спрашиваешь.

Мягкий белый песок приятно пружинил между пальцами ног. Перед ними простиралась миля девственного пляжа, пальмы и заросли джунглей с одной стороны, ласковое бирюзовое море — с другой. Она могла бы прожить остаток жизни в таком месте. Так спокойно, без ожиданий и требований, без стресса и тревоги, от которых у нее постоянно крутило живот.

— Почему ты бросил ховер-хоккей?

— Потому что я так захотел. Тебе стоит как-нибудь тоже попробовать.

— А как же отец?

Сайлас нахмурился.

— А что с ним?

— Он расстроен.

— Мне наплевать.

— Как ты можешь так говорить? — Ее грудь сжалась. То, как отец смотрел на Сайласа, с каким презрением и пренебрежением во взгляде, если он вообще удосуживался смотреть на сына. — Он ведет себя так, будто тебя не существует.

— Хорошо.

— Но ты же несерьезно.

На мгновение Сайлас замолчал. Звуки смеющихся детей и крики чаек наполнили воздух.

— Я закончил, Амелия. И ты тоже должна.

— С чем?

Он раздраженно хмыкнул.

— Не будь тупицей. Тебе не идет.

— Пожалуйста, не будь таким.

— Просто остановись. Перестань быть слабой и покорной как мама. Это жалко. Перестань зависеть от каждого его слова.

Волны омывали ее ноги. Вода здесь все еще сохраняла прозрачность, сверкая как стекло. Ей следовало бы рассердиться на него, но вместо гнева Амелия почувствовала страх. Страх засасывал ее, как подводное течение.

— Это нечестно.

Он остановился и повернулся к ней лицом, засунув одну руку в карман шорт, а другой размахивая бокалом.

— Он не бог, как все думают. Когда-нибудь он оступится и упадет со своей собственной горы.

— Почему ты его так ненавидишь?

— А почему ты недостаточно его ненавидишь? — огрызнулся Сайлас.

Она открыла рот, но ничего не смогла вымолвить. Как она могла это объяснить? Как можно ненавидеть человека, который спас тебе жизнь? Как можно ненавидеть человека, на угождение которому ты потратила большую часть своей жизни? Чтобы стать достойной его жертв? Его любви? Он никогда не бил ее. Даже не повышал голос и не кричал на нее. Как она могла его ненавидеть?

Ее чувства к отцу представляли собой темный, запутанный узел. Амелия не могла разделить переплетенные нити любви, обиды, уважения и страха.

— Ты не понимаешь.

Сайлас отпрянул назад, как будто она дала ему пощечину, его лицо исказилось.

— Я не понимаю? Серьезно? О, точно. Как я мог забыть? Ты думаешь, что ты

особенная, единственная, кто сломлен. — Он отвернулся от нее и пошел обратно по пляжу.

— Я не это имела в виду! Сайлас! — Ветер подхватил ее слова и закружил их над водой.

Но он не обернулся.

Внутри нее что-то сжалось. На волосах выступили бисеринки пота, жара била по голове и плечам. Солнце висело в небе, как пылающее сердце.

Она закрыла глаза. Яркий свет обжигал сквозь закрытые веки, через глазные яблоки и ударял в центр мозга, как жесткое, палящее солнце внутри ее собственного черепа.

Амелия все еще могла видеть это солнце, горящее в глубине ее сознания, когда закрывала глаза и думала о своем брате. Она сделала вдох, чтобы успокоиться и подавить слезы, грозящие вот-вот хлынуть ниоткуда. Она не могла расклеиться, не сейчас.

Она должна найти способ увидеться с ним, чтобы сказать как ей жаль. Сайлас должен выжить. Она должна выжить. С Габриэлем рядом с ней, возможно, Амелия и правда справится. Надежда еще есть.

Габриэль рядом с ней зашевелился. Он потерял глаза тыльной стороной руки и глухо вздохнул.

— Ты спал? — мягко спросила она.

— Думал. — Он смотрел на нее покрасневшими глазами, с напряженным, измученным выражением лица. Освобождая ее, выбирая ее, он предавал свой собственный народ. Казалось, это разрывало его на части.

— Что будет дальше?

— Я работаю над планом. Но у нас есть время. Здесь мы в безопасности. Ты в безопасности здесь.

С ним она и правда чувствовала себя защищено. Даже посреди всего этого хаоса она ощущала себя в безопасности. Она потеряла распухшие пальцы.

Он посмотрел на ее руки и застонал во весь голос.

— Они заживут, — успокоила Амелия.

— Сейчас. — Его голос звучал хрипло, полный вины. — Пожалуйста, позволь мне.

Габриэль взял обе ее руки в свои и нежно провел подушечками больших пальцев по линиям ее ладоней. Он легко коснулся ее пальцев. Ее кожу покалывало, она вспыхивала от его прикосновений.

— Ты уверена, что с ними все в порядке? Это не повлияет на твою игру?

Амелия смотрела, как он массирует сильными пальцами ее собственные, как скапливается грязь под его ногтями.

— Я могу чувствовать и двигать всеми. Все в порядке.

— Хорошо.

— Послушай, — сказала она. — Я даже не знаю твой любимый цвет.

Габриэль фыркнул.

— Думаю, мы пропустили некоторые из этих приятных моментов? — Он поднял голову и встретил ее взгляд. — Синий.

Тепло разлилось по ее телу.

— Мой тоже. Видишь, мы кое-в чем похожи.

Он улыбнулся ей, на его левой щеке образовалась ямочка.

Они долго сидели так, Габриэль нежно растирал ее пальцы, возвращая их к жизни. Когда он посмотрел на нее, его глаза были полны печали.

— Я не хотел причинить тебе боль.

Амелия услышала все, что он не смог сказать.

— Я знаю.

Уиллоу

— Ты ничего не слышал?

Уиллоу застыла в шкафу под раковиной кофейного бара. Она не двигалась. Не дышала.

Террорист стоял прямо перед ней. Она смотрела сквозь двухдюймовое отверстие на пистолет, висевший у него на боку, пока ее глаза не заслезились. Ее легкие жаждали воздуха. «Пожалуйста, просто уберите к черту».

— Не, тебе, наверное, показалось, — ответил наконец парень. — Пошли.

Тяжелые ботинки хрустели по стеклу, когда террористы выходили из бара, направляясь к пустому коридору. Вернулась тишина, густая и тягостная.

Уиллоу закрыла глаза. Вдохнула полной грудью спертый воздух, испытывая такое облегчение, что можно было прослезиться. Она ждала, дважды мысленно считая до ста, прежде чем позволить себе пошевелиться.

Толкнув дверцу шкафа, она вылезла из своего укрытия. Долго смотрела на разбитый торт, пытаясь заставить свои руки не дрожать. Выронив осколок стекла, зажатый в кулаке, Уиллоу вытерла руку о платье, оставив полосы крови.

Чтобы остановить кровь, она прижала полотенце к порезам на ладони, как учила ее мама. С трудом сглотнула, горло пересохло и першило, как наждачная бумага. Уиллоу старалась не представлять, что сейчас может происходить с ее мамой. Если она еще жива.

Уиллоу открыла мини-холодильник под стойкой. Он оказался наполовину заполнен содовой, апельсиновым соком и бутылками с водой. Она взяла бутылку и выпила всю до дна, струйки воды стекали с ее подбородка. Провела пальцами по глазури торта, тщательно избегая осколков стекла.

Уже несколько часов она ничего не ела и не пила. Она понятия не имела, который сейчас час. Этот кошмар продолжался бесконечно. Проснуться никак не удавалось.

Ей нужно оружие получше. В следующий раз, когда окажется в ловушке, она должна хотя бы попытаться оказать сопротивление. Где есть торт, там должен быть и нож для торта. Где-нибудь. Она открыла несколько ящиков. Перчатки, соломинки, ситечки, салфетки, вилки и ложки. Рядом с пакетом сеток для волос лежали два самых красивых ножа, которые Уиллоу когда-либо видела. Она взяла самый большой из них, глубоко вздохнула и направилась к выходу.

Коридоры для экипажа были узкими и длинными, бежать или прятаться в них крайне неудобно. Основные пассажирские зоны выглядели чуть безопаснее. Но не намного.

Уиллоу заставила себя двигаться дальше. У нее есть цель. Спасти брата. Найти семью. Остаться в живых. Сейчас она не могла потерпеть неудачу. Она вышла в коридор и направилась к лестнице, ведущей на четырнадцатую палубу и в детскую зону.

Почему-то одиночество делало все в тысячу раз хуже. Ее сердце стучало о ребра. Хриплое дыхание грохотало в ушах. Адреналин бурлил в ней, леденя вены. Ее босые ноги на мраморном полу отдавались эхом, как пощечины в ужасной тишине. Каждый шаг казался Уиллоу последним.

Кровь заливала пол, смешиваясь с осколками стекла. Тела встречались повсюду. Она смотрела на погибших, пытаясь запомнить их лица, прически и одежду на случай, если ее спросят, кого она видела. Если ей вообще удастся выбраться с этого корабля живой.

Если хоть кому-то удастся.

Мика

Мика последовал за группой, когда Джерико направился к коридору справа между баром «Шампань» и комедийным клубом «ОнЭйр». Джерико заглянул за угол, затем посмотрел на них, подняв одну руку. Они остановились.

Джерико дал знак Сайласу и Мике держаться позади. Сайлас поднял винтовку, готовый стрелять во все, что движется. Мика сделал то же самое. Его сердце гулко стучало, ударяясь о ребра.

Патель и Джерико бесшумно, как призраки, выскользнули за угол.

Мика застыл, не смея дышать. Волосы на его шее и руках затрепетали. Даже угрюмый, невозмутимый Сайлас выглядел встревоженным.

Прошла минута, каждой секундой отбиваясь в его голове. Вот появился Патель и жестом приказал следовать за ним в коридор. Пространство занимало как минимум двадцать на двадцать футов. Ванные комнаты с одной стороны, лифты — с другой. Закрытые двери на палубу находились прямо перед ними, за стеклом бушевал шторм.

На полу валялись два обмякших тела. У одного из них из спины торчало лезвие ножа. Другой лежал в быстро увеличивающейся луже крови. Джерико встал над ним на колени и снял тонкую проволоку, покрытую красными каплями. Его руки блестели от крови.

— Ты использовал гарроту, — с благоговением в голосе произнес Сайлас.

— Там, где требуется соблюдать тишину, это отличное оружие. — Джерико вытер проволоку и засунул ее в рюкзак. — Хотя и грязное.

— Ты должен меня научить, — потребовал Сайлас.

Джерико резко покачал головой.

— Ты умеешь стрелять. Этого достаточно.

Ядовитая кислота подкатила к горлу Мики. Его вырвало, и он едва не обрызгал собственное оружие. Насилие царило повсюду. Джерико счищал свежую горячую кровь со своих рук, как будто это пустяк, как будто эта кровь не находилась внутри живого человека всего шестьдесят секунд назад. И Джерико, и Сайлас говорили об убийстве так, словно обсуждали, какой стейк лучше заказать на ужин. «Я среди хороших парней», — говорил себе Мика снова и снова. Он знал это. Тогда почему чувствовал нечто неправильное?

Он снова посмотрел вниз на тела, отчего в его животе всколыхнулась желчь. Здесь мог лежать Габриэль, убитый без жалости и угрызений совести.

Мика прошептал молитву над телами. Так бы хотела его мама. Даже злые люди заслуживают, чтобы кто-то проводил их уход из жизни.

Патель достал рации обоих террористов и пристегнул их к поясу.

— У нас есть всего несколько минут прежде, чем они должны будут отметиться. И кто знает, не сработали ли камеры.

Джерико подошел к стеклянным дверям.

— Спасательные шлюпки охраняются изнутри из-за шторма. Нам повезло с этими парнями. Они оба были полупьяны. И еще плюс для нас: обзор из коридоров ограничен. Отсюда я могу видеть только следующую шлюпку. Конечно, я бы предпочел уничтожить несколько следующих групп охранников, но у нас нет времени.

— Из-за мостика, — уточнил Сайлас.

Джерико кивнул.

— Они засекут нас, как только мы откроем эти двери и пойдём к спасательным шлюпкам. Я не заметил никаких камер в этом отсеке, но никогда не знаешь. Враги могут быть на правом борту и ждать нас. Там, наверху, у них есть преимущество.

— Отлично. — Мика двинулся к дверям. — Пошли.

Сайлас последовал за ним.

— Постой, Сайлас, — проговорил Джерико. — Моя работа сохранить тебе жизнь.

Лицо Сайласа перекошилось.

— Ты тот, кто научил меня стрелять. Ты знаешь, что я справлюсь с задачей.

— Я не могу позволить тебе пойти туда.

— То есть ты настаиваешь, чтобы я остался в стороне, как желторотый пацан? — Сайлас усмехнулся. — Ты, должно быть, шутишь. Я могу сделать все, что может этот болван.

Джерико схватил его за плечо.

— Я не сомневаюсь. Но ты мне нужен для прикрытия. Ты хороший стрелок.

— Это полная чушь...

— Я расходный материал. — Мика изо всех сил старался сохранить ровный голос. — Вот почему я должен пойти. — На полсекунды его охватил стыд, а затем мелькнула вспышка гнева как у Габриэля. Мика не был богат. Он не был влиятельным или важным человеком. Он просто бедный, изможденный пуэрториканский официант на круизном лайнере. Если оценивать жизнь, исходя из богатства и престижа, то он настолько бесполезен, насколько это вообще возможно. Конечно, если наличие денег на банковском счете делает вас каким-то образом более достойным.

Взгляд Сайласа метнулся к Джерико. Джерико мрачно кивнул.

Мика передал свою винтовку Пателю. Без нее он уже чувствовал себя беззащитным. Обнаженным. На палубе он станет еще более уязвим. Но если они не подадут сигнал бедствия, никто не узнает, где корабль находится. Никто их не спасет.

Расходный материал или нет, он должен это сделать. Нужен или нет, он все равно мог быть храбрым. Мика решал, кем ему быть, а не эти люди. Если он должен погибнуть здесь, то мог хотя бы придать своей смерти смысл.

— «Трус много раз до смерти умирает, — прошептал он. — Храбрец вкушает лишь однажды смерть».

— Что? — прищурился Сайлас.

— Шекспир. — Джерико постучал себя по голове. — Чтение обостряет ум. Ты готов?

Мика кивнул. Он мысленно произнес быструю молитву, открыл двери и шагнул наружу.

Ветер налетел на него, едва не сбив с ног. Дождь хлестал по голове и лицу, заливая очки и немедленно его промочив. Сверху редела гроза. Несколько молний одновременно пронзили небо.

Мика видел десятки таких сильных, разрушительных ураганов, но всегда в безопасности, в здании. И никогда — снаружи, без защиты, в подвешенном состоянии над бурлящим, кипящим морем. Свирепость этого шторма поражала. Он чувствовал, как шторм пульсирует в груди, вибрирует в костях, зубах. На секунду Мика замер, охваченный страхом и благоговением.

Джерико толкнул его в спину.

— Вперед! — прошипел он. — Держись на ногах.

Мика скользнул по палубе и ударился о стеклянные перила. Удар пришелся прямо в

живот, но он едва обратил на это внимание. Оранжевое дно спасательной шлюпки из плексигласа покачивалось рядом с ним, пристегнутое к опоре. Он уставился на нее.

Брезентовый чехол был прорезан и хлопал на ветру, люк распахнут. Все шлюпки выглядели одинаково, все до единой.

Джерико схватил его за руку.

— Мы опоздали!

«Нет, нет, нет!» Террористы уже добрались до аварийных маяков и выдрали их или уничтожили. Все.

Над головой прогремел гром. Что-то просвистело мимо него. Треск, который явно вызван не громом. Ветер свистел так громко, что Мика не мог ничего расслышать или определить, откуда донесся звук. Дальше по палубе? Сзади них? Или с крыла мостика? Сквозь туман в очках он почти ничего не мог увидеть.

Джерико дернул его назад. Мика споткнулся на скользкой палубе. Молния сверкнула ярко, как дневной свет. Ветер хлестал его, грозя утянуть за край. Он сторбил плечи, пригнув голову, чтобы не поддаться ярости бури, и проскочил сквозь стеклянные двери.

— Теперь они придут за нами. — Джерико вытер дождь с лица тыльной стороной руки.

Мика стоял там, холодная вода стекала с него, одежда намокла и прилипла к телу. Он неудержимо дрожал, отчаяние захлестнуло его целиком.

— Мы здесь совсем одни. Никто не придет...

Джерико впился взглядом в его лицо.

— Соберись, парень. Ты собираешься стоять и рыдать, как ребенок, или будешь что-то делать?

Джерико прав. Мика не мог паниковать, не сейчас.

— Что-то делать, — выдавил он сквозь стучащие зубы.

Джерико кивнул.

— Хорошо, тогда. Давайте убираться отсюда.

Габриэль

Рация Габриэля разразилась треском помех.

— Ты меня слышишь?

— Я здесь.

— Время пришло, — объявил Симеон. — Все так, как я и боялся. Блэк не поддается никаким уговорам. Он никак не реагирует на жену. Приведи девчонку на мостик.

Язык Габриэля словно занемел во рту. Он не мог говорить.

— Габриэль, — позвал Симеон, его голос помрачнел. — Ты передумал?

Молчание Габриэля все сказало.

— Мы говорили об этом. Эта девчонка манипулирует тобой.

Габриэль обвел взглядом зал. Амелия сидела на полу, прислонившись к лестнице. Ее глаза были закрыты. Руки сцеплены на коленях. Она выглядела измученной. Его сердце сжалось от сострадания.

— Я так не думаю.

— А ты подумай, Габриэль! Ее отец и его люди — короли манипуляций, пропаганды и искажения истины в своих целях. Он вырастил ее копией себя. Она лжет так же легко, как дышит.

Амелия лгала и манипулировала. Но и он поступал также. Она делала это, чтобы выжить. Амелия могла его убить, но вместо этого доверилась ему. Ее слова эхом отдавались в его голове.

— Ты планируешь пытать ее на глазах у отца.

Симеон долго молчал. На заднем плане раздавались раскаты грома.

— Я скрывал от тебя некоторые вещи, чтобы пощадить твою совесть. Ты чувствителен. Я понимаю это. Но все изменилось. Все.

— Ты говорил, что мы будем уничтожать только конкретные цели. Только виновных.

Симеон вздохнул.

— Послушай меня. Ченг и его люди вышли из-под контроля. Ченга... трудно сдержать. Поэтому мы должны забрать у Блэка все, что нам нужно, и добраться до точки эвакуации. Ты понял?

— Сколько невинных людей погибло?

— Это Ченг убивает людей. Я не имею к этому никакого отношения, клянусь тебе. Но Габриэль, никто из них не был невинен. Ни один.

Кислота обожгла заднюю стенку его горла. Он хотел сказать Симеону, чтобы тот отправлялся в ад, но слова не давались. Симеон стал его наставником, его другом. Габриэль все еще боялся его разочаровать.

— Это... это не то, на что я соглашался.

— Ты не слушаешь. Все изменилось. Эта эпидемия — худшая из всех, что мы когда-либо видели. То, что происходит там, то, что вирус делает с людьми...

Корабль качнулся под ногами Габриэля. Он споткнулся, затем выпрямился, ухватившись за спинку сиденья для равновесия.

— Какое отношение это имеет к делу?

— У Блэка есть вакцина. Настоящая вакцина. Какие бы сомнения ни терзали твою

совесть, уйми их. Прямо сейчас.

Габриэль вдруг почувствовал головокружение, неустойчивость, словно накренился не только пол. Фундамент его жизни смещался, распадаясь под ногами.

— Что происходит?

— Я объясню позже. Но Габриэль, ты Патриот. Ты в ответе перед народом — твоим народом. Если мы потерпим неудачу сейчас, число погибших станет просто чудовищным.

— Но девушка. Она невиновна.

— У нас нет на это времени! — Голос Симеона резко повысился. — Ты знаешь это. В каждой войне есть жертвы! Каждая революция строится на смертях невинных. Это единственный путь.

Рот Габриэля словно набили гвоздями. Он молчал. Просто не знал, что сказать.

— Ты собираешься отбросить все, во что веришь, из-за какой-то богатой суки, к которой у тебя внезапно возникли чувства?

Габриэль закрыл глаза. Он и правда испытывал к ней чувства. Он боролся с этим столько, сколько мог. Но Амелия его зацепила. Ее достоинство, ее уязвимость, ее честность, ее странная способность быть одновременно слабой и сильной. Как морщилась кожа вокруг ее глаз, когда она улыбалась, как настоящая улыбка освещала все ее лицо.

— Она не сука.

— Ты бы пожертвовал своей жизнью, чтобы спасти тысячи, может быть, миллионы жизней, Габриэль?

— Конечно.

— Иногда мы должны жертвовать не своей жизнью. Ты понимаешь?

Его горло сжалось.

— Я...

— Ты всегда оставался верным, — проговорил Симеон. — Ты был моим самым преданным новобранцем. Я верю в тебя. С тех пор как тебе исполнилось четырнадцать лет, и ты показал свою непоколебимую силу и мужество против тех хулиганов, я верю в тебя. Не подведи меня сейчас, сынок.

— Не подведу. — Однако «но» повисло в воздухе между ними.

Симеон вздохнул.

— Я даю тебе слово, Габриэль. Я не причиню ей вреда. Но на кону миллионы невинных жизней. Мне нужно, чтобы ты подумал о них.

Габриэль выдохнул. Его плечи опустились.

— Я понимаю, сэр.

— Мы на пороге великой победы, сынок. Приведи ее на мостик.

Габриэль пристегнул рацию к поясу. Он шел обратно к платформе на негнущихся ногах. Все, о чем он мечтал, ради чего работал, боролся и проливал кровь. Великая победа «Новых Патриотов» и страны. Великое поражение жадной, коррумпированной элиты. Но какой ценой?

Амелия никогда его не простит. На один глупый миг Габриэль позволил себе поверить, что их маленький пузырь будет существовать бесконечно долго, не нарушаемый внешним миром. Но это невозможно.

Не имело значения, насколько сильны их чувства друг к другу. Не имело значения, любили ли они друг друга или могли бы полюбить когда-нибудь, если бы им дали шанс. Они стояли по разные стороны в скрытой войне, которая велась десятилетиями, веками.

Если он не приведет ее на мостик, это будет предательством. Симеон и «Новые Патриоты» отрекутся от него, или еще хуже. Они ведь ему братья. Его семья. Симеон, который стал ему как отец, и взял его под свое крыло, обучил и дал Габриэлю его достоинство, его положение. Симеон наполнил жизнь Габриэля смыслом после глупой смерти родителей. Симеон подарил ему цель, долг.

Он никогда не сможет предать Симеона. Он никогда не сможет предать дело. Это значит предать самого себя.

Невинные люди умирали. Ставки только что выросли в геометрической прогрессии. Что бы ни происходило на материке с эпидемией, Симеон верил, что у Блэка есть настоящая вакцина. Должно быть, Блэк утаивает ее для своего собственного класса.

Габриэль может что-то сделать. Должен что-то сделать. Он должен помочь спасти тысячи, возможно, миллионы жизней. Именно об этом он мечтал, работал, боролся.

Он закрыл глаза от накатившего на него ужаса, в груди защемило, как от физической боли. Симеон как всегда прав. Габриэль должен действовать. Это его долг. Это его шанс реально и надолго изменить жизнь своего народа. Его собственный мир — его собственное счастье — не имели никакого значения.

Габриэль стиснул челюсти, сжав руки в кулаки. Она будет ненавидеть его. И он заслуживал ее ненависти. После того риска, на который Амелия пошла ради него, отказавшись причинить боль или сбежать, несмотря на шанс, она будет ненавидеть Габриэля, и ему придется жить с этим.

Он выторговал для нее жизнь. Это все, что Габриэль мог ей дать. Этого должно быть достаточно.

— Амелия.

Ее веки дрогнули и открылись. Она посмотрела на него, улыбаясь, открыто и доверчиво. Казалось, что ему в грудь плеснули кипятком.

— Амелия. Мне нужно, чтобы ты пошла со мной.

— Куда?

— На мостик.

В наступившей тишине разверзлась пропасть.

Габриэль вытащил пистолет из кобуры. Он не мог ослабить бдительность. Только не в этот раз.

Ее улыбка дрогнула. Амелия перевела взгляд с его лица на пистолет, и в ее глазах появилось ужасное понимание.

Он ожидал, что она будет умолять, плакать, пытаться убедить его снова передумать. Но нет. Она просто уставилась на него, пораженная.

— Почему?

— Ты знаешь, почему. — Голос Габриэля звучал пусто и отдаленно даже в его собственных ушах.

— Я думала, ты хороший.

— Я хороший! Но иногда доброта требует жертв.

— И это я? Я твоя жертва?

— Это намного больше, чем ты и я. Это то, что ты никогда не поймешь.

— Я могла тебя убить. Но не убила. Я могла убежать. Но не убежала. Я выбрала тебя.

Слова как колючая проволока впивались в его язык.

— Ты выбрала неправильно. — Он взмахнул пистолетом. — Теперь двигайся.

На ее лице одновременно промелькнула тысяча эмоций. Амелия подняла подбородок.

— А если я этого не сделаю?

Габриэль ненавидел каждое свое слово. Он заставил свой голос звучать тверже, ожесточил свое сердце.

— Я ударю тебя по голове пистолетом и отнесу наверх.

Она не шелохнулась.

— Двигайся!

— Могу я взять свой клатч? — Он лежал на полу рядом с ее ногами.

— Конечно.

— Спасибо. — Ее голос прозвучал холодно, без эмоций. Так же, как и его собственный.

Амелия подняла клатч и встала на ноги. Она шла перед ним, спина прямая, плечи расправлены, осанка идеальная. Амелия выглядела царственно, величественно как королева.

Габриэль страстно желал сказать «мне жаль», тысячу раз «прости меня».

Но слова застряли в горле.

Уиллоу

Пуля ударила в стену в футах от Уиллоу. Над ее головой раздался резкий треск.

Она помчалась по ближайшему коридору, сжимая в одной руке нож. Ей потребовалось больше часа, чтобы выбраться с десятой палубы и подняться на четырнадцатую. Как и на одиннадцатой и двенадцатой, здесь располагались в основном каюты, но в носовой части четырнадцатой палубы находилась детская зона. Коридор перед ней оказался длинным и узким, все двери в каюты находились по левую сторону. Каждый дверной проем представлял собой лишь неглубокую нишу.

Спрятаться просто негде.

Позади нее послышались крики. Шквал выстрелов. Пули снова прошли стену над ее головой. Террористы уже не беспокоились о захвате заложников. Теперь они стреляли на поражение. Если бы она не была такой маленькой, то уже бы точно погибла.

Уиллоу завертела головой налево, потом направо. К черту. Это ее только замедляло. Бросившись влево, она врезалась в дверь каюты и приложила мамин браслет к датчикам. Раздался звуковой сигнал, и дверь отворилась.

Она ввалилась в комнату как раз в тот момент, когда над головой просвистела еще одна пуля, так близко, что Уиллоу почувствовала шевеление своих волос. Она вскочила на ноги и бросилась к двери, закрывая ее дрожащими пальцами.

— Добро пожаловать, гость! — спокойным, раздражающим голосом произнес комнатный искусственный интеллект. — Ваши показатели стресса повышены.

— Мимо тебя ничего не проходит, Шерлок. — Уиллоу осмотрела комнату. Спальная капсула. Дизайнерский диван. Шкаф. Ванная с зеркальным покрытием. Туалет. Точно такая же обстановка, как и в ее собственной каюте, только больше и шикарнее. Прятаться бесполезно. Деваться отсюда некуда. Сбежать невозможно.

— Могу я предложить вам расслабляющую омолаживающую процедуру для лица, чтобы снизить биопоказатели до комфортного и приятного уровня? Персональный косметолог может быть доставлен в вашу комнату...

— Просто заткнись, черт возьми! — прошипела она.

Кто-то стучал в деревянную дверь, сердитые мужские голоса выкрикивали проклятия. У нее есть всего несколько мгновений, прежде чем они выстрелят или ворвутся внутрь. Сильный ветер взъерошил волосы. Дождь хлестал через открытую раздвижную стеклянную дверь.

Уиллоу бросилась к веранде.

Дождь ударил ее как пощечина. Молния прошла небо. Уиллоу мгновенно промокла, платье пропиталось водой, волосы прилипли к голове.

Она пересекла веранду и перегнулась через стеклянные перила. Голова закружилась. Кипящее море плескалось внизу более чем в ста футах. Отсюда, сверху, волны бились о корпус судна, как тяжелые горы.

Ее сердце перестало биться. Ноги налились свинцом. Уиллоу вцепилась в перила побелевшими костяшками пальцев. «Нет, нет, нет. Не смотри вниз».

Снова крики.

«Либо прыгай, либо лезь, либо умри».

Уиллоу выбрала второе.

На шатающихся ногах она перебралась на левую сторону веранды. Тонкая металлическая стена разделяла балконы. Стена не выступала дальше перил. Уиллоу оцупала край. Он был скользким, но с обеих сторон торчало несколько больших двухдюймовых болтов.

— О, черт! — Ветер подхватил ее слова, прежде чем они успели вылететь изо рта, и бросил их вниз, вниз, вниз. В пропасть. Ее желудок сжался. «Не смотри. Не смотри».

Уиллоу глубоко, судорожно вздохнула.

Она должна двигаться быстро. Без колебаний. И никаких ошибок.

Схватив стул, она прислонила его к боковой стене и перилам. Осторожно засунула нож в лифчик и задрала платье на бедрах, заправляя его в трусы. В голове пронеслось, как Зия смеется над ней, как всегда, по-ослиному поднимая плечи и давясь смехом. Боль ударила Уиллоу между ребрами: резкая, почти невыносимая.

Она не могла думать об этом сейчас. Сначала она должна выжить.

Уиллоу шагнула к стулу и схватилась левой рукой за внутренний болт на стене, а правой — за внешний. Перекинув ногу через стеклянные перила, миновала стену и перемахнула через перила на соседнюю веранду. На этой стороне не было стула, на который она могла бы опереться. Уиллоу прижалась телом к стене, согнув колени, чтобы обхватить ногами верхнюю часть перил. Она изо всех сил цеплялась за болты.

Головокружение накатывало на нее стремительными, одуряющими волнами. От ужаса у нее выросли когти, клыки и крылья.

Ветер хлестал ее, отбрасывая густые пряди волос в глаза. Дождь бил по телу как камни. Гром грохотал так близко, что казалось, будто внутри нее взорвалась сверхновая звезда, сотрясая каждую клеточку тела.

Корабль качнулся. Ее правая рука соскользнула, и тело начало раскачиваться. Она сдвинулась с места, отползая назад. Судорожно хватаясь за пустой воздух. Ногти скребли по мокрому скользкому металлу.

Время замедлилось. Стул прокатился по веранде, ударился о противоположную стену и опрокинулся. Она упадет. Она скользила, теряла равновесие, и вот-вот сорвется за борт...

Ее пальцы нашли опору. Уиллоу сжала болт так крепко, что несколько ногтей треснули.

За спиной простиралось бесконечное пространство, словно черная дыра, готовая ее поглотить. Не смотреть вниз. Она не хотела умирать. Не сейчас. Не так. Страх бился в ней бешеными, дикими крыльями. Если она пошевелится, то упадет. Она не сомневалась в этом.

Уиллоу не уверена, что Бог существует, но все равно молилась. Кому угодно — Богу, Будде, Посейдону, любому божеству, которое могло бы ее выслушать. «Не дай мне умереть». Она дышала сквозь стиснутые зубы, каждый мускул дрожал. Она должна двигаться. Она должна действовать сейчас.

Корабль снова накренился, но на этот раз она приготовилась и переместилась вместе с ним. Уперлась задницей в перила, насколько это возможно, в сторону, не выпуская из рук оба болта. Она качнулась вправо, сильно надавив левой ногой на стеклянную панель перил, чтобы придать себе импульс.

И перемахнула на следующую веранду.

Тяжело приземлилась на бок, ударившись правым бедром, предплечьем и плечом об пол. Ее голова ударилась о ножку столика в патио, но Уиллоу с радостью встретила боль. Она чувствовала каждую жалящую каплю дождя, ударяющуюся о ее кожу. Лежа на боку,

дрожащая и слабая, она вдыхала огромными глотками сладкий, прекрасный воздух.

Она выжила. У нее получилось, и она осталась жива. Невысокая, пухленькая Уиллоу Бахагари в конце концов оказалась крутой. Ей хотелось кричать, вопить и ликовать в триумфе.

С другой стороны стены донеслись голоса. Они звучали на той самой веранде, с которой она только что пришла. Уиллоу вскочила на ноги и вжалась в стену. Стиснув руки на груди, она пыталась успокоить бешено бьющееся сердце, боясь пошевелиться, боясь дышать.

Дождь хлестал с неистовой силой. Грянул гром, и корабль накренился так сильно, что стол и стулья во внутреннем дворике заскрежетали по полу и ударились о перила.

— Ее здесь нет! — крикнул один из террористов. — Наверное, спрыгнула!

Другой сказал что-то на незнакомом языке, слишком тихо, чтобы она могла разобрать в шторме.

— Жаль! — ответил первый и засмеялся.

Наконец, они ушли. Уиллоу осталась одна. Дождь струйками стекал по ее щекам, капал с кончика носа. Молния раскалывала небо. А в сотнях футов под ней море вздымалось, по-прежнему свирепо.

«Не сегодня. Сегодня ты меня не получишь».

Она расстегнула платье и дрожащими пальцами стянула его вокруг бедер. По ее телу побежали мурашки. Все черные волоски на ногах, которые она всегда пропускала во время бритья, встали дыбом. Ее ногти были потрескавшимися и сломанными, мышцы на руках пульсировали.

Уиллоу обняла себя, чтобы не дрожать. Бесполезно. Влажный холод проникал в ее кости. Она будет мерзнуть до конца своих дней.

Но она жива.

И у нее появилась идея. Она подкралась к стеклянным перилам и перегнулась через край, щурясь от проливного дождя. Палуба детской зоны находилась прямо справа от нее. Всего три веранды от ее собственной.

Мысль о том, чтобы снова карабкаться по внешнему борту круизного лайнера, охваченного штормом, не давала спокойно дышать. Но это лучший способ. Возможно, даже единственный вариант.

Ради Бенджи она готова на все.

Что-то зародилось внутри Уиллоу, живое, крылатое и бесстрашное.

Амелия

Амелия моргнула, привыкая к мраку на мостике. Она вспомнила, как капитан объяснял, что ночью мостик освещен тускло, чтобы облегчить навигацию. Только мягкое сияние люминесцентных ламп под панелью управления и неяркие светильники вдоль пола выделялись в помещении. Все говорили тихими, приглушенными голосами, как будто это собор, священное место.

Вот только теперь мостик больше не напоминал святилище. Золотой ковер пестрел пятнами, словно кто-то опрокинул банки с малиновой краской. Дюжина террористов стояла вокруг консоли, их огромные пушки доминировали в комнате. Большинство из них были одеты в темную одежду и боевое снаряжение. Остальные носили униформу экипажа — охрана, офицеры, официанты.

На мостике висел кислый запах, запах тел, пота и страха, а также свежего гниения. Так пахла смерть.

Восемь заложников сидели вдоль дальней стены под мониторами безопасности. Их руки были связаны за спинами. Амелия узнала нескольких по капитанскому столу. Четверо уже мертвы, их тела завалились к полу. Еще четверо — избитые и окровавленные, живые, но без сознания.

Ее мать обмякла на ближайшем к двери мостика конце, ее голова покоилась на плече сенатора Омара Фергюсона. На лице виднелись синяки и порезы в нескольких местах. Темные пятна покрывали ее руки, щеки и переднюю часть платья.

— Мама! — вскрикнула Амелия. Но ее мать не поднимала глаз. Амелия бросилась к ней.

Мужчина схватил ее за руку и дернул назад. На первый взгляд, он был ничем не примечателен. Второй взгляд открыл истину: медленно моргающие, но умные, хитрые глаза, красный рот.

— Еще нет, моя дорогая. Уверяю тебя, она жива, хотя в данный момент находится без сознания. Но у нас есть дела поважнее.

— Что вам нужно? — Но в голове у нее вертелись догадки.

Мужчина прижал дуло импульсного пистолета к ее боку.

— Симеон... — произнес Габриэль позади Амелии.

— Оставьте ее в покое. — Деклан Блэк сидел в капитанском кресле, пиджак откинут на спинку. Его идеально уложенные волосы были взъерошены, белая рубашка испачкана и порвана. Под глазами залегли глубокие тени. На левой стороне лица и на лбу красовались синяки фиолетового цвета. Нижняя губа рассечена.

Амелию сковал ужас. Ее отец всегда держал себя в руках, управляя своим миром железным кулаком. Видеть его таким — беспомощным, бессильным, отданным на милость бандитов — это пугало ее больше, чем она могла сказать. И все же какая-то крошечная часть ее души нашептывала: «теперь ты знаешь, каково это».

— Давайте начнем. — Мужчина в офицерской форме стоял немного позади и справа от капитанского кресла, направив дуло винтовки на голову ее отца. Огромный и мускулистый, с шеей почти такой же толстой, как и голова. Он смотрел на нее блестящими, как у гремучей змеи, глазами. Затем криво усмехнулся, оскалив зубы.

Ее сердце сжалось. Ужасный мужчина из бального зала.

— Скоро, Кейн. Я обещаю. — Симеон повернулся к Амелии, улыбаясь ей так, словно она почетная гостья. — Мы спокойно объяснили твоему отцу, что обменяем вакцину и лекарство на его жизнь и жизни членов его семьи. Но он оказался слишком упрямым, чтобы сотрудничать с нами даже ради собственного блага.

— Идите к черту, — прорычал Деклан.

— О чем вы говорите? — Амелия заставила свой голос оставаться спокойным. Ее горло пересохло, напоминая наждачную бумагу. — Вакцину ввели миллионам людей в Национальный день здоровья. На позапрошлой неделе. Об этом говорили во всех новостных лентах.

— О, да, моя дорогая. — Симеон скривил губы в презрении. — Но так называемая вакцина, которую «БиоГен» использовал на бедных американских ублюдках, похоже не совсем сработала, несмотря на обещания?

Головная боль отдавалась в задней части черепа. Амелия уставилась на него, ничего не понимая.

— Ты знаешь, что теперь у них есть название для этого? Вирус Гидры. Подходящее, правда? Многоголовое чудовище, чья ядовитая кровь настолько заразна, что даже его дыхание может убивать. Отрубает голову, а две вырастают заново. Смерть, надвигающаяся на человека сразу со всех сторон. Практически невозможно уничтожить.

— Я не понимаю, что...

— Хватит! — рявкнул один из террористов в боевом снаряжении. На нем не было лыжной маски. Родом из Восточной Азии, со злобными, темно-кариими глазами и шрамом вдоль одной стороны лица. Он стоял, расставив ноги, с напряженными плечами, с оружием наготове.

Симеон убрал пистолет с ее бока и приложил его к виску, металл словно холодный огонь обжег кожу Амелии.

— Мы уже столько раз проходили через всю эту историю, — объяснил Симеон со вздохом. — Ченг устал от этого. Я устал от этого. А ты устал, Кейн?

Кейн хмыкнул.

— Почему бы нам не выпотрошить девчонку и посмотреть, как она будет визжать?

— Слишком грязно. — Симеон кивнул Кейну.

Одним плавным движением Кейн направил оружие на группу заложников у стены и дважды выстрелил.

Грохот взорвался в черепе Амелии. Она зажала ладонями звенящие уши. Кто-то закричал.

— Я прошу прощения, моя дорогая, — проговорил Симеон. — Выстрел с такого близкого расстояния без защиты ушей, даже с подавителем шума, очень громкий.

Сначала она не поняла, в кого стреляли. Кто-то заплакал. Женщина. Ее мать подняла голову, очнувшись. Но мужчина рядом с ней не двигался. На его груди, как цветок, распустилось красное пятно. Облегчение, смешанное с чувством вины, захлестнуло Амелию. Ее мать жива, а Омар Фергюсон — нет. Больше нет. Второй мужчина застонал. Светлые волосы Тайлера Хорна, сидящего рядом с Фергюсоном прилипли к черепу. Он сжимал плечо, под его пальцами запеклась кровь.

— Ты чудовище! — закричала ее мать.

— Я целился в тебя, — заявил Кейн ее матери, но смотрел на Амелию, его губы

раздвинулись, как у собаки, обнажившей зубы.

— Я тоже плохо целюсь, — весело заметил Симеон. Он вполне мог обсуждать завтрашний матч. Холодный ствол пистолета сильнее вдавился в ее висок. — Если, конечно, не нахожусь достаточно близко к цели.

Ее мать прижалась спиной к стене.

— Не причиняйте ей боли, пожалуйста! Возьмите меня вместо нее. Я умоляю вас!

— Простите, леди, — покачал головой Симеон. — Мы уже пробовали. И если вы не заткнетесь, мне придется позволить Кейну пристрелить и вас.

— На четвертой палубе противники. — Террорист рядом с мониторами безопасности указал на один из экранов. — На них наше снаряжение. И они только что уничтожили двух наших парней.

Радия Ченга с шипением завибрировала. Глубокий мужской голос что-то пробормотал. Лицо Ченга потемнело.

— Они направляются к спасательным шлюпкам. Действуйте.

Двое из его людей побежали к правому борту мостика. В темноте мелькнули дула.

Хмурый взгляд Ченга стал еще страшнее. Его шрам выпучился, как разъяренный червь.

— Хватит этих глупостей.

— Мы почти закончили. — Симеон схватил Амелию за плечо и толкнул на колени. —

Итак, на чем мы остановились? Габриэль?

— На лекарстве. — Голос Габриэля, словно нож, вонзился в ее сердце.

— Ах, да. Лекарство нужно сейчас, иначе все умрут, начиная с вашей дочери.

— Какое лекарство? — прошептала она.

— А мне все время говорили, какая ты умная, — покачал головой Симеон. — Как считаешь, что случилось?

Что-то ожило, какая-то маленькая мысль зашевелилась в глубине ее пульсирующего, ноющего мозга. Ей с трудом удавалось сосредоточиться, прояснить беспорядочные мысли.

— Произошла ошибка, сбой. Вакцина работает не так, как должна.

Симеон схватил ее волосы свободной рукой, намотав их на кулак. И прошептал Амелии на ухо:

— Неправильный ответ.

Уиллоу

Уиллоу пересекла последнюю стену между верандами, оттолкнулась от стеклянных перил и прыгнула на палубу детской зоны. Она промокла и дрожала, сердце колотилось в груди. Но она справилась. Она жива.

Внешняя стена детской зоны в отличие от многих других помещений корабля оказалась не полностью стеклянной, но в ней имелось множество окон и две раздвижные стеклянные двери. Уиллоу поползла по скользкой палубе на четвереньках, пригибая голову под окнами, пока не добралась до первой стеклянной двери.

Заглянув внутрь, она увидела столы с планшетами, центр создания роботов, небольшую игровую станцию виртуальной реальности и контейнеры со светящимися строительными блоками. Несколько сотрудников сгрудились у стены, выкрашенной в аляповатые яркие цвета. Их руки были связаны за спинами.

Комнату охранял только один террорист. Он сидел, развалившись на тыквенно-оранжевом кресле-мешке. Его спина была расслаблена, винтовка безобидно лежала на коленях. Самое главное, он находился лицом к единственному входу, спиной к палубе.

Снаружи бушевала черная и яростная гроза. Но внутри все оставалось спокойно. Тихо. Свет приглушен. Дети рассредоточились по комнате, свернувшись калачиком на мешках или одеялах на полу. Умерли? Ее сердце сжалось, но нет. Кудрявый мальчик потянулся и накинул одеяло на голову. Они не мертвы. Они спали.

Их не могло быть больше десяти. Когда террористы поднялись на борт корабля, большинство родителей уже успели отвести своих детей на ужин.

Не было крови. И никаких трупов.

Все, что происходило на пляжной палубе, в «Галакси Лаунж», на королевском променаде и везде, здесь не случилось. Пока не произошло. Уиллоу осмотрела комнату в поисках брата.

Бенджи. Он заснул на животе на коврикe рядом со строительными блоками, в окружении хOVERкаров и космических кораблей, которые так любил строить. Он все еще носил свой потрепанный рюкзак.

Уиллоу облегченно вздохнула. Что-то внутри нее расслабилось, как разжатый кулак. Ее брат жив. Теперь она просто должна его спасти.

Присев на корточки, она попыталась открыть дверь. Та не поддавалась. Двери на веранду запирались из соображений безопасности, чтобы дети не бродили там без присмотра.

Уиллоу вытащила нож из лифчика и взялась за рукоятку, биение сердца отдавалось в ладони. Она подождала, пока раскат грома скроет тихий писк, а затем провела браслетом мамы по датчику двери.

Казалось, все вокруг исчезло. Единственным звуком стал шум крови в ушах. Зрение сфокусировалось. Уиллоу приоткрыла дверь и проскользнула внутрь. Бесшумно, как призрак, она босиком прокралась через детскую зону.

Пять шагов. Десять. Пятнадцать. Уиллоу почти добралась до охранника. На нем была помятая форма официанта, воротник неаккуратно застегнут. Рыжевато-светлые волосы, неухоженные и немного длинноватые сзади. Созвездие веснушек усеивало его шею.

Террорист низко ссутулился на кресле-мешке, вероятно, дремал. Он был крупнее и сильнее Уиллоу, но не сейчас. Не тогда, когда она стояла у него за спиной. У нее имелись сила, скорость и элемент неожиданности.

Уиллоу напряглась, когда пол под ней дрогнул. Одним быстрым движением она подтянулась и приставила нож к его горлу.

— Не двигайся, придурок.

Он резко проснулся.

— Положи винтовку и отшвырни ее в сторону.

Он повиновался. Оружие скользнуло по ковру, ударившись о ноги сотрудниц детского центра. Все три женщины уставились на нее, на их лицах читался страх.

Уиллоу прижала нож к его горлу и переместилась, чтобы оказаться лицом к лицу с ним. Поправила лезвие так, чтобы острое уперлось в его адамово яблоко.

— Моя сестра... она мертва, — прохрипела она. — Вы, ублюдки, ее убили. — Ярость захлестнула Уиллоу, и на мгновение она потеряла дар речи. Гнев заполнил все ее тело, она дрожала, глаза остекленели и горели от горя. Она сжала пальцы на рукоятке ножа.

Парень начал трясти головой, потом замер, когда лезвие царапнуло его кожу. Сглотнул. Струйка крови капнула на воротник его рубашки.

— Я не убивал. Я никого не убивал.

Его голос звучал чисто и ровно. Возможно, в другой жизни он занимался пением. Террорист был моложе, чем она думала, всего на несколько лет старше ее. Его жирный лоб покрывали прыщи. Лохматые волосы, потрескавшиеся губы, кривые зубы. Он выглядел как обычный парень, только что окончивший школу. И совсем не походил на злодея.

Ее сердце сжалось. Зло не выглядит как-то особенно. Оно может быть и красивым. Оно может прийти к тебе с улыбкой и кинжалом в зубах.

— Заткнись.

— Я клянусь. — Он медленно поднял руки, его взгляд метался по комнате. — Я не тронул ни одного волоска на их головах! Я кормил их, давал им играть. Я охраняю их, пока мы не уйдем.

— Он говорит правду, — подтвердила одна из заложниц. Девушка с Ближнего Востока, лет двадцати пяти, носившая хиджаб. — Он не причинил нам вреда.

— Вы можете просто уйти..., — начал он.

— Нет никакого «уйти». Твои друзья принесли взрывчатку вместе с оружием. Они собираются взорвать корабль и смотреть, как он тонет в пламени.

Он на мгновение замер, осмысливая ее слова.

— Отведите детей к спасательным шлюпкам. Я не буду вас останавливать. Если не верите на слово, у меня в кармане есть стяжки. Вы можете связать меня и оставить здесь.

Уиллоу облизала пересохшие губы. План годился, как никакой другой.

— Хорошо, урод. Вынимай свои стяжки, медленно и аккуратно, и подай их мне.

Она связала ему руки за спиной и освободила заложников.

— Если мы оставим его связанным, то обречем на смерть, — мягко заметила девушка с Ближнего Востока. Она была симпатичной, с сильным носом, густыми бровями и мягким, овальной формы лицом. — Я Надира.

— Приятно познакомиться, Надира, — кивнула Уиллоу. — Может, ему лучше умереть. Он сам вырыл себе яму.

— Это не нам решать.

Уиллоу пристально посмотрела на нее.

— Если корабль взорвется, то мы должны его развязать — или, по крайней мере, сделать так, чтобы он смог сбежать. Иначе мы станем убийцами.

Все обернулось не так, как Уиллоу думала. Монстр оказался всего лишь мальчишкой, с таким же лицом, как у нее. Не он убил ее сестру. И это не месть. Скорее, убийство. Она много кем была, но хладнокровный убийца не входил в это число. Злость вытекла из нее, оставив в желудке боль, похожую на раскаленный камень.

— Вот дерьмо. — Она положила нож для торта на пол позади его связанных рук. — Если тронешь этот нож до того, как мы уйдем, я выколю тебе глаза.

Парень встретил ее взгляд, на его лице отразилось благодарное облегчение.

— Спасибо.

— Присмотри за ним, — велела она Надире. Затем подобрала штурмовую винтовку террориста, чтобы использовать ее для защиты. Уиллоу понятия не имела, как из нее стрелять, но могла использовать как дубинку, если случится худшее.

— Эйт! — Бенджи сел и потерял глаза. Его волосы торчали во все стороны. Она опустилась на колени рядом с ним, уткнувшись в пластиковые блоки, и взяла его на руки.

Порезы на ладонях пульсировали, из них все еще сочилась кровь, но ей все равно. Теплое тело Бенджи прижалось к ней. Уиллоу чувствовала биение его сердца на своей груди. Его волосы пахли шампунем с зеленым яблоком. Он пах домом.

Она застонала и крепче обняла брата. Живой. Он был жив. Мама гордилась бы ими, где бы она ни находилась.

— Где мама? — спросил Бенджи, словно прочитав ее мысли. Он фыркнул и потерял нос рукой. — А Зия где?

Тьма вспыхнула в глазах Уиллоу. Демоны, шепчущие в глубине ее души. «Твоя вина. Твоя вина». Слова застряли у нее в горле, но она все равно их выдавила.

— Мы встретимся с ними у спасательных шлюпок. Отправляемся навстречу приключениям. Но мы должны быть храбрыми, хорошо? И нужно поторопиться. Давай разбудим твоих друзей.

Уиллоу надеялась, что Бенджи когда-нибудь ее простит. Ложь — наименьший из ее грехов.

Амелия

Корабль качнулся. Симеон остутился, крепче стискивая волосы Амелии.

— Пожалуйста, прекратите! — жалобно попросила она, ненавидя плач в своем голосе. — Вы делаете мне больно!

— Симеон..., — послышался сзади напряженный голос Габриэля.

— Ты собираешься ей сказать или лучше мне? — спросил Симеон у ее отца.

Пухлая губа Деклана Блэка скривилась.

— Я сгорю в аду, прежде чем отдам хоть что-то такому ублюдку, как ты.

— Думаю, придется самому. — Симеон откинул голову Амелии назад, обнажив шею. Кожа на голове вспыхнула от боли. Несколько прядей белокурых волос упали на ковер. — Деклан Блэк, генеральный директор компании «БиоГен Технолоджис», вступил в заговор с целью осуществления отвратительного акта биологической войны против собственного народа.

— Вы не мой народ, — прошипел Деклан.

— Для большинства людей вакцина «БиоГена», представляла собой безвредное, неактивное плацебо. Но тщательно отобранные люди получили нечто совершенно иное. Их вакцина от «БиоГена» содержала ДНК нескольких штаммов вируса, собранных в единый чрезвычайно агрессивный синтезированный патоген, — пояснил Симеон.

Амелия слышала слова, но не могла их понять. Они не имели смысла.

Симеон переместился за ее спиной.

— Некоторым сотрудникам Центра по контролю заболеваний и Министерства здравоохранения и социальных служб заплатили, чтобы они не смотрели слишком пристально. Это делалось под предлогом спешного распространения вакцины среди людей, которые больше всего в ней нуждались. Такое широко разрекламированное проявление доброй воли должно было хорошо сказаться на репутации и рейтингах всех вовлеченных лиц. В действительности Национальный день здоровья служил прикрытием, эффективным средством для быстрого и эффективного распространения биооружия среди целевой демографической группы.

Пронизывающий холод сковал Амелию до самых костей. Комната задрожала, кислород высасывался из воздуха, из ее легких. За окнами мостика грохотал шторм. Дождь бил по стеклу серыми, режущими полосами. Молнии раскалывали небо на мелкие кусочки.

— Это не правда.

— Биооружие применили к тщательно отобранному населению. Все до единого представляли собой обузу для правительства, все они были беженцами, нелегалами или бедняками, которые годами сидели без работы из-за того, что вышеупомянутое правительство передало все рабочие места роботам.

Амелия посмотрела на отца.

— Это правда? То, что он говорит?

Его глаза вспыхнули насмешкой.

— Конечно, нет.

Она потратила слишком много времени и сил, изучая его мимику, предугадывая настроение, чтобы не прочитать его сейчас. Тик под левым глазом. Это дополнительное

усилие при глотании в его горле.

— Ты лжешь.

Симеон рассмеялся.

— Истинная дочь своего отца.

— Сколько? — выдохнула она. — Сколько погибло?

— Ну, это неточная статистика, верно? — ответил Симеон. — Окончательное число определить невозможно. Однако по последним данным из наших источников в Белом доме, вирус намеренно ввели примерно ста тысячам мужчин, женщин и детей.

Амелия задохнулась.

— Ладно, вернемся к делу. Нам нужно лекарство, и нужно прямо сейчас.

Ее отец ничего не сказал, его лицо осталось каменным.

— Помни, только ты заставляешь меня это делать. — Симеон дернул ее за волосы, лишив равновесия. Амелия упала на пол. Он с силой ударил ее ногой в живот.

Резкая боль пронзила ребра. Она свернулась калачиком, задыхаясь. Слезы застилали ей глаза. Она яростно смахнула их. «Не позволяй им видеть, как ты плачешь».

— Хватит! — закричал Габриэль.

— Холлис, возьми его на мушку, — скомандовал Симеон.

— С удовольствием. — Холлис перешла с другой стороны от отца и остановилась в нескольких футах от Габриэля, ее оружие нацелилось ему в грудь.

— Оставь мою дочь в покое! — потребовал Деклан.

— Хочешь, чтобы я остановился? Начни говорить правду. Прямо сейчас.

Деклан лишь сверкнул на него глазами.

— Ты правда собираешься сидеть здесь и позволять нам мучить твоих родных? Сначала жену, теперь дочь. Что ты за человек?

— Это ты бьешь ребенка, — ядовито прошипел Деклан. — Я должен задать тебе тот же вопрос. Но я знаю, что ты за человек.

Рот Симеона сжался в тонкую линию.

— Я с радостью ее пощажу. Выбор за тобой. — Он наклонился, поднял ее голову за волосы и ударил по лицу рукояткой пистолета. Вспышка мучительной боли взорвалась в глазах Амелии россыпью звезд.

Кейн вынул нож из ножен на поясе.

— Может, отхватим ей палец или два. Для начала.

— Не смейте ее трогать! — прорычал Деклан.

Смутно Амелия слышала, как плачет ее мать.

— Деклан, пожалуйста! Просто скажи им! Дай им все, что они хотят!

— Если ты собираешься рыдать, — прорычал Симеон, — поплачь о невинных мертвых и умирающих душах дома. Для них уже слишком поздно.

Деклан расправил плечи, его глаза вспыхнули.

— Они обретут покой. Это больше, чем они имели при жизни. Это милосердие.

— Милосердие? — нахмурившись, переспросил Симеон.

— Ты сделал это специально? — прошептала Амелия. Белый шум заполнил ее голову.

— Не один, уверяю тебя. — Ее отец вызывающе вскинул подбородок. — Это делалось раньше и будет сделано снова. В эпоху сокращающихся урожаев и нехватки ресурсов, когда вирусные болезни распространяются как лесной пожар, а опасные идеалы разлетаются еще быстрее, правительство обязано восстановить порядок и обеспечить безопасность своего

народа. Если население отказывается признать необходимые средства, то кто-то должен вмешаться и сделать то, что требуется.

— И это значит убить сто тысяч невинных людей? — с ужасом в голосе спросил Габриэль.

Деклан посмотрел на него.

— Америка процветает благодаря силе. Быть слабым — значит предложить шакалам разорвать нас на части, отнять кусок за куском. Чтобы защитить избранных, обеспечить наши национальные интересы и выживание — да, пожертвовали некоторыми, чтобы спасти многих. Таков моральный императив.

Амелия не могла осознать его слова. Ее противоречивые эмоции связались в узел. Он был ее отцом, и оказался массовым убийцей. Она сейчас любила и ненавидела его, как всю свою жизнь.

— Мораль? — прошипел Симеон. — Ты оправдываешь свои действия моралью?

— А разве нет? — Лицо Деклана побагровело от ярости. — Мы действовали, чтобы спасти многие миллионы. Это вопрос национальной безопасности. Мы не можем — не хотим — позволить страху управлять нами. Если это означает отслеживание граждан, чтобы отделить овец от волков и успешное уничтожение волков — мы так и сделаем. Вы, люди, будете голосовать против своих собственных интересов, позволяя миру гореть вокруг вас, пока размахиваете своим жалким флагом свободы. Если мы должны пожертвовать мякиной, чтобы спасти пшеницу — лучших и самых ярких, тех, кто будет работать над восстановлением нашей страны и обеспечением того, чтобы Америка оставалась сияющим маяком мира — это выбор, который я с готовностью сделаю.

Холлис скривилась.

— Ты псих.

— Не псих. Прагматик. — Отец наклонился вперед, его глаза сияли. Он говорил с магнетической силой, как будто убеждал свой совет директоров принять новое перспективное приобретение. — Коалиция Единства — единственные, у кого хватит сил и мужества сделать то, что не удастся нынешнему, неэффективному руководству.

— Ты убил всех этих людей..., — всхлипнула она.

По его щеке проскочил тик.

— Люди умирают все время. Они были больны, голодны и слабы. Половина из них уже заразилась гриппом летучих мышей. Они бы все равно умерли. Мы сделали это, чтобы Америка могла выжить.

— Чтобы богатые могли выжить, хочешь сказать, — уточнила Холлис.

— Чтобы выжили достойные!

— Я не понимаю, — проговорила Амелия. — Зачем? Почему ты решился на такой шаг?

— Потому что Коалиция Единства собирается назвать это терактом, — заявила Холлис. — У них не хватило голосов, чтобы принять свой дурацкий законопроект. Эти элитные ублюдки хотят чипировать и отслеживать всех нас, как животных. Просто еще один способ усилить их контроль. Но люди воспротивились. Поэтому они собираются запугать народ и заставить его голосовать за все что угодно, в обмен на иллюзию безопасности.

— Это не иллюзия, — прорычал ее отец.

— Довольно! — Ченг сплюнул, поворачиваясь к Деклану. — Лекарство. Сейчас же.

Раздался гром, пронесшийся по мостику так громко и близко, что казалось, пол дрожит. Молния пронзила небо, осветив жесткое, непокорное лицо Деклана. Его рот искривился.

— Вы хотите получить свое так называемое лекарство? Заберите меня и мою семью с этого корабля.

— Мы уже обсуждали это, — заметил Симеон. — Сначала ты обеспечишь доступ к лекарству.

— Думаешь, оно у меня с собой? Вакцина хранится в секретном, охраняемом месте.

— Удивительно, что ты уехал без нее.

По лицу Деклана пробежала тень, настолько мимолетная, что Амелия не смогла ее прочесть.

— Всё случилось внезапно. Нештатная ситуация.

Она выплюнула кровь, скопившуюся во рту. Голова пульсировала. Ее желудок содрогался от боли. Казалось, ей чего-то не хватает. Все казалось неясным и далеким. Все происходило сквозь красную пелену боли.

Симеон одной рукой что-то набирал на своем спутниковом телефоне.

— Дай мне коды доступа к местоположению и идентификационные характеристики. Мои люди заберут лекарство и проверят его подлинность. Затем мы обсудим, как вытащить вас с этого корабля.

— Считаешь меня идиотом? Я не дам ничего, пока вы не обеспечите безопасный проход для меня и моей семьи.

Симеон оскалился.

— Неприемлемо. Живо выкладывай все, что нам нужно, или мы убьем твою дочь.

Деклан поднял подбородок.

— Я никому не позволю угрозами заставить меня подчиниться. Вы не получите лекарство в обмен на ее жизнь или чью-либо еще. Я не буду торговаться с террористами.

Симеон снова пнул Амелию.

— Значит, она нам не нужна. Жаль. Симпатичная штучка.

— Симеон, нет! — закричал Габриэль.

Но она едва его расслышала. Она попыталась сесть, боль пульсировала в ребрах.

— Отец!

Симеон прижал пистолет к ее виску.

— Такая потеря.

Что-то мелькнуло под каменной маской ее отца, выражение, которого Амелия никогда раньше не видела. Его глаза расширились, белки показались вокруг радужек. И там — проблеск страдания.

Надежда забилась в ее сердце. Он действительно ее любил. После всего, несмотря ни на что, он ее любил. Он сделает что-нибудь, каким-то образом, остановит это. Чтобы ее спасти.

— Отец! Пожалуйста! — взмолилась она.

Его лицо изменилось. В глазах вспыхнуло раскаяние.

— Помоги мне!

Так же быстро оно погасло. Его взгляд упал на колени.

— Папа!

Он не смотрел на нее.

В тусклом освещении Амелия едва его различала. Возможно, в его глазах блестели слезы. А может, и нет. Она не могла сказать.

В любом случае он ее бросил. Так или иначе, она умрет.

Он не собирался ее спасти.

Он не хотел ее. Единственная мысль пробилась сквозь дымку ужаса и боли. Он не хотел ее. Он был ее отцом во всем, кроме ДНК. Он вырастил ее. Но не любил. И не смог бы послать всего. Отмахнулся от ее страданий — ее приближающейся смерти — без малейшего чувства. После всего, чем она пожертвовала ради отца, потратив всю свою жизнь на то, чтобы угодить ему, заслужить его уважение и любовь.

Это не имело значения. Все это не имело значения. Она не имела значения. Ни для ее отца. Ни для Габриэля. Ни для кого.

— Отдай мне девушку, — с усмешкой произнес Кейн, скользнув по ней взглядом.

Страх вонзился кинжалом в ее живот.

— Нет, — отозвался Симеон. — Мы так не поступаем.

— Ты мне должен! — прорычал Кейн.

Ченг разговаривал по своему спутниковому телефону.

— Хватит! — объявил он, его шрам пульсировал фиолетовым цветом. Он едва повысил голос, но все внимание в комнате обратилось к нему. — У нас нет времени.

Симеон бросил на него пристальный взгляд, сдвинув брови и сжав челюсть.

— О чем ты говоришь?

— «Вояджер» напичкан взрывчаткой. Она сработает через двадцать минут.

Лицо Симеона побледнело. Он уставился на Ченга с полуоткрытым ртом.

— Что?

— Корабль пойдет ко дну.

Глаза Симеона помутнели от ярости и недоверия.

— Ты не можешь этого сделать. А как же...?

Ченг направил винтовку не совсем на Симеона, но очень близко.

— У нас есть свой приказ. Уверен, ты понимаешь.

— Какой приказ? — воскликнул Симеон. — От кого?

Напряжение повисло в воздухе. Каждый террорист собрался, пальцы замерли над спусковыми крючками оружия. Ченг расставил ноги, выпятил грудь, раздувая ноздри. Власть сместилась, незаметно, но необратимо. Симеон и «Новые Патриоты» больше не стояли у руля.

Амелия не знала точно, что это значит, но понимала, что дело плохо. И скоро все станет хуже. Намного хуже.

— Кто отдал приказ? — потребовал Симеон.

Ствол винтовки Ченга взметнулся вверх.

— У нас один и тот же клиент, полагаю.

— А наша добыча? — Голос Симеона прозвучал хрипло.

Ченг пренебрежительно пожал плечами.

— Об этом позаботятся. Как и договаривались.

— Я хочу девчонку, — повторил Кейн.

Ченг кивнул, не отрывая взгляда от Симеона.

— Ради бога.

Ее дыхание замерло в горле. Кости превратились в воду.

Габриэль бросился вперед и схватил Симеона за руку, на его лице отразились страдание и возмущение.

— Ты поклялся мне! Ты не можешь этого сделать!

Симеон повернулся и направил свое оружие в грудь Габриэля.

— Не вмешивайся. Мы все должны принести жертвы.

— Она человек, а не жертва!

Лицо Симеона напряглось, голос охрип.

— Иногда у нас нет выбора, сынок.

Кейн схватил Амелию за волосы и рывком поставил на ноги. Пол закачался под ней. Она споткнулась, когда он наполовину толкал, наполовину тащил ее к выходу с мостика. Ей удалось удержать свой клатч, вцепившись в него, как в спасательный круг, словно он мог как-то спасти ее от того, что будет дальше.

— Нет! — рыдала ее мать. — Пожалуйста! Не обижайте ее! Деклан сделай что-нибудь!

Голос матери был последним, что Амелия услышала, прежде чем дверь мостика захлопнулась за ее спиной.

Мика

Мика стоял вместе с Сайласом, Джерико и несколькими офицерами в служебном кабинете начальника охраны. В помещении с белыми безвкусными стенами находились стеллажи из промышленной стали и стол. Когда они несколькими минутами раньше вошли в кабинет, то обнаружили группу, о которой им рассказал Патель, — пять человек, прятались в небольшом чулане в задней части кабинета, включая начальника службы безопасности Франца Шнайдера.

— Что вам нужно? — спросил он. Шнайдер был рослым немцем с горделивой, высокомерной осанкой, с сидящими коротко подстриженными рыжеватыми волосами, и слезящимися глазами от постоянного курения сигар. Гнев вспыхивал в груди Мики каждый раз, когда он смотрел на него.

— Оружие и люди, — ответил Джерико.

— На борту есть некоторое количество оружия, но его не так много. — Шнайдер прижал руку к передней стенке большого сейфа. Гладкая поверхность засветилась вокруг его пальцев, считывая биометрические данные. Дверца с щелчком открылась. Внутри сейфа лежало около полудюжины пистолетов и винтовок.

— Как бы онигодились несколько часов назад, — кисло проговорил Джерико, беря пистолет и пристегивая его к поясу.

Шнайдер потер шею.

— Существует установленный протокол круизной индустрии и официальная рекомендация компании «Вояджер Энтерпрайзис». Оружие запрещено в большинстве стран мира. Основная часть нашего международного экипажа не знает, как им пользоваться. Чтобы избежать излишнего стресса для пассажиров, офицеры корабля не носят оружия.

— Излишнего стресса? — Джерико вытаращил глаза. — Они беспокоятся о стрессе? Как «Вояджер Энтерпрайзис» планировал защитить свои инвестиции от врагов, особенно учитывая статус ваших гостей?

Шнайдер неловко сдвинулся с места.

— Есть протоколы на случай чрезвычайных ситуаций. У нас много охраны. Нападений на такие корабли, как «Гранд Вояджер», никогда не случалось.

— Вы допустили ошибку, предположив, что враждебное нападение может произойти только извне, — заявил Джерико.

Шнайдер моргнул.

— Согласен. Мы понятия не имели, что к нам проникли террористы. Ни один протокол безопасности не может защитить от всех потенциальных угроз...

— А как же наркотики? — перебил Мика, слишком взбешенный, чтобы дальше молчать. — Вы контрабандой перевозите Шелк. Вы тоже террорист?

— Это правда? — Джерико сузил глаза. Его рука метнулась к кобуре.

Шнайдер, казалось, собирался все отрицать, но вместо этого вздохнул.

— Только наркотики. Я понятия не имел ни о чем другом. Мы не ввозили их в США, а вывозили контрабандой. В некоторых странах существует высокий спрос на вещества, которые успокаивают и умиряют граждан, а не подстрекают к насилию и бандитским разборкам.

Ярость пронзила Мику. Он хотел ударить Шнайдера по лицу.

— Он по капле забирает у них жизнь!

— Вы все понимает, каково это — заботиться о своих семьях. — Голос Шнайдера повысился. — Ни на одной работе не платят достаточно. А тут предложили сорок тысяч за партию. У меня две дочери. Я не смог отказаться.

— А оружие? — спросил Мика.

Шнайдер поднял руки.

— Я не имею никакого отношения к оружию. Клянусь.

Мика заметил, как Сайлас уставился на него краем глаза, нахмутив брови, как будто узнал и теперь пытается понять его поведение. В курсе ли Сайлас, что Габриэль — его брат, что он стал предателем? От стыда по шее Мики заструился жар. Он отвернулся.

— У нас нет на это времени, — процедил Джерико. — Мы должны решить две задачи. Освободить заложников на сборных пунктах, переместив как можно больше выживших в спасательные шлюпки, и проникнуть на мостик. Там враги держат ценных заложников, контролируя корабль.

— Кораблем можно управлять из машинного отделения, — уточнил Шнайдер.

— Машинное отделение уже захвачено боевиками. Они получили контроль в результате хитрости. Нам так не повезет. Дверь из армированной стали, а окна из плексигласа. Мы могли бы попытаться взломать дверь кувалдами или ацетиленовой горелкой, но в этом случае окажемся легкой добычей.

— Что вы предлагаете? — беспокойно спросил Шнайдер. Он передал каждому из своих людей по пистолету, переводя взгляд с оружия на лица мужчин. — Перестрелка на корабле — огромный риск. Это лишь усугубит насилие.

— Пока вы сидели здесь и трусливо дрожали, словно маленькие девочки, насилие только росло, — огрызнулся Сайлас.

Шнайдер покачал головой.

— Золотое правило при нападении пиратов: дать им то, что они хотят. Не сопротивляться. Они опустошат финансовые счета, украдут драгоценности и смартфлекссы и уйдут.

— Это не просто пираты. — Голос Джерико ожесточился. — Они террористы. Они жаждут крови. Хватит прятаться, ясно? Пришло время сражаться.

Ноздри Шнайдера раздулись. Он примирительно поднял руки.

— Мы не прятались! Мы действовали в соответствии с протоколами безопасности. В случае любого враждебного нападения весь персонал должен отступить в свои каюты. Мы не обучены ведению боя. Нам даны четкие инструкции никогда не вступать в схватку с...

— Достаточно. — Джерико проверил обойму на своей штурмовой винтовке. — Сейчас все это не имеет значения. Нам нужен план. Для эвакуации пассажиров потребуются отвлекающий манёвр на пунктах сбора, а также охрана, которая будет патрулировать палубу, пока пассажиры садятся в спасательные шлюпки. Шторм осложняет дело, но и врагам будет сложнее. Мы уже уничтожили двух ублюдков, охранявших шлюпки. Возможно, у вас будет свободный проход, а может быть придется драться. Мне нужно несколько ваших людей, чтобы помочь захватить мостик.

— Они у вас есть, включая меня. Мы не боимся драки. Мы просто следовали...

— У вас есть доступ к капитанскому мостику? — прервал Джерико, которого так же тошнило от Шнайдера, как и Мику.

— Как начальник службы безопасности, я пройду сканирование сетчатки глаза автоматически, даже если они пытались изменить код защиты. Проблема в видеокамерах. Они увидят, что мы идем, и застрелят нас, как только откроется дверь.

— Вот почему нам нужно отвлечь их внимание. — Джерико нахмурился, разминая костяшки пальцев. — Можете подключиться к системе отопления, вентиляции и кондиционирования?

— Да, у меня есть доступ. Но...

— Сколько места в этих воздуховодах?

— Между палубами два фута пространства для воздуховодов, проводов и тому подобного. Количество воздушного потока, необходимое для такого размера корабля, гарантирует, что большинство воздуховодов достаточно широки для маленького, проворного взрослого — если вы об этом думаете.

— Подойдет. Мика, Сайлас, вы пойдете со мной. Мика, ты единственный здесь достаточно маленький. Готов стать добровольцем?

Мика не колебался. Он готов сделать все, чтобы положить этому конец, чтобы остановить убийства.

— Абсолютно.

— Это то, что я хотел услышать.

Шнайдер несколько раз провел пальцем по своему планшету и активировал голографический порт. Чертежи зависли в воздухе перед ними.

— Здесь и здесь есть вентиляторы. — Он указал толстым пальцем. — Но если ты войдешь отсюда, через вентиляционное отверстие в каюте второго офицера, расположенной по левому борту, у тебя будет беспрепятственный доступ. Однако несколько поворотов окажутся непростыми. Металлический лист имеет острые края, и скорее всего ты наделаешь много шума.

Мика сглотнул.

— Звучит немного сложнее, чем это показывают в фильмах.

Джерико мрачно улыбнулся.

— В реальной жизни обычно так и бывает.

— Надеюсь, ты не страдаешь клаустрофобией, — заметил Сайлас, и в его голосе чувствовалось, что он обрадовался бы, если бы у Мики она была.

— Вы не сможете открыть решетку над капитанским мостиком, так как винты расположены снаружи, — предупредил Шнайдер.

Джерико помотал головой.

— У меня есть решение. На самом деле ему не нужно залезать прямо на мостик, просто подобраться поближе.

Мика прикусил внутреннюю сторону щеки, подавляя тревогу. Он сосредоточился на чертежах, пытаясь запомнить повороты и изгибы узких, запутанных воздуховодов.

— А если они его услышат? — спросил Сайлас. — Неужели просто не выстрелят в потолок и не изрешетят его в клочья?

Мика старался не представлять, как он оказывается запертым в тесном замкнутом пространстве, а вокруг него пули пробивают металлические листы.

— Хороший вопрос.

Джерико нахмурился.

— Как близко он может приблизиться, не входя в реальное пространство мостика?

Шнайдер провел пальцем линию.

— Приблизительно семь футов воздуховода выходит за внутреннюю стену перед вентиляционным отверстием, расположенным здесь.

— Семь футов. Значит, сработает. — Джерико ударил Мику по спине так сильно, что тот чуть не упал вперед на стол. — Думаю, ты все-таки это переживешь.

— Супер, — прохрипел Мика.

— Немного попадет в вентиляцию, и рассеется меньше чем за пять минут, но, вероятно, все равно будет чертовски неприятно.

Мика сглотнул.

— Что?

— Тебе понадобится маска. К сожалению, у меня есть только хлипкая бумажная.

— О чем вы говорите? — Мика сомневался, что вообще хочет знать.

Джерико вытащил из рюкзака что-то плоское, блестящее и дискообразное. Дрон. По размеру меньше, чем районные дроны-стражи, примерно как большая обеденная тарелка. Джерико нажал на кнопку, и светодиод в центре замигал синим светом. Тогда он открыл заднюю панель. Мика мельком взглянул на внутренности — провода, электроды и прочее, о чем Габриэль знал, но Мика никогда не интересовался.

Боль пронзила его при мысли о брате. Он отогнал ее в сторону. И внимательнее присмотрелся к дрону.

— Подождите. Эта штука вооружена?

Джерико улыбнулся.

— Только для защиты, уверяю тебя. Это модифицированный баллончик со слезоточивым газом. Он сбережет наши задницы.

Габриэль

— Ты позволил Кейну ее забрать! — Беспомощная ярость захлестнула Габриэля. — Ты знаешь, что он собирается с ней сделать!

Симеон покачал головой. Его лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени.

— У меня не оставалось выбора, Габриэль. Держи себя в руках. Помни о деле.

— Как ты мог? — Габриэль уставился на Симеона, человека, который практически вырастил его, был для него как отец. Теперь он стал чужим. Симеон оплачивал его школьные обеды, учил управлять машиной с механической коробкой передач. Его друг, наставник и защитник. Симеон, который обещал, что все они станут героями, и поклялся, что погибнут только виновные, да и то как можно меньше.

Симеон обещал, что Амелии не причинят вреда. А потом собственноручно ее истязал. Амелия предупреждала Габриэля, но он ей не поверил. Габриэль поверил Симеону. Симеону, который лгал обо всем.

Симеон отказался ему отвечать. Он подошел к окнам правого борта мостика и посмотрел на бурю. Вытащил свой спутниковый телефон и заговорил слишком тихим голосом, чтобы Габриэль мог расслышать. Ченг и его люди сгрудились вместе, склонив головы, и что-то бормотали в свои собственные рации.

— Я дам тебе то, что ты хочешь. — Деклан Блэк наклонился вперед в капитанском кресле.

Горечь свернулась у него в животе и подкатила к горлу. Габриэль верил в это дело с четырнадцати лет. Но сначала он поверил в человека. В человека, который оказался не тем, за кого себя выдавал. В человека, не способного отстаивать идеалы, которые он проповедовал последние десять лет. Мир Габриэля рассыпался на части.

— Ты понятия не имеешь о том, чего я хочу.

— Ты хочешь ее.

Корабль накренился. Молния осветила окна мостика.

— Я могу дать тебе то, что ты хочешь.

Отвращение сковало горло Габриэля.

— Ложь сломленного и отчаявшегося человека. Даже если она выберется с корабля живой, то не пожелает иметь с тобой ничего общего. Не после этого.

— Захочет. Ей придется.

Габриэль вспомнил слова Амелии, когда она опустилась в кресло на террасе, дрожащая и измученная, небо потемнело, электроны шипели, ветер хлестал вокруг них. Она поделилась своим глубочайшим секретом, своей слабостью.

А Габриэль ее предал.

Блэк прочитал его лицо и ухмыльнулся.

— Неужели у Амелии и правда возникли чувства к тебе? Вижу она рассказала о своем заболевании.

Габриэль презирал звук ее имени на губах этого человека. Неважно, что он ее отец; Деклан Блэк был чудовищем.

— Заткнись, ублюдок.

— Ты знаешь, что я прав. Ей нужны лекарства, иначе она умрет или станет овощем.

Каждый припадок разрушает все больше ее милого мозга. Если ей удастся выбраться с корабля, она найдет меня. И ты можешь быть рядом со мной.

— Если я отпущу тебя, ты меня просто убьешь. — Габриэль подавил вспыхнувшее в нем желание, надежду, что Амелия переживет случившееся, что его предательство ее не убьет.

— Мне нужны люди с определенными... навыками. Для тебя найдется место.

Для Габриэля не осталось места. Не здесь. Больше нет. Не с таким чудовищем, как Блэк. Ни с таким обманщиком как Симеон. Ни с Амелией, которую Габриэль предал и погубил. Даже рядом с Микой, слишком хорошим человеком, чтобы его простить, сейчас для него нет места. Габриэль метался в потемках в безлюдной стране ярости, ненависти и отвращения к самому себе.

Он принял решение в одно мгновение. Как только оно пришло, пути назад уже не существовало. Одним быстрым движением он поднял пистолет, повернулся и нацелил его в голову Симеона.

Симеон посмотрел на него. В его взгляде сверкнули удивленное недоверие и возмущение.

— Эй! — закричала Холлис. — Стой!

Габриэль нажал на курок, выстрел эхом отдался в его ушах. Симеон упал почти без звука. Его тело дернулось на полу, а затем затихло.

— Что за...? — Холлис вздрогнула.

В другом конце комнаты Ченг поднял свой импульсный пистолет и выстрелил в Холлис. Широкий луч лазера поразил ее левое плечо. Запах горелой плоти заполнил мостик.

Холлис пошатнулась, затем выпрямилась, вскрикнула, схватившись за безжизненную руку. Прежде чем она успела поднять оружие, Ченг выстрелил в нее еще три раза. Холлис вскинула автомат, уже падая, и пули пробили пол, стену и потолок в нескольких футах от того места, где стоял Габриэль.

— Спасибо. — Ченг усмехнулся, его шрам сморщил левую щеку. — Я уже собирался сам прикончить этого самодовольного придурка.

Габриэль напрягся.

— Я сделал это не для тебя, мудака.

— Ты еще можешь искупить свою вину, — горячо проговорил Блэк. — Ты можешь сделать правильный выбор.

— Не существует искупления. — Слова отдавали у него во рту горьким как яд привкусом. Габриэль сделал шаг вперед и приставил пистолет к голове Деклана Блэка.

— Боюсь, я не могу позволить тебе это сделать. — Ченг нацелил свой импульсный пистолет на Габриэля. То же самое сделали трое мужчин позади него.

Лицо Блэка побледнело, но его голос оставался ровным.

— Хорошенько подумай над своими действиями. Убьешь меня, и лечение Амелии пойдет прахом. Ты этого хочешь?

— Амелия все равно мертва. Вы с Симеоном позаботились об этом.

— Опустит пистолет, парень. — Ченг сделал шаг к нему.

— Он заслуживает смерти. Я думал, мы здесь именно для этого. — Руки Габриэля вспотели, пистолет дрожал.

Ченг покачал головой, на его лице появилась еле заметная улыбка.

— Такова была первоначальная цель. Нас наняли, чтобы поддержать «Новых Патриотов» в захвате корабля и уничтожении нескольких важных фигур, в основном из

руководства Коалиции Единства. Деклан Блэк был главной задачей.

— Но цель изменилась. Симеон оказался слаб. Его прискорбное отвращение к пыткам и расправе над женщинами снижало его эффективность. Его «Новые Патриоты» слишком идеалистичны и неорганизованны, они не приспособлены для такой задачи, как эта. У нас, однако, нет таких сомнений. И ситуация поменялась. Мы ничего не стоим, если не проявляем гибкость. — Ченг повернулся к Деклану. — Пришло время отказаться от этих маленьких игр. Мистер Блэк, нас ждет вертолет. Вы летите с нами.

Габриэль в изумлении вытаращил на него глаза.

— А как же место встречи? Эвакуация? Катера?

— Наши катера не придут. И никогда не собирались.

— Подожди... что? — В голове Габриэля сгустился туман. Он не мог осмыслить слова, которые только что услышал. Они не имели смысла. — Никаких лодок не будет?

Ченг собрался отвернуться, как будто ему наскучил этот разговор.

— Ты что, идиот? Я так и сказал.

— А как же твои собственные люди?

Ченг пожал плечами.

— В них нет ничего особенного. К завтрашнему дню у меня будет еще тысяча таких же, как они.

Осознание пришло медленно и страшно. Их предали, и «Новых Патриотов», и пиратов-наемников оставляют умирать на горящем, тонущем корабле — как и всех остальных. Его ноги ослабли.

— Нам не суждено было выжить в этой миссии.

— Даже Симеон не знал, — проронил Ченг. — Наш клиент позаботился об этом.

— Ваш клиент?

— Думаешь, все это ради какого-то идеализированного заявления во имя свободы? В основе таких дел лежит только одна вещь. Власть. Купленная и оплаченная золотом.

Лицо Деклана потемнело.

— Этот лживый, двуличный мешок с дерьмом...

— Наш клиент замел все следы, — пояснил Ченг. — И убил двух зайцев одним выстрелом. Я не совсем понимал конечную цель до небольшого признания Блэка. Но теперь все стало ясно. «Новые Патриоты» — козлы отпущения, легкая добыча, на которую можно свалить всю вину. Правда о роли Блэка и «БиоГена» в высвобождении вируса биологического оружия останется тайной, как и личность людей, которые его наняли. И вы все будете мертвы, так что кто может сказать, что здесь произошло на самом деле? Весьма блестяще, на самом деле. — Он повернулся к Габриэлю. — А теперь опусти свой пистолет, чтобы мы могли покончить с этой ребяческой глупостью.

Габриэль держал пистолет прижатым к голове Деклана, напрягая каждый мускул. Он не мог потерять равновесие, когда корабль качнется, иначе все закончится в одно мгновение. Он стиснул челюсти, борясь с паникой. Он должен подумать. Нужно действовать умно.

— Как только я это сделаю, ты меня пристрелишь.

Деклан начал подниматься.

— Не двигайся! — прорычал Габриэль.

Ченг обошел консоль и остановился по другую сторону капитанского кресла, его пистолет все еще целился в голову Габриэля. Габриэль и Ченг стояли лицом друг к другу, Деклан оказался между ними.

— Опустит пистолет, — велел Ченг. — Все кончено.

— Ты первый, — заявил Габриэль Ченгу. — Можешь убить меня, но я получу Блэка, и все его секреты умрут вместе с ним — включая лекарство.

— Я опытный убийца, парень. Как думаешь, кто победит в этой перестрелке?

Габриэль ткнул стволом в висок Блэка.

— Готов проверить на практике?

Взрыв сотряс пол под ними.

Ченг улыбнулся. Его шрам, казалось, пульсировал в тусклом свете, как будто живой.

— Похоже, вечеринка начнется раньше.

— Враги! — крикнул один из людей Ченга, указывая на мониторы системы безопасности. Краем глаза Габриэль уловил движение на камере в коридоре.

Его палец напрягся на спусковом крючке.

Мика

Никогда в жизни Мика не испытывал такой клаустрофобии. Стены из металлических листов сомкнулись над ним в темноте. Воздух внутри был спертым и грязным. Пыль забила ему горло и щипала ноздри. Маска так плотно прижималась к его носу и рту, что дышать стало почти невозможно. Он постоянно подавлял в себе желание чихнуть.

Углы воздуховодов оказались острыми, как лезвия бритвы. Старые порезы на ладонях и пальцах смешивались с несколькими свежими, и все они горели от боли. Он уже порезал предплечье и правое бедро, когда пробирался за угол.

Все вокруг было черным. Он не мог видеть ни над собой, ни позади, ни впереди себя. Никак не получалось выкинуть из головы образ крыс, снующих по его рукам. Хотя это была система воздуховодов вентиляции и кондиционирования воздуха, а не канализация. И все же от прикосновения пылевых клещей по его коже пробегали мурашки.

Мика протискивался вперед, опираясь на локти. Руками он крепко сжимал гладкий металл дрона. Очки сползали на нос, но он никак не мог их поправить.

Два налево. Направо. Налево. Почти каждый раз, когда он двигался, то непременно ударялся коленом или плечом о металлические стены. И вздрагивал от раздающегося звука, прикусив внутреннюю сторону щеки. Если террористы услышат его, весь план пойдет прахом. Шнайдер заверил, что, поскольку он не ползет прямо над мостиком, несколько стуков и ударов окажутся заглушены. Наверное.

Страх пробирал Мику до костей. Но пути назад не осталось. «Лучший путь найти выход — всегда идти напрямик». Он повторял в голове строчку Роберта Фроста, в то время как его сердце учащенно билось. Мика с трудом одолел последний левый поворот, согнув свое тело в извилистую, запуганную L-образную фигуру, его живот и бедра ударились об острый угол. Он зацепился рубашкой, и боль пронзила кожу над пупком.

Воздуховод наполнили звуки. Послышались крики людей. Один из голосов Мика узнал так же ясно, как свое собственное лицо в зеркале. Габриэль.

Но ведь брат не мог быть здесь. Он должен находиться в океанариуме с Амелией, в безопасности от всех этих смертей, разрушений и хаоса. Ледяной озноб прокатился по его телу, пронзая до костей.

Мика закрыл глаза. Попадет ли Габриэль под перекрестный огонь? Имеет ли это значение? Может ли он рискнуть жизнью брата, чтобы спасти всех остальных? Есть ли у него вообще выбор?

Он не мог примирить этого жесткого, озлобленного Габриэля с братом, который раз за разом спасал его от хулиганов, обнимал Мику в тот день в хOVER-парке, когда ему распорол плечо. С тем Габриэлем, который сидел на его кровати и гладил волосы, когда Мика заболел пневмонией. С Габриэлем, который таскал ему апельсины и шоколадки, даже когда у них не водилось денег. Его брат. Его семья. Единственная настоящая семья, которая у него есть.

Габриэль, возможно, погибнет через несколько секунд после того, как Мика выпустит дрон. Мика никогда не сможет сказать все то, что хотел ему сказать. «Как ты мог? Прости меня, я люблю тебя и так будет всегда», — и все это на одном дыхании.

Еще больше криков.

Хлопок выстрела.

Это не имело значения. Это не могло иметь значения. Все хорошее в Габриэле затмил один отвратительный поступок. Не важно, сколько раз Габриэль защищал его в прошлом, Мика не мог защитить его сейчас. Важнее спасти невинные жизни. Так и должно быть. Он не мог ценить жизнь своего брата дороже многих других. Слишком много жизней поставлено на карту. Это правильно.

На Мику нахлынуло горькое сожаление, но он его подавил. Он не мог позволить себе почувствовать ошеломляющую боль, не сейчас. Все это придет позже. Если он выживет.

Мика втянул в себя воздух, и пыль сильнее забила ему горло.

Почти на месте. Он вспомнил сложные чертежи системы отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха, пытаясь определить свое местоположение. Проползти пять футов за поворот. Дальше нельзя, иначе он рискует быть изрешеченным пулями, как рыба, застрявшая в металлической бочке.

Тусклый свет проникал через вентиляционное отверстие в двух ярдах перед ним. Мика едва различал очертания дрона, который держал в руках. Нащупав выключатель, он активировал его, как велел Джерико.

Шквал пуль пробил воздуховод в двух метрах перед ним. Мика замер. Снизу донеслись крики. Время вышло. Он должен действовать. В памяти всплыли слова матери. «Будь хорошим. Будь храбрым».

Мика прошептал молитву, отпустив дрон и слегка подтолкнув его. Дрон бесшумно полетел, зависнув в нескольких дюймах над воздуховодом. Приземлившись на решетку, дрон щелкнул и издал тихое шипение.

На мостик повалил едкий дым. Начался хаос.

Мика закрыл глаза. Когда звуки выстрелов заполнили уши, его разум повторял одно и то же слово снова и снова.

«Всегда».

Амелия

Кейн тащил Амелию за волосы по длинному коридору. Он открыл дверь и втолкнул ее внутрь. Она увидела конференц-зал с большим столом и офисными стульями, гостиную с диванами из парчи, большой голоэкран на дальней стене. Каюта капитана.

Кейн втолкнул ее в другой узкий дверной проем. Спальня.

Выбив из рук клатч, он швырнул ее на старомодную кровать. Амелия сильно ударилась головой о матрас. Кейн навалился на нее, дыша в лицо смрадом табака и дергая за инкрустированные драгоценными камнями бретельки платья.

В глазах помутилось. Бежевые потолочные плитки над ней переливались розовыми, желтыми, белыми оттенками. В животе забурчало, и ее затошнило. Мигрень. Приступ мигрени в самый неподходящий момент. Или, может быть, наоборот, очень вовремя. Все самое ужасное обрушилось на Амелию разом, как страшное наказание за каждый грех, который она когда-либо совершала.

Она собиралась умереть. Не от пули. Гораздо хуже. Этот человек желал причинить ей боль. Ему нравилось ее мучить. А когда Кейн закончит с этим, он намерен сделать ей еще больнее. Она чувствовала его запах, пот, напряженность тела, то, как он пожирал ее страх своими злобными гадючьими глазами.

Время замедлилось. Она видела все. Деревянные столбики кровати. Хлипкие занавески над французскими дверями на веранду. Черные пуговицы его мундира, одной из них не хватало. Кейн навис над ней, поры на его коже расширились, жилы выделялись на шее, эта ужасная, злобная улыбка.

Амелия все чувствовала. Ворсистую ткань пледа, трущуюся о ее спину. Его руки, как гигантские пауки на ее плечах, ногах. А ее мозг горел, пульсировал, бился, метался. Все ее тело дрожало, сотрясаясь от боли, ужаса и отвращения.

Она осталась одна. Брошена. Никто не придет ей на помощь. Она стала всего лишь инструментом, пешкой, которую использовали и выбросили. Все ее использовали. И вот, наконец, самый ужасный способ использовать человека. И это животное забирало последнее: ее честь. Ее чувство собственного достоинства. Ее безопасность. Самую суть, причем без ее согласия.

Слезы катились по щекам, когда он рвал на ней платье.

— Пришла в себя, красотка? — прорычал Кейн. — Не исчезай от меня. Это самая лучшая часть.

Амелия застонала, попыталась отстраниться.

— Пожалуйста...

Он сильно ударил ее по лицу.

Боль в черепе усилилась. Она пульсировала в мозгу, отдаваясь в кожу головы и основание шеи.

«Используй то, что у тебя есть».

Амелия моргнула, заставляя себя сосредоточиться.

«Используй то, что у тебя есть».

Она чувствовала себя абсолютно беспомощной. От нее отказались отец, Габриэль. Она им больше не нужна. Они не приняли ее. Она думала, что приняли — она пыталась их

заставить, но жестоко ошиблась.

Яркий свет слепил глаза. Мигрень пронеслась сквозь череп, разрывая его, раскалывая на части. Казалось, что она умирает. Снова и снова. Смерть и возвращение к жизни, только чтобы умереть опять.

«Используй то, что у тебя есть».

Ее разум пытался уйти, уплыть, убежать от ужаса, но боль не давала этого сделать. Она приковала Амелию к настоящему, к кровати, к тому, что и кто делает.

Но Амелия знала эту боль. И эта боль была ее самым старым, самым горьким другом. Боль, которую она переживала снова и снова. Терпела. Преодолевала. Мигрени не убили ее. Приступы не убили ее. Она пережила их. Она их победила.

Она знала эту боль. И знала, как ее терпеть. Она жила с болью долгое время. Она могла сделать это снова.

«Используй то, что у тебя есть».

Амелия открыла глаза. Разноцветные пятна света мешали зрению. Но она могла видеть достаточно. Она могла двигаться.

Она могла сражаться.

Амелия собрала все имеющиеся силы внутри себя. А затем ударила. Она вцепилась ногтями в лицо Кейна, зацепив щеку и часть левого глазного яблока. Он отпрянул назад, завывая.

Она перекатилась на бок и слетела с кровати. Ударилась о ковер и вскочила на колени. Ее платье зацепилось за металлический уголок пружины, удерживающей матрас. Она рванула ткань одним бешеным движением, дрожащими руками.

Вскочив на ноги, Амелия бросилась к двери, но споткнулась, когда ее накрыло головокружение и пол резко закачался.

Кейн ее сразу настиг. Он кинулся на Амелию сзади и был быстр, слишком быстр. Схватив за талию, он потащил ее назад, повалив на пол.

От удара об пол у Амелии затрещала голова, зубы клацнули. Новая волна мучительной боли полыхнула в глубине глаз. Он ударил ее кулаком в лицо. Все вокруг потемнело и расплылось. Кейн навис над ней гротескной тенью. Амелия почувствовала запах его ярости. В ноздри ударил запах горелой резины, что-то темное и горькое.

Он схватил ее за руки и поднял их над головой.

— Любишь грубые игры, да?

Кислота подступила к горлу, но Амелия боролась с ней. Ужас смешался с бурлящим в венах адреналином. Но бояться времени нет. Она собралась с силами и ударила его коленом в пах.

Кейн отшатнулся назад, обхватив промежность руками.

— Я тебя убью, сука!

Амелия откатилась в сторону и попыталась встать на ноги, но боль стиснула ее голову в жестоких тисках. Конвульсии прокатились по телу. Она упала на колени. Ей никогда не добраться до двери.

«Используй то, что у тебя есть».

Она повернулась, в бешенстве цепляясь ногтями за ковер и на четвереньках двинулась к кровати. Кислота бурлила в желудке, волна тошноты едва не сбила Амелию с ног. Зрение поплыло и потеряло резкость. Она яростно заморгала. «Где оно? Где же это!»

Она слышала Кейна позади себя. Идет за ней. Разъяренный и жаждущий насилия.

крови.

«Нашла!» Под кроватью. Она чуть не закричала от облегчения.

Краем глаза увидела его. Кейн бросился на нее. В руке мелькнул нож. Молниеносный смертельный выпад.

Мир погрузился в тишину. Звуки исчезли. Амелия ничего не слышала. Она едва могла видеть. Пришлось использовать только руки, осязание, как она делала всегда, когда боль становилась ревом несущегося на нее поезда, дрожащими под ногами рельсами.

Он навалился на нее сверху, приставив нож к горлу. Сильно надавил, рассекая лезвием кожу. В его глазах сверкал острый и угрожающий блеск.

— Сдохни, сука.

— Ты первый, — процедила Амелия.

Она воткнула эпи-ручку в его правое глазное яблоко и нажала на поршень.

Мика

Мика сгорбился в темноте воздуховода, мышцы страшно ныли. Глаза горели и слезились от остатков слезоточивого газа. Рот, язык и горло воспалились от частиц, просочившихся сквозь бумажную маску.

Но он избежал самого страшного. Он ждал, напряженный и дрожащий, совершенно беспомощный, прислушиваясь к ожесточенной перестрелке внизу.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем решетка откинулась и в воздуховод хлынул тусклый голубой свет. Мика пополз вперед, опираясь на локти, и высунул голову из вентиляционного отверстия. Сильные руки схватили его и протащили остаток пути. Он вывалился из воздуховода на пол, неловко приземлившись на задницу.

Джерико поднял его на ноги.

— Смотрите-ка, кто появился!

Мика согнулся, кашляя и отплевываясь. Потер лицо, и его рука стала серой от грязи и пыли. Он почистил свои грязные очки о полупыльный край рубашки и снова их надел.

Дым быстро рассеялся. В комнате воняло рвотой. Лежали трупы. Его сердце сжалось.

— Что случилось?

— Двое сбежали с Декланом Блэком в заложниках. — Ноздри Джерико раздувались, глаза полыхали от ярости. — Мы не могли рисковать Блэком. Наблюдали, как эти ублюдки просто ушли отсюда. — Он поведал, как следовал за ними на безопасном расстоянии вверх. Вертолет завис над пляжной палубой, лестница хлопала на ветру. Похитители Блэка сбежали, бросив корабль и его пассажиров — включая своих людей — на верную смерть.

Люди Шнайдера освободили заложников и переместили их в коридор. Они находились в бессознательном состоянии, за исключением женщины, которая сильно кашляла, ее глаза слезились от газа.

Шнайдер стоял у консоли мостика, работая над восстановлением связи и выводом корабля из шторма. Корабль все еще качало, но уже не так дико, как раньше. Дождь бил по стеклам, но не столь яростно. Скоро шторм закончится. Но пока он еще продолжался.

Шнайдер дал один длинный гудок, чтобы подать сигнал о срочной эвакуации, затем нажал красную кнопку на системе громкой связи.

— Говорит начальник службы безопасности Шнайдер. Мы отвоевали мостик. Повторяю, мы вернули управление капитанским мостиком. Всем членам экипажа прибыть на места аварийной эвакуации. Пассажиры, как только это станет безопасным, пожалуйста, пройдите к спасательным шлюпкам правого борта на четвертой палубе.

— Что касается тех из вас, кто попал на этот корабль и хороших людей на его борту, ВМС США уже оповещены, и они в пути. За вами не придут никакие лодки. Повторяю, ваш руководитель бросило вас, сбежав на вертолете. Если вы отпустите заложников и немедленно направитесь к спасательным шлюпкам по левому борту, никто на этом корабле не будет пытаться вас остановить.

— Вы с Сайласом направляйтесь к спасательным шлюпкам, — велел Джерико. — Мы позаботимся о местах сбора и освободим оставшихся заложников.

— Вам лучше поторопиться. — Шнайдер провел пальцем по экрану на консоли, хмурясь все сильнее. — Противопожарные зоны один, два и пять повреждены. От взрывов

уже затоплены два отсека. Больше трех, и мы пойдём ко дну. Я перекрыл водонепроницаемые и огнестойкие двери под палубой, но огонь все сильнее разгорается и охватывает все больше пространства. У нас мало времени.

— Так или иначе, мы избавимся от этих ублюдков, — пробурчал Джерико.

Мика открыл рот, собираясь спросить о судьбе Габриэля, но засомневался. Если они узнают, что его брат террорист, будут ли продолжать ему доверять? Или будут подозревать и его? Или того хуже, просто пристрелят для надежности? Нет. Он должен выяснить это сам.

Резкая металлическая вонь заполнила его ноздри, смешавшись с запахом пороха. Он перевел взгляд на пол. Несколько тел лежали в крови. Мика насчитал девять трупов. Еще двое смертельно ранены и наверняка истекут кровью в ближайшие несколько минут.

Его желудок скрутило, когда он переступал через тела, ища в каждом из них Габриэля. Но его не было. Мика проверил и перепроверил каждое тело. Еще двое лежали, обмякнув, за главной консолью. Ни один из них не был Габриэлем. Его брата не оказалось среди мертвых.

Невозможно. Он точно слышал голос Габриэля.

— Ищешь кого-то?

Мика напрягся.

Сайлас прислонился к стене, пристально глядя на него темными, пронизывающими глазами. Он наблюдал за ним все это время.

У Мики свело живот.

— Почему ты так говоришь?

Сайлас только ухмыльнулся.

— Он в коридоре.

Мика не стал спрашивать, кто. Сайлас знал. По тому, как он смотрел на него всю ночь, внимательно изучая. Но теперь не осталось никакого замешательства. Только самодовольное, презрительное признание.

— Он...?

— Задержан и находится под охраной. Чтобы он мог предстать перед судом за свои преступления. Но он жив. Сайлас изогнул бровь. — Это хорошо? Или плохо?

Гнев пронзил Мику насквозь. Сайлас попал слишком близко в цель. Мика и сам не знал, чего хочет. Жив. Он хотел, чтобы его брат остался жив. Больше он ничего не знал. Он протиснулся мимо Сайласа в коридор.

Трое спасенных заложников сидели в коридоре. Один мужчина стонал, зажимая пулевое ранение в животе. Двое других, похоже, находились без сознания.

А вот и он. Его брат, террорист. Габриэль прислонился к стене в дюжине ярдов дальше по коридору. Руки в наручниках перед ним, чистая офицерская форма испачкана кровью, некоторые пятна уже окрасились в бурый цвет, некоторые все еще ярко-красные. Один из людей Шнайдера стоял на страже в нескольких футах от Габриэля.

Можно к нему подойти? Сможет ли он вообще выдержать встречу с Габриэлем, взглянуть в это лицо, которое Мика знал так же хорошо, как свое собственное, любил больше, чем самого себя? Он моргнул, борясь с волной горя и отчаяния.

Кто-то схватил его за штанину. Одна из заложниц, ее темные волосы разметались по лицу. Мика узнал ее, несмотря на кровь и тушь, размазанную по щекам.

— Миссис Блэк.

— Ты был в столовой «Оазис». Когда это случилось.

— Да, мэм, — задуманным голосом ответил Мика.

Сайлас присел перед матерью.

— Ты в порядке?

Мать и сын посмотрели друг на друга. На лице миссис Блэк застыло сложное выражение, которое Мика не мог прочитать: смесь облегчения, надежды, страха и сожаления. Она подняла руку, словно протягивая ее Сайласу. На миг ее рука затрепетала в пространстве между ними, а затем опустилась на колени. Вместо прикосновения миссис Блэк потеряла красные следы на запястьях и слабо улыбнулась.

— Сайлас. Я молилась каждую секунду за вас с Амелией. Я... я так благодарна, что с тобой все в порядке.

— С тобой тоже.

— Это было ужасно. Каждую секунду я жутко боялась. А потом он забрал ее... — Она судорожно переводила взгляд с Сайласа на Мику, как будто просыпалась от ужасного кошмара, только чтобы понять, что он все еще продолжается. — Он ее забрал!

Сайлас напрягся.

— Кого забрал?

— Амелию! Она была здесь, на мостике. Они ее избили... — Ее рот искривился. — Тот монстр ее забрал.

Грудь Мики сжалась. Стало трудно дышать. Страх, терзавший его в воздуховодах, застыл в груди, как ледяная глыба. Мика оставил Амелию в океанариуме. Он верил, что Габриэль не причинит ей вреда. Невинная девушка. Он не мог так поступить.

Но Габриэль все-таки это сделал. Он привел ее на мостик и отдал жестоким бандитам, убийцам. Мика так наивно, глупо доверял брату, которого, как ему казалось, знал. Но, похоже, он никогда не знал его до конца. Возможно, нельзя по-настоящему узнать другого человека, кроме того, что он хочет показать. Или за тем, что ты хочешь увидеть в нем.

— Где она? — спросил Сайлас, тоном, настолько резким, что им можно резать стекло.

— Я не знаю! — ответила его мать.

— Подумай! Ты была там!

— Я не знаю!

— Как он выглядел?

— Он был большим и сильным. С глазами, как... как будто он что-то делал с тобой, мысленно. О, Сайлас. Он убьет ее! — Она закрыла рот руками, подавляя рыдания.

Сайлас вскочил на ноги и повернулся к Мике.

— Куда бы ты пошел, если бы собирался... — Он оскалился, не в силах закончить предложение.

Мика так сильно прикусил внутреннюю сторону щеки, что почувствовал вкус крови.

— Я не знаю, куда бы он ее повел, но кое-кто может быть в курсе.

Он зашагал по коридору. Пол покачнулся, и он уперся в стену. Ярость поднялась в нем, заглушая боль, предательство. Он оплачет все позже.

Габриэль сидел с закрытыми глазами. Мика пнул его ногой.

— Подъем!

Глаза Габриэля дрогнули и открылись.

— Мика. Ты в безопасности.

Нежность в его взгляде показалась диким ударом в живот.

— Не благодаря тебе.

Габриэль поднял связанные руки и наклонил подбородок к охраннику, который стоял в

дюжине футов от него и разговаривал по рации.

— Скажи, что сменишь его. Он не знает, кто ты. Мы сможем выбраться отсюда, взять одну из спасательных шлюпок, прежде чем кто-нибудь поймет, что нас нет.

Сердце Мики гулко бухало. Он с трудом мог смотреть Габриэлю в лицо. Брезгливость и отвращение боролись с преданностью, нежностью, любовью. И горе, нависшее над ним, как цунами, обрушилось на Мику.

— Ты сделал это. Ты помог убить всех этих людей.

— Я бы вернул все назад, если бы мог, клянусь тебе. Это была ошибка, ужасная ошибка.

Он не мог слушать страдающий голос Габриэля. Не мог позволить своим эмоциям встать на пути.

— Где Амелия?

Тень пробежала по лицу брата.

— Где она? Отвечай!

— Уже мертва, — мучительно произнес Габриэль.

— Габриэль! Пожалуйста!

— Каюта капитана. Кейн повел ее в каюту капитана. Но для нее уже слишком поздно, Мика. Мне так жаль. Я никогда не хотел этого. Никогда. Ты должен мне поверить...

— Я верил тебе. Я верил, что ты никому не причинишь вреда. Но ты привел Амелию сюда. Ты позволил им ее забрать.

Лицо Габриэля скривилось.

— Прости меня. За все.

Мика встал и отступил.

Отчаяние блеснуло в глазах Габриэля.

— Только мы?

Слово «всегда» растворилось у Мики на языке. Он больше не мог слушать. Его сердце разлетится на куски, если он это сделает.

— Ты мой брат. Ты всегда будешь моим братом. Я люблю тебя, но не могу спасти.

— Мика!

— Мне жаль. — Это походило на предательство — отвернуться от своей единственной семьи, от брата, которого он любил больше, чем самого себя. Как будто Мика лишился собственной души. Казалось, что все, что он когда-либо любил, рассыпается в прах в его руках.

— Пойдем! — позвал он Сайласа, срывающимся голосом.

Сайлас подошел к нему, подняв винтовку. Он направил ее на Габриэля, хотя его взгляд остановился на Мике.

— Скажи, может и ты предатель, как твой грязный крысеныш брат? Почему я должен тебя слушать?

Мика сдержал вопль возмущения, горя и ужаса.

— Потому что я знаю, где твоя сестра. Ты хочешь ее спасти?

Сайлас нахмурился, но кивнул.

— Мика, мне жаль..., — умоляюще проговорил Габриэль. — Прости меня.

Но Мика и Сайлас уже ушли.

Уиллоу

Уиллоу прижала винтовку к груди одной рукой, а другой обхватила маленькие пальчики Бенджи. Она вела группу вниз по нескольким лестничным пролетам. Надира шла позади нее, а две другие сотрудницы — сзади.

Мощный взрыв потряс стены и лестницу. Свет замерцал, затем погас, погрузив их во тьму. Несколько детей закричали.

— Все в порядке, — успокоила Надира.

— Ло-Ло! — Бенджи заплакал, сжав ее руку.

— Просто подождем. — Мгновение спустя включилось тусклое аварийное освещение на полу. Она моргнула, стараясь, чтобы глаза привыкли к непроглядному мраку. Внезапно каждая тень показалась Уиллоу живой, словно над ней насмехающейся. — Ладно, пошли. Быстрее!

Они спустились по лестнице на шестую палубу. Запах дыма заполнил ее ноздри. Уиллоу перегнулась через перила лестницы и увидела темно-серую дымку, просачивающуюся снизу-вверх по лестнице.

Этот путь закрыт. Им придется пройти по королевскому променаду к кормовой лестнице, ведущей к спасательным шлюпкам на четвертой палубе.

Корабль резко дернулся, и Уиллоу споткнулась, на мгновение схватившись за стену для равновесия, прежде чем заставила себя двигаться снова. Быстро обогнув угол, она уже сделала несколько шагов в сторону фойе, как вдруг замерла.

Движение. Справа мелькнула тень.

Она жестом велела Надире остановиться. Надира отступила к лестнице, но у Уиллоу и Бенджи не хватало времени. Ее взгляд метался, лихорадочно ища безопасное место. Ниша лифта находилась в другом конце фойе. Это был лучший вариант.

Уиллоу дернула Бенджи за руку и бросилась через открытое пространство, завернув за угол ниши. Прижала палец к губам. Бенджи кивнул, расширив глаза от ужаса.

Она осторожно выглянула из-за стенки. Надира и дети скрылись из виду. Должно быть, они сгрудились на лестнице, закрытые от посторонних глаз стеной лестничного пролета. Они пока в безопасности. Если тот, кто приближается, просто пройдет прямо, не сворачивая к лестнице слева или лифтам справа, тусклое освещение и тени могут их скрыть. Тогда они выживут.

И тут Уиллоу увидела кровь. Она хорошо просматривалась под светом аварийного освещения. Ее кровавые следы, темные и заметные на золотом ковре. Порезы на ногах от витрины кофейного бара кровоточили все это время, а Уиллоу даже не заметила. Отпечатки вели прямо к нише, в которой они ютились.

Звук тяжелых шагов приближался. Она прижалась спиной к двери лифта, сердце бешено колотилось в груди. Бенджи закрыл рот руками. Он смотрел на нее широко раскрытыми глазами, его лицо покраснело. Он хотел откашляться. Нет, нет, нет. Не сейчас. Пожалуйста, не сейчас.

Уиллоу накрыла его руки своими. Бенджи задрожал от усилия сдержаться. Ее собственное горло сжалось, как в тисках, перекрывая дыхание.

Шаги прекратились. Террорист заметил кровь. В ту же секунду его взгляд устремился

по следам прямо к нише.

И вот он уже перед ней, стоит всего в нескольких ярдах. Даже при тусклом освещении Уиллоу видела его отчетливо. Он не надел лыжную маску. Светлые волосы и длинное лошадиное лицо. Мужчина поднял винтовку.

— Не подходи! — крикнула она. Надеюсь, что Надира и другие дети убегут назад по лестнице, пока внимание террориста приковано к ней. Но сейчас она не могла об этом переживать. Не под дулом штурмовой винтовки, направленной прямо на нее.

Она сглотнула, сердце заколотилось сильнее. Ее ладони стали влажными, рука Бенджи заскользила под ее пальцами. Кашель Бенджи вырвался из его груди. Он задышался, полукашляя, полувсхлипывая. Уиллоу крепче сжала его руку.

— Не надо этого делать! — Ее голос дрожал. — Корабль горит. Мы все просто пытаемся спасти свои жизни. Отпустите нас.

— Никто из вас, элитарные ублюдки, не заслуживает жизни, — прошипел террорист. Он подался вперед, бормоча проклятия под нос и тыча в них стволом винтовки, как копьем. Глаза, дикие и налитые кровью. Пятна крови покрывали его рубашку и шею.

На нем не было ран. Это не его кровь.

Он собирался их убить. Не потому, что должен. А потому что мог.

Время, казалось, замедлилось. Страх кричал Уиллоу, что нужно бежать. И, возможно, она могла. Она была быстрой. Она могла петлять и уклоняться. Может быть, ей удалось бы убежать. Но Бенджи нет. Он слишком мал, его ноги слишком коротки. Он не сможет убежать.

Если только не получится как-то отвлечь внимание. Если только у этого злобного ублюдка не появится более аппетитная цель. Она могла спастись сама, но не могла спасти их обоих. На принятие решения ушло всего мгновение. Уиллоу знала, чего бы хотела от нее мама. «Позаботиться о них». Она была эйт. Это ее обязанность.

— Когда я скажу тебе, — тихо проговорила Уиллоу, сжимая руку Бенджи, — беги. Не останавливайся. Представь, что это волшебство. Представь, что если побежишь со всех ног, ты исчезнешь.

«Я люблю тебя. И мне жаль». Но времени на эти слова не осталось. Она отпустила руку Бенджи.

Ее взгляд не отрывался от лица террориста. В глубине души бился страх, но и что-то еще. Смирение. И что-то похожее на покой. «Позаботиться о них». Чтобы спасти свою семью, она должна быть готова на все.

Да. Сейчас или никогда.

Уиллоу сделала шаг.

Мика

Мика и Сайлас помчались по коридору правого борта к третьей двери, отмеченной золотой табличкой с надписью «Капитан Либенберг».

Мика попробовал ручку.

— Заперто. У Шнайдера должен быть мастер ключ.

— Нет времени! — Сайлас ударил плечом в дверь. Она вздрогнула, но не поддалась.

Внутри кто-то закричал.

Мика задохнулся. Они ее нашли. Она жива. Но ужас от этого крика сковал его вены.

— Амелия! — завопил Сайлас. Он бил кулаками в дверь. Отступив назад, снова бросился на нее.

— Используй винтовку!

Сайлас размахнулся и ударил винтовкой по старомодной латунной дверной ручке. Она сломалась после четырех попыток.

Мика и Сайлас пинали дверь, пока она не открылась.

За дверью находилась гостиная — диваны, кофейный столик, голоэкрэн, открытая дверь в спальню, но мозг Мики едва регистрировал все эти вещи.

Два тела сцепились на полу рядом с журнальным столиком. На какое-то ужасное мгновение он не мог понять, что происходит. Затем его зрение сфокусировалось.

Амелия склонилась над телом мужчины. Кейн. Он стонал от боли, хватаясь за лицо. Она ударила его чем-то, с криком отчаяния. Кейн отпихнул ее, махнув рукой, но она снова и снова бросалась на него, нанося удары в шею, грудь и плечи.

Сайлас кинулся к сестре. Он схватил ее под мышки и стащил с Кейна.

Амелия завывала, повернулась и бросилась на Сайласа, сжимая в руке оружие. Сайлас схватил ее за запястье, прежде чем она успела его ударить.

— Амелия! Остановись! Это я! Сайлас!

Ее крик затих в горле. Она моргнула, и на ее лице появилось понимание. Она прижалась к нему. Они рухнули на колени, Сайлас притянул Амелию к себе и что-то прошептал ей в волосы.

Потом отодвинул ее на расстояние вытянутой руки, чтобы осмотреть.

Платье Амелии было порвано в нескольких местах и содрано с плеча. Глубокие синяки в форме отпечатков рук украшали шею. Из неглубокого пореза у основания горла сочилась кровь. Над правым глазом образовался фиолетовый синяк, а зубы окрасились в ярко-красный цвет.

К удивлению Мики, Сайлас усмехнулся.

— Ну и видок, принцесса.

Амелия наполовину рассмеялась, наполовину подавилась. Ее лицо сморщилось, как будто она вот-вот расплачется. Но нет. Ее рот сжался, глаза ожесточились.

— Он собирался меня убить.

— Знаю.

— Я его остановила.

— Да.

Она отстранилась и встала, покачиваясь на ногах. Сайлас подскочил и поддержал

Амелию.

— Давай. Пойдем.

Она откинула волосы с лица.

— Он должен умереть.

Они оба посмотрели на Кейна, окровавленного и без сознания. Мика ударил ногой по руке подонка, отбросив ее от лица. Из его правого глаза сочилась кровь и прозрачная липкая жидкость.

— Ты сделала это, сестренка? — с восхищением проговорил Сайлас.

— Да. — Теперь голос Амелии звучал сильнее. Она подняла подбородок и посмотрела на брата. — И я собираюсь его прикончить.

— Нет, ты не станешь, — возразил Сайлас.

— Да. Я его убью.

Она попыталась отойти, но Сайлас схватил ее за руку.

— Ты уже достаточно пережила. Позволь мне самому.

Они смотрели друг на друга долгую, молчаливую минуту, между ними происходило столько всего, что Мика почувствовал себя незванным гостем. Он отвел взгляд, и посмотрел на Кейна.

— Сайлас!

Кейн корчился на полу, его глаза закатились назад, изо рта пошла белая пена. Через мгновение он затих, его тело гротескно искривилось.

Амелия уставилась на тело, ее лицо побелело.

— Он мертв?

Сайлас проверил, прижав пальцы к шее Кейна. И кивнул.

Ее руки сжались в кулаки по бокам.

— Хорошо.

Кислота бурлила в желудке Мики, но он ее поборол. Он понятия не имел, что находилось в шприце, чтобы убить такого человека, но сейчас это не имело значения. Ему нужно быть сильным, храбрым. Они еще не в безопасности.

— Пора уходить.

— Мика, помоги Амелии, — велел Сайлас. — Я буду прикрывать наш путь.

Амелия позволила Мике положить руку ей на плечи. Он старался обнять ее как можно мягче, но она все равно вздрогнула. Корабль покачнулся, и они пошатнулись. Мика поддержал Амелию.

— Прости меня.

Она впервые посмотрела на него, и на ее губах заиграла хрупкая улыбка.

— Когда мы виделись в последний раз, разве я не говорила тебе что так и будет?

Он сжал черную сумочку в ее дрожащих руках.

— Об этом. Мне не следовало тебя оставлять. Я должен был...

— Что было, то прошло.

Глубокий стыд наполнил Мику, как будто он один ответственен за действия своего брата, за все ужасные вещи, которые произошли, за то, что Кейн сделал с Амелией, за всех погибших матерей, отцов и детей. Потому что в каком-то смысле так оно и есть. Он позволил своей любви ослепить его. Он верил в доброту людей, в своего брата. А теперь, в окружении смерти и тьмы, Мика больше не знал, во что верить.

Он вывел Амелию из капитанской каюты в коридор.

— Я должен был сделать все по-другому. Если бы только я...

— Мика. — Ее голос звучал мягко. — Я тоже ему поверила.

Он мрачно кивнул, но стыд не исчез. И никогда не исчезнет.

Не успели они выйти на лестничную площадку, как корабль потряс еще один мощный взрыв.

Уиллоу

Уиллоу встала перед братом, закрывая его своим телом. Двумя руками подняла винтовку, ухватившись за ствол и выставив ее вперед, как дубину.

— Беги! — крикнула она.

Громкий треск потряс ее уши. Она закричала.

Террорист пошатнулся, его лицо исказилось в ошеломленной гримасе. Его оружие дрогнуло, когда он уставился вниз на красное пятно на груди.

Он замер, а затем упал на пол.

Спустя мгновение из-за угла появился парень, одетый в черное боевое снаряжение. У него было длинное, волчье лицо с язвительным выражением. Он ухмылялся, сжимая в руках полуавтомат.

— Ты ведь в курсе, что оружие так не используют?

Ее ноги подкосились, и она рухнула на колени. Бенджи бросился к ней, разрыдавшись. Уиллоу выронила винтовку и крепко обняла брата, их тела дрожали. Подняла глаза на парня.

— Спасибо за подсказку. И за то, что нас спас.

Парень посмотрел вниз на тело, подтолкнув руку убитого террориста.

— Мне требовалась практика стрельбы по мишеням. — Его голос звучал легко, но лицо побледнело, а губы вытянулись в тонкую бескровную линию.

Бенджи закашлялся, хрипло хватая воздух, и Уиллоу погладила его по волосам.

— Давай, достанем твой ингалятор из рюкзака. Все хорошо, все в порядке.

— Технически, конечно, нет. — Парень потянулся вниз и схватил винтовку мертвеца.

Позади него из-за угла прихрамывая вышли еще двое, один в стандартном темном одеянии террориста. Уиллоу вскочила на ноги, толкая брата за спину.

Первый парень закатил глаза.

— Расслабься. Кстати, я Сайлас Блэк. Познакомься с моей сестрой, Амелией, а имя этого я забыл.

— Я Мика, — представился второй парень. Уиллоу признала в нем официанта из столовой «Оазис». Еще тогда она обратила внимание на его мальчишескую привлекательность в смокинге и белых перчатках. Теперь он весь был покрыт пятнами грязи и крови, а в его глазах застыла тревога.

Мика обхватил плечо Амелии Блэк, удерживая ее на ногах. Ее лицо и шея были в синяках и крови, волосы спутались вокруг лица.

— Она в порядке? — спросила Уиллоу.

— Никто из нас не в порядке, — отозвался Сайлас.

— Со мной все будет хорошо. — Голос Амелии звучал глухо, но она подняла голову и встретила взгляд Уиллоу.

— Нам нужно идти, ребята, — проговорил Мика. — Мы направляемся к спасательным шлюпкам. Пойдемте.

— Секунду. — Уиллоу позвала остальных детей и воспитателей к выходу на лестницу. Несколько маленьких, испуганных лиц выглянули из-за угла лестничной площадки.

Сайлас нахмурился.

— Ты, должно быть, шутишь. Мы ни за что на свете не станем нянчиться с кучкой

сопляков на тонущем корабле смерти. Просто нет.

— Мы не можем бросить маленьких детей, — возразил Мика. — Ничего, разберемся.

— Они замедлят нас и создадут слишком много шума. Из-за них мы все погибнем. На этом корабле все еще полно психопатов. — Сайлас пнул ногой труп мужчины у своих ног. — Экспонат номер один.

— Это ты психопат! — прошипела Уиллоу. Как кто-то вообще может так думать? Он просто еще один богатый ублюдок, напыщенный представитель элиты, у которого нет ни сострадания, ни совести.

Лицо Сайласа потемнело. Он угрожающе шагнул к ней.

— Ты забыла, кто здесь умеет обращаться с оружием.

— Мы берем их с собой, — объявил Мика. — Это не обсуждается.

— Отлично. — Сайлас усмехнулся. — Мы оставим тебя с этими отродьями. Развлекайся.

— Сайлас, — хрипло произнесла Амелия. Но ее брат остановился. Их взгляды встретились. — Мы идем. Все вместе.

Раздался треск системы громкой связи.

— Говорит начальник службы безопасности Шнайдер. Мы покидаем корабль. Повторяю, покидаем корабль. Пожалуйста, следуйте стандартным протоколам эвакуации...

Еще один взрыв сотряс пол, стены, потолок. Несколько детей оступились и упали. Уиллоу прислонилась к лифту для поддержки. Пол, казалось, скользил под ее ногами. Не раскачивался. Наклонился.

— Я чувствую запах дыма, — дрожащим голосом произнес Бенджи.

Он не ошибся. Они все почувствовали этот запах, вонь, как от горящей резины, что-то нечистое и опасное.

В пятидесяти ярдах от королевского променада справа тяжелая огнеупорная дверь, ведущая в следующую секцию, не закрылась должным образом. Огонь вырвался на променад, черный дым повалил в их сторону. Пламя лизало стены, пол, потолок.

— Пора уходить! — прокричал Мика.

Раздался громкий стонущий, скребущий звук, и пол снова наклонился. Корабль начал заваливаться. Уиллоу схватила Бенджи за руку.

— Быстрее!

Они наполовину бежали, наполовину пошатывались по левой стороне променада, в сторону кормовой лестницы. Осколки стекла и куски стен и потолка усеивали пол. Золотые русалки в фонтане были изрешечены пулями.

За фонтаном парадная лестница оказалась разрушена, стекло пошло неровными трещинами. Несколько ступеней отсутствовали, остальные разрушены.

Дым окутывал воздух мутной, все более глубокой дымкой. Вонь стала еще сильнее, она жалила ноздри Уиллоу и застревала в горле. Пошатываясь, она переступила через расколотую картину в золоченой раме, которая когда-то была настоящей работой Джексона Поллока.

Они обогнули огромную упавшую люстру, под ее разбитыми кристаллами лежало неподвижное тело. Группа подошла к закрытой огнеупорной двери, отделявшей их от кормовой лестницы. Мика нажал на зеленую кнопку. Над дверью замигала красная лампочка, и раздался сигнал тревоги.

Уиллоу повернулась к Мике.

— Разве в рекламе «Гранд Вояджера» не обещали исполнить все мои желания?

Мика фыркнул.

— Возможно, мы немного перехвалили себя.

— Как и «Титаник», — заметила Амелия.

Уиллоу схватила Бенджи свободной рукой и протолкнула его в отверстие.

— Отпуск мечты, твою мать. Давайте убираться с этого корабля.

К тому времени, когда Уиллоу и остальные добрались до четвертой палубы, на ней толпились десятки паникующих пассажиров, нетерпеливо ожидающих посадки в спасательные шлюпки. Несколько офицеров и несколько человек в штатском стояли по обе стороны, держа оружие наготове на случай нового нападения. Члены экипажа готовили спасательные шлюпки и раздавали спасательные жилеты.

Палуба была скользкой и прогибалась под ногами, наклоняясь вниз. Дождь хлестал по голове. Без света здесь должно было быть темно, но языки огня горели через внешние палубы на этажах над ними, заливая все жутким оранжевым свечением.

Вокруг мельтешили кричащие тени. Уиллоу крепче сжала руку Бенджи и, спотыкаясь, пробиралась сквозь суetyающую толпу, ища в каждом прохожем лицо своей мамы. Но ее там не было. Ее нигде не было.

Вместо этого Уиллоу столкнулась с Селестой. Та просто стояла на месте, ее мокрые волосы закрывали лицо, глаза блестели от ужаса.

— Вставай в очередь к спасательной шлюпке! — Уиллоу встряхнула Селесту за плечи. Селеста уныло кивнула.

— Они нас не пропустят! — воскликнула Надира.

Мика помог им проложить путь через паникующую, толкающуюся толпу к ближайшей спасательной шлюпке.

— Сначала дети, — распорядился член экипажа, обслуживающий лодку, не давая светловолосой женщине средних лет подняться на борт.

— Вы знаете, кто я? — прошипела она. Тушь стекала по ее щекам, волосы прилипли к черепу. — Я Мередит Джексо...

— Никого это не волнует. — Уиллоу оттолкнула ее и посадила Бенджи на лодку.

Корабль дрогнул с сильным стоном, накренившись под более крутым углом. Ноги Бенджи соскользнули в щель между спасательной шлюпкой и бортом корабля. Он вывернулся из ее хватки. Уиллоу вцепилась в его руки, но ее пальцы не могли удержать скользкую кожу.

— Бенджи!

Изнутри спасательной шлюпки кто-то рванулся вперед, схватил Бенджи за рюкзак и потащил его вверх и через край люка. В результате ее брат упал кучей на пол шлюпки.

На Уиллоу смотрело знакомое лицо.

— Финн! — ахнула она.

Он криво усмехнулся.

— Давай сюда.

— Поторопитесь! — крикнул кто-то.

— Пропустите нас! — Ее толкали со всех сторон. Кто-то сильно ударил ее локтем в позвоночник. Чьи-то руки царапали и пихали Уиллоу в спину.

И тут Мика оказался рядом, встав между ней и толпой.

— Вперед!

Она чуть не поскользнулась, когда они с Надирой помогали остальным детям. Финн высунулся из люка и хватал каждого ребенка, легко поднимая их в безопасное место.

— Залезай! — Мика подтолкнул Надиру в лодку и повернулся к Уиллоу.

— Но моя мама...! — Могла ли Уиллоу спастись, не зная, жива мама или нет? Мама могла все еще быть на корабле. Что, если она где-то застряла и нуждается в помощи? Что если...

Откуда-то сверху раздались выстрелы. Все закричали. Толпа запульсировала, поскользываясь и катаясь по наклонной палубе. Несколько человек ударились о перила, потеряли равновесие и упали, погружившись в воды океана.

— Нет времени! — Мика толкнул ее. — Давай!

Может быть, ее мама успела попасть в одну из других спасательных шлюпок. Может быть... но ее надежда угасала с каждым взрывом, раскалывающим небо.

Бенджи. Ей необходимо оставаться с Бенджи. Этого хотела бы мама. Уиллоу глубоко вздохнула и забралась в лодку. Когда шлюпка заполнилась, Мика отпустил захваты и крепежные тросы. Затем пропустил двух членов экипажа в спасательную шлюпку и начал закрывать люк.

— А ты? — спросила она.

— Я сяду в следующую. — Люк захлопнулся. Крики и рев ветра стихли. Все сгрудились на скамейках, промокшие, дрожащие, испуганные. Бенджи и одна из маленьких девочек прижались к ее бокам.

Лодка покачивалась, опускаясь к морю. Она отцепилась, упав на последних нескольких футах в воду. Под ними вздыбилась волна, и лодка вздрогнула, когда команда запустила двигатель и поплыла прочь от тонущего «Гранд Вояджера».

— Мама! — Уиллоу обернулась, оглядывая напряженные лица пассажиров. — Кто-нибудь видел Марисоль Бахагари?

Но никто не ответил. Мамы здесь нет. Ужас застыл в животе Уиллоу, твердый как камень.

Через несколько скамеек кого-то стошнило. Кислая вонь заполнила ноздри, и она сжала губы, стараясь держать себя в руках. Она должна быть сильной ради Бенджи.

Рядом суетилась сотрудница экипажа, раздавая таблетки от укачивания и воду в бутылках. Когда женщина рядом с ней попыталась отмахнуться, девушка настойчиво сказала.

— Это для того, чтобы уберечь вас от тошноты.

— Ну и от запаха, — заметил Финн.

Уиллоу попыталась улыбнуться, но не смогла. Ее лицо напоминало маску, кожа словно натянулась на кости. Только когда они отошли достаточно далеко от корабля, Уиллоу осмелилась оглянуться.

«Гранд Вояджер» походил на корабль-призрак. Некогда великолепный белый корпус кренился набок, освещенный голодным, мерцающим светом пламени, которое пожирало средние палубы. Черный дым поднимался в небо, словно дыхание огромного дракона.

Но вода поглотит дракона. Океану плевать, насколько могуч и великолепен был «Гранд Вояджер», насколько богаты и влиятельны его пассажиры. Корабль пойдет ко дну, каждый его дюйм будет поглощен холодным, равнодушным морем.

Уиллоу оторвала взгляд от тонущего лайнера. К ним направлялась вторая спасательная шлюпка. Третья шлюпка слишком рано освободилась от люльки. Вместо того чтобы

опуститься на тросах, она пролетела последние пятнадцать футов. Но все они находились вне пределов корабля. Еще один взрыв разорвал верхние палубы, огонь и дым хлынули в темноту.

Финн сидел напротив нее, измученный, его глаза казались такими же широкими, испуганными и потерянными, как и ее собственные. Но он выжил. Через какой бы ад он ни прошел, он жив. Они оба были живы.

— Где мама? — Бенджи сел. — И Зия?

Уиллоу на мгновение закрыла глаза, желая быть сильной. Затем притянула брата к себе и прижалась лбом к его лбу, так всегда делала мама, когда кто-то из них боялся, болел или грустил.

Возможно, мама находится в другой спасательной шлюпке. Такое возможно. Но каким-то образом Уиллоу знала. Она чувствовала это глубоко в своих костях. Ее мамы больше нет, как и Зии.

— Теперь никто не причинит им вреда, даю слово, — прошептала она Бенджи. — Тебе больше не нужно бояться. Я буду тебя защищать.

Он кивнул и прижался к ее коленям как щенок. Через несколько мгновений он уже спал.

Если бы только она тоже могла заснуть. Ее глаза слипались, мысли текли медленно и бессвязно. Каждый мускул в ее теле болел. Но Бенджи спал сладким сном невинного младенца.

Уиллоу уже не чувствовала себя невинной. Воспоминание о глазах сестры, холодных и пустых, как стекляшки, прожгло ее насквозь. Зия умерла из-за нее. Она умерла в одиночестве и ужасе. Все из-за эгоизма Уиллоу. Она потратила все свое время и энергию на недовольство и обиду на своих родных, вместо того чтобы просто их любить.

Чего только она бы не отдала, лишь бы снова услышать ослиный смех Зии или выслушать очередную мамину лекцию об ответственности перед семьей. Ее мама, которая всегда жертвовала своими нуждами ради детей. Ее мама, которая так много работала только для того, чтобы позаботиться о них.

Уиллоу гладила волосы Бенджи, смаргивая слезы, ее сердце болело от горя и сожаления. Но она не могла плакать. Не о себе. Она не заслуживала слез.

Габриэль

Джерико толкал Габриэля сквозь толпу, прижимая к его спине пистолет. Его руки были связаны перед ним, жесткий пластик впивался в запястья. Дождь хлестал по нему. Ветер прижимал к перилам. Пламя над ними боролся с молниями, пробивающимися сквозь облака. Небо превратилось в темную, кипящую массу, словно живое чудовище, готовое сожрать их всех.

— Шевелись! — Джерико протащил его мимо первой очереди толкающихся и пихающихся людей у борта спасательной шлюпки. Экипажа не хватало для спокойной, упорядоченной аварийной эвакуации, к которой их готовили. Неоднократные крики «Пожалуйста, сохраняйте спокойствие!» терялись в грохоте. Шторм, кипящее море, раскачивающаяся палуба и пламя превратили пассажиров в мечущуюся толпу, охваченную паникой.

Корабль резко накренился. Все закричали, оступаясь и ударяясь о перила. Несколько бочкообразных канистр спасательного плота выскочили из своих держателей на палубе. Габриэль отпрыгнул в сторону, когда одна из них проскочила мимо него и разбилась о перила.

Рядом с ним два члена экипажа спускали четвертую спасательную шлюпку на тросах. Габриэль почувствовал присутствие брата раньше, чем его увидел. Он повернулся.

— Не двигайся! — Джерико сильнее прижал пистолет к его позвоночнику.

Габриэль едва это заметил.

— Мика!

Мика склонился над пультом управления, пока шлюпбалки и тросы опускали спасательную шлюпку, выравнивая ее с четвертой палубой. Он поднял голову при звуке своего имени. Его кудри прилипли ко лбу, вода заливала очки. Его взгляд встретился со взглядом Габриэля, и он застыл, его лицо исказилось.

Мика дернул головой и разорвал зрительный контакт, повернувшись обратно к спасательной шлюпке. Он открыл люк и помог первым нескольким пассажирам забраться внутрь.

Габриэль сморгнул дождь с глаз. Невозможно. И все же она стояла там, в десяти ярдах от него, Сайлас поддерживал ее, а Мика взял за руку, чтобы посадить в шлюпку. Молния расколола небо, обнажив ее бледное лицо, синяки и порез на губе. Но Амелия была жива, грязная и израненная, но восхитительно живая.

Она посмотрела на него, их глаза встретились на одно долгое, ужасное мгновение. И Габриэль увидел не ненависть, которую заслуживал, а растерянность, боль и потерю.

Раскаяние заполнило его, сожаление, такое огромное и глубокое, что поглотило целиком. Он предал единственных людей в своей жизни, о которых по-настоящему заботился. Мику, брата, которого он любил. И Амелию, девушку, о которой беспокоился, и, возможно, мог полюбить, если бы только у него имелось больше времени. Если бы он дал им больше времени. Если бы он не обманул и не бросил ее.

Он питал свою собственную жажду ненависти и мести больше, чем что-либо другое. Больше, чем справедливость. Больше, чем любовь. И тем самым он предал Амелию, своего брата, свое дело и, в конечном счете, самого себя. В нем разгоралась ненависть к самому

себе, темная и смертоносная.

Сверху посыпались выстрелы. Пули почти не издавали звука, вгрызаясь в палубу и взрываясь щепками тика. Толпа, охваченная ужасом, всколыхнулась, сбивая все больше людей через перила.

Джерико крутанулся на месте, бешено прицеливаясь в поисках стрелка. Пули вгрызались в корпус позади Габриэля. Несколько панелей стеклянных перил разлетелись вдребезги.

Три человека справа от Габриэля упали, красная вода хлынула к его ногам. Среди упавших была девочка лет пяти-шести, одетая в ярко-желтый банный халат. Ее темные волосы рассыпались вокруг головы, как нимб, а тусклые глаза уставились на него.

Габриэль отвернулся, и его вырвало. Эта маленькая девочка ни о чем таком не просила. Кто может решать, кто невинен? Она точно невиновна. А теперь она мертва. Она оказалась сопутствующей жертвой Симеона. Побочным ущербом Габриэля.

Он сделал это. Все эти люди, вся эта боль, ужас и смерть. Это его вина. Габриэль видел все так ясно теперь, когда стало слишком поздно. Его душа сломалась под сокрушительным грузом.

Холодный дождь лил с небес. Кипящее небо совсем близко. Море, раскалываясь, поднималось ему навстречу. Хищное, ждущее. Он шагнул к перилам.

— Габриэль! Нет! — закричал Мика.

Кто-то схватил его за руку. Джерико рывком оттащил его от края.

— Тебе не удастся так легко избежать правосудия. — Он толкнул Габриэля к спасательной шлюпке. — Ты заплатишь за свои грехи.

Габриэль склонил голову. Не существовало ни цены, ни наказания, ни искупления, которое покрыло бы его грехи. Он поступил глупо, попросив прощения у брата. Прощения не будет, только не для него. Он не найдет ни утешения, ни мира, ни искупления.

Ни в этой жизни, ни в следующей.

Уиллоу

Уиллоу наблюдала, как первые намеки на серый цвет окрашивают темные окна. Отблески рассвета окрасили небо в нежнейшие оттенки синего индиго. От бури не осталось и следа: ни грозных облаков, ни злобных волн.

Море оставалось неподвижным и ровным, как лист стекла.

— Ты в порядке? — прошептал Финн с другого конца прохода. Он прислонился к окну, скрестив руки на груди. Его глаза налились кровью и были красными, как будто он плакал ночью. На правой щеке виднелись пятна засохшей крови.

Какая-то ее часть хотела спросить, что с ним случилось, но Уиллоу не стала этого делать. Пока она не готова раскрывать свои секреты.

Каждого человека в этой лодке до конца жизни будет преследовать кошмар этого дня — увиденное, погибшие люди, то, что с ними сделали, и то, что сделали они. Она знала, что так и будет.

Уиллоу крепко обняла Бенджи. Она не хотела его отпускать. Ни за что. Бенджи теперь ее единственная семья. Он ее ответственность. Он ее сердце.

— Я жива, — ответила она.

Финн кивнул.

— Этого должно быть достаточно.

— Мы обязательно сделаем так, чтобы этого оказалось достаточно.

Он показал на ее одежду.

— Похоже, ты и правда ненавидишь платья?

Уиллоу посмотрела на себя: темно-синяя ткань порвана в нескольких местах, измазана грязью и кровью. Ее ноги в порезах, синяках и сильно болят.

— Я точно не скучаю по тем каблукам.

Финн фыркнул. Они обменялись едва заметными улыбками.

Она кое-что заметила в окне за его плечом. Серое пятно на горизонте, более темное, чем окружающий его туман.

— Что это?

Финн повернулся и посмотрел, прижав руки к стеклу.

— Миледи, мне кажется, вы заметили корабль.

Уиллоу не могла поверить в то, что услышала.

— Корабль.

Она взглянула на Финна, и в его глазах отразилась ее собственная нерешительная надежда.

Они наблюдали за приближением корабля в лучах раннего утра, окрасивших небо в абрикосовые и розовые тона. Это был корабль ВМС США. И он шел прямо к ним.

Спасение.

Амелия

Амелия прижалась к матери. Она не могла перестать дрожать. Мигрень рассеялась и превратилась в тупую боль в основании черепа. Амелия чувствовала себя измученной и слабой, как будто несколько дней поднималась в гору. Она посмотрела на свои онемевшие руки. Казалось, что они ей не принадлежат. Как будто кто-то другой вонзил ту иглу в глаз Кейна. Кто-то другой колол его, снова и снова.

Но она жива. Она спасла себя.

Сайлас сидел напротив, уставившись в пустоту. В этом безликом затянутом пластиком помещении все равно не на что смотреть. Все вокруг белое или серое, стерильное и безвкусное.

После вчерашнего спасения военно-морским флотом сто пятьдесят или около того выживших разместили в огромном помещении, похожем на палатку из пластика. Им выдали бутылки с водой и подали несколько блюд на коричневых пластмассовых подносах. В их распоряжении был туалет с шестью отделениями и несколько душевых.

В первый раз, когда Амелия, прихрамывая, дошла до ванной и посмотрела на себя в зеркало, то испытала шок. Волосы: спутанные, в узлах. Лицо: грязное, в синяках и опухшее. Платье: порвано и испачкано. Ногти: сломанные. Она осмотрела зеленовато-желтые синяки на ребрах и животе, осторожно прикасаясь к чувствительной плоти.

Но прошло уже несколько часов. Теперь они просто ждали. Все сидели на пластиковых стульях или сгорбившись на полу, укутавшись в одеяла. Она устроилась с матерью и Сайласом у стены в дальнем углу.

Но она все-таки здесь. А Симеон — нет. И не было этого засранца Кейна. Как и ее отца. А она здесь. Она подняла подбородок и встретила свой собственный взгляд в зеркале. И улыбнулась сама себе.

Джерико находился где-то позади них, давая возможность уединиться. Здесь были Тайлер Хорн и сенатор Лопес, а также Селеста и Мередит Джексон-Купер. В нескольких футах от них спала Уиллоу с младшим братом, который свернулся калачиком у нее на коленях, сжимая потрепанный рюкзак в худых руках.

Мика привалился к Бенджи с другой стороны. Судя по впалым щекам и покрасневшим глазам, он страдал от недосыпа, как и Амелия. Она не разговаривала с ним, но могла прочесть печаль и опустошение, написанные на его лице.

Все были напуганы, растеряны, потрясены, убиты горем. Все они кого-то потеряли. Звуки приглушенных рыданий постоянно перекрывали гул корабельного двигателя.

Единственные люди, вошедшие в изолированное помещение, носили громоздкие защитные костюмы. Они не встречались с ней взглядом сквозь маски. Только ухаживали за ранеными и оказывали первую помощь. Осмотрели ее клатч с единственным оставшимся эпи-шприцем, но не забрали его. Пока не забрали. Когда кто-нибудь пытался задавать им вопросы, они только качали головами. «Мы следуем протоколу. В ближайшее время кто-нибудь придет поговорить с вами», — вот и все, что они отвечали. И еще: «Пожалуйста, сохраняйте спокойствие».

Сайлас посмотрел на нее, приподняв одну бровь. Он не спрашивал постоянно, все ли у нее в порядке, как это делала ее мать. Но внимательно изучал ее лицо, ища что-то. Амелия

встретила его взгляд. Он был братом, которого она любила, тем, кто снова и снова вставал между ней и отцом. Даже если он никогда не говорил ни слова, все равно следил за тем, чтобы с ней все было в порядке.

Хотя пока что это не так. С момента нападения она не могла заснуть. Глаза жгло, голова пульсировала, но каждый раз, когда она пыталась отдохнуть, ей мерещилось лицо Кейна за закрытыми веками, его ядовитые глаза, отвратительная, развратная ухмылка. Амелия все еще чувствовала его руки — огромные, сильные, цепкие, как пауки, все еще ощущала зловонное дыхание, жар на своих щеках. Она не могла избавиться от следов его прикосновений на своей коже. Если ей удавалось задремать, она тут же просыпалась, с бешено бьющимся о ребра сердцем.

Кейн преследовал ее во сне, но Габриэль не давал покоя наяву. Она постоянно видела его в своем воображении, под дождем и в хаосе на палубе. Габриэль, отчаянно умоляющий о том, чего она не могла ему дать. Амелия не видела Габриэля с тех пор, как два морских офицера увели его в наручниках через несколько мгновений после их спасения. Она не знала, что с ним теперь будет.

Она задрожала и плотнее обернула вокруг себя одеяло.

Ее мать зашевелилась и открыла глаза.

— Амелия. — В ее голосе звучало облегчение. Каждый раз, когда она просыпалась от беспокойной дремоты, начинала волноваться, пока не видела свою дочь. — Мы выжили. Мы все здесь.

— Не все из нас, — заметил Сайлас.

Амелия облизнула губы. Отчасти ей хотелось, чтобы она не знала этого, чтобы могла притвориться, что ни о чем не подозревает. Но это невозможно.

— Почему они держат нас здесь? — снова спросила она.

В этот раз ее мать ответила.

— Хотят удостовериться, что мы не заражены.

— Из-за того, что происходит на материке, — кивнул Сайлас.

Амелия теребила свой браслет.

— Это все из-за отца?

Мать бросила на нее острый взгляд.

— Тебе необязательно постоянно меня защищать. — Ее тон прозвучал резче, чем Амелия намеревалась. — Если ты не заметила, мы уже давно вышли за рамки этого.

Элиза вздохнула.

— Говори тише, пожалуйста. Мы должны оставить это между нами. У нас нет всех ответов. Пока нет. Нападение на «Вояджер», должно быть, планировалось несколько месяцев.

— Но как...

— Есть политические группы, которые открыто ненавидят и угрожают нам уже почти десять лет. Ваш отец планировал Саммит процветания Коалиции Единства на «Гранд Вояджере» на одну и ту же неделю каждый год. Нельзя сказать, что мы стали трудной мишенью. — Мать провела рукой по впадине горла.

— Это еще не все, — заметила Амелия.

Элиза тяжело вздохнула.

— Да, это еще не все.

— «Новые Патриоты» заявили, что универсальная вакцина использовалась как

прикрытие для распространения биооружия, — проговорила Амелия, глядя на мать и пытаясь уловить на ее лице признаки обмана. — Они утверждали, что созданный вирус предназначался для убийства ста тысяч невинных людей. Отец признал это. Как он мог сделать что-то подобное?

— Ш-ш-ш. — Ее мать дернула подбородком в сторону ближайших соседей. Но все остальные, казалось, спали. А они сидели в дальнем углу, что позволяло уединиться настолько, насколько вообще возможно в этом аквариуме. — Когда вы обвиняете бедных в их несчастье, как это делал ваш отец, это обесчеловечивает их. Становится легче оправдать зверства, если бедственное положение — их собственная вина. И если они меньше, чем люди...

— Ты знала? — зло спросил Сайлас.

Мать схватила Амелию за руку и сжала.

— Клянусь жизнью, я понятия не имела. И никогда бы не узнала. Я верила, что мы в безопасности. Ваш отец — он защищал нас. Я не знала.

Отвращение затопило Амелию. Она отдернула руку.

— Но ты знала, какой он человек.

— Амелия, ты должна понять. Мир так опасен. Он предложил безопасность.

— Безопасность? — Сайлас фыркнул. — Так вот как ты это называешь?

Между бровями Элизы пролегла линия.

— Так не должно было быть.

Амелия не переставая думала обо всех этих людях, обо всех тысячах жизней. Все эти матери и отцы, дети и младенцы, все они страдали, все умирали в муках.

И самое страшное — эти люди доверяли вакцине, верили в нее, ждали часами, чтобы сделать прививку своим больным детям. Все эти медицинские работники ставили уколы с улыбкой на лице и нежностью в прикосновениях, говоря: «Будет немножко больно». Потому что они не знали. Откуда им было знать, что они несут горе, ужас и смерть? Она согнулась, кислота обжигала горло.

— Амелия! Ты в порядке? — Элиза потянулась за сумочкой. — Дать твои таблетки?

— Я в порядке. А как же лекарство? Лекарство, которым «Новые Патриоты» хотели помочь всем этим больным людям?

— Они не хотели вакцину для людей. Только для себя.

— Что?

Ее мать закрыла глаза. Когда она снова их открыла, в них плескалось страдание.

— Доченька, дорогая, присядь.

Амелия напряглась.

— Просто скажи мне.

— Биооружие — оно заразило не только людей, получивших вирус через укол.

Голова закружилась. Появилось такое чувство, как перед мигренью, когда возникает неприятное состояние. Предупреждение.

— Рассказывай.

— Искусственный вирус, введенный в вакцину от гриппа, мутировал. Он заразен.

— Заразен, — повторила Амелия. В голове помутилось, мозг заволокло туманом.

— Всегда есть вероятность распространения вирусов при использовании вакцины, в которой есть живой патоген, например, против кори или полиомиелита. Но это... что-то случилось. Я не эксперт, но полагаю, что искусственный вирус слился с летучим штаммом

гриппа H17N10 в десятках тысяч уже зараженных людей, которые выстроились в очередь, чтобы получить универсальную вакцину. Когда эти два вируса заразили одни и те же клетки носителя, они подверглись изменению, объединив свой генетический материал для создания нового штамма — вируса Гидры. Я почти ничего не знаю кроме этого. Но прямо перед тем, как связь на «Гранд Вояджере» прервалась, Центр контроля заболеваний объявил вирус Гидры пандемией.

— Что нам теперь делать? — спросила Амелия, борясь с паникой.

Ее мать сцепила руки вместе.

— У нас есть вера. Мы делаем все возможное, чтобы помочь. Мы молимся за больных и их семьи...

— Как ты можешь так говорить? — Рот Сайласа искривился. — Как ты можешь говорить о вере после того, что он сделал?

Глаза Элизы наполнились слезами.

— Надеюсь, я научила вас...

— Чему научила? — усмехнулся Сайлас. — Ты научила нас уважать и подчиняться монстру.

Она перевела взгляд с Сайласа на Амелию, ее лицо сморщилось.

— Вы оба, должно быть, ненавидите меня. И, возможно, я заслуживаю этого. Но вы не знаете всего. Есть еще кое-что, что я должна вам рассказать...

Но Амелия услышала достаточно. Она не могла находиться рядом с матерью, не могла даже смотреть на нее. Ее мать была слабой. Она всегда оставалась слабой. Теперь Амелия видела это. Раньше она слепо не замечала, так стремилась угодить отцу, что не видела его таким, какой он есть. А еще изо всех сил старалась быть такой же кроткой и покорной, как ее мать, и не видела, что это делает с ее собственной душой. Даже с Габриэлем она оставалась слепой, видя то, что хотела видеть — кого-то, кто спасет ее, чтобы не пришлось делать тяжелую работу самой.

Но теперь она прозрела. Ей больше не нужно быть слабой и покорной.

— Просто остановись.

— Но Амелия, ты не понимаешь...

Вход в карантинную зону открылся, и две фигуры в защитных костюмах вошли внутрь, втаскивая старомодный телевизор с плоским экраном. Из-за своих костюмов они выглядели чужими и пугающими.

— Дамы и господа, — громким, грудным голосом проговорила одна из пришедших.

Вокруг нее люди приподнимались, потирая измученные лица. Несколькими местами ниже Уиллоу сгорбилась, защищая своего младшего брата. Их глаза застыли. Амелия попыталась ободряюще улыбнуться, но не смогла. Ее рот, все ее лицо словно одеревенели.

— Мы понимаем ваш шок, замешательство и вопросы, — продолжала женщина в защитном костюме. — Вы прошли через тяжелейшее испытание. Но в силу сложившихся обстоятельств мы должны принять чрезвычайные меры предосторожности. Наши врачи осмотрят каждого из вас дополнительно чуть позже сегодня. Спасибо за ваше терпение и, пожалуйста, сохраняйте спокойствие.

— Дайте нам чертовы ответы! — крикнул кто-то.

— Это из-за вируса Гидры?

— Что происходит на самом деле?

— Вы не можете держать нас здесь!

— Я уполномочена проинформировать вас о текущем чрезвычайном положении. Как вы уже поняли, вирус Гидры — это особо агрессивный штамм гриппа А. К тому же он мутировал... неожиданным образом.

— Что случилось? — спросил мужчина с ужасом в голосе.

— Все государственные и национальные агентства работают в связке, чтобы сдержать болезнь. Президент Слоан распорядилась закрыть все внутренние порты, а внутренние и международные рейсы приостановлены.

По помещению пронесся тихий ропот.

— Президент Слоан? — переспросил Тайлер Хорн.

Женщина кивнула.

— Президент Морган умер от вируса позапрошлой ночью. Президент Аманда Слоан была немедленно приведена к присяге. Первым делом она ввела чрезвычайное положение в стране.

Еще один слышимый вздох.

— Вчера президент Слоан объявила, что вирус Гидры выпущен на Соединенные Штаты в качестве биологического оружия.

Никто не двигался. Все затаили дыхание.

— Последствия оказались... просто ужасающими. Мы будем сообщать информацию по мере ее поступления, но сейчас получили разрешение показать вам часть экстренного обращения президента Слоан. — Женщина включила телевизор и отошла в сторону.

На экране новый президент стояла за своим столом в Овальном кабинете. Она наклонилась вперед, сложив руки на столе. Высокая, стройная женщина лет пятидесяти, с коротко подстриженными русыми волосами и мрачным взглядом. Она выглядела как сильный и решительный человек, способный и готовый справиться с кризисом.

— Я потрясена и опечалена сообщением, что круизный лайнер «Гранд Вояджер» затонул вчера после нападения террористов. На данный момент мы не знаем, сколько человек выжило. Это была тщательно спланированная и организованная атака с двух сторон.

— Убийство стольких наших блестящих представителей промышленности, а также нескольких замечательных и преданных членов конгресса и их семей — непростительное деяние. Оно не останется незамеченным. Убийство миллионов американских мужчин, женщин и детей с помощью смертоносного биологического оружия — зверство, которое мы никогда не забудем. И за это мы отомстим всей мощью нашей военной силы.

— У нас есть основания полагать, что за этими злодеяниями стоит один и тот же преступник — доморощенная террористическая группа, известная как «Новые Патриоты». Я обещаю вам сегодня, что мы найдем всех и каждого виновного в этих ужасных нападениях. Мы покажем им точное значение американского правосудия.

— Но сегодня наша нация в трауре. Вы не голосовали за меня, но я ваш президент, лидер этой потрясающей страны. Я не успокоюсь, пока мы не изолируем это биооружие. Мы не остановимся, пока наша страна снова не станет безопасной.

— В качестве первого шага на посту президента я собрала чрезвычайную сессию конгресса и проконтролировала принятие Закона о безопасности и защите. Этот закон дает нам возможность выследить и поймать злодеев, ответственных за эти отвратительные преступления. Биоидентификационный чип здоровья позволит идентифицировать и помочь тем, кто болен, и защитить здоровых, спасая как можно больше американских мужчин, женщин и детей.

Президент сделала паузу, глядя на зрителей с каменной решимостью.

— Наша надежда и вера в американскую мечту сегодня не ослабнет. Весь мир молится вместе с Соединенными Штатами. Да пребудет с нами Бог.

Телевизор потемнел. Секунду спустя комната взорвалась паникой.

Волоски на шее Амелии зашевелились.

— Это неправда...

Мать схватила ее за руку так крепко, что ногти впились в кожу Амелии.

— Ш-ш-ш!

В сознании Амелии промелькнул образ Габриэля. Габриэль склонился над ней, его лицо переполняли эмоции, темные глаза блестели от боли.

— Но это же не они...

— Прекрати болтать. Сейчас же.

Она потрясенно уставилась на свою мать. Амелия не могла вспомнить, когда в последний раз видела ее такой свирепой, ее глаза горели отчаянной решимостью.

— Что...?

Мать наклонилась к ней вплотную, ее дыхание обжигало ухо Амелии.

— Никто здесь не знает, что сделал твой отец. Даже Джерико.

Она напряглась.

— Габриэль знает.

— Тогда молись, чтобы он ничего не рассказал. Ты хоть представляешь, что эти люди сделают с нами, если узнают?

— Нет. Я...

— В этом деле замешаны политики, занимающие высокие посты в правительстве. Ты помнишь все эти тревожные звонки, которые так обеспокоили твоего отца?

— Но это были не «Новые...

— Замолчи, — прошипела ее мать с железными нотками в голосе. — Конечно, нет. Но кто-то это сделал. Кто-то, обладающий достаточной властью и влиянием, чтобы организовать террористическую атаку на круизный лайнер, полный важных и уважаемых людей. Кто-то достаточно решительный, чтобы отравить сто тысяч человек и подставить террористическую группу. Один только контракт на поставку чипов будет стоить миллиарды. Происходит больше, чем мы знаем. Мы находимся в крайне опасном положении. Понимаешь?

Амелия кивнула. Ее мозг гудел от страшного смысла слов матери. Ее отец действовал не один. Но тогда кто за ним стоял? А нападение на «Гранд Вояджер»? Неужели они заметали следы, уничтожая всех, кто хоть немного знал о создании вируса Гидры? И что случится с ее семьей, если Габриэль раскроет правду о ее отце?

Но на этом ее мысли остановились. Невозможно осознать все это так сразу.

— Дамы и господа! — сказала женщина в защитном костюме. — Наши врачи скоро начнут вас осматривать.

— Как долго мы должны здесь оставаться?

— Мы не больны!

— Этот мальчик кашляет! Вы заперли нас с заразившимися!

— Когда мы попадем домой?

— Вас всех проверят! — Женщина подняла руки. — Сохраняйте спокойствие.

По Амелии пробежала дрожь, холод пробрал до самых костей. Когда они отправятся

домой? И более серьезные вопросы, слова, которые она с трудом могла обдумать, не говоря уже о том, чтобы произнести вслух. Есть ли вообще дом, куда можно вернуться? И если да, то какие опасности подстерегают их там?

А как же ее лекарство? У нее остался только один автоинъектор и месячный запас таблеток в маминой сумочке. Если отец на самом деле погиб...

— Это конец, — обреченно сказал Сайлас. — Это конец нашего мира.

Амелия покачала головой. Она не могла в это поверить. Отказывалась.

— Нет. Не конец.

Она вспомнила мамины слова о стекле, о том, что оно красиво, но непрочное, но его можно укрепить жаром, сделав крепким с помощью огня.

Они пытались ее сломать. Террористы. Кейн. Габриэль. Даже ее собственный отец. Но не смогли. Никто из них не смог.

Она не разбилась.

Что бы ни случилось дальше, она справится с этим.

Они все справятся.

Конец первой книги.